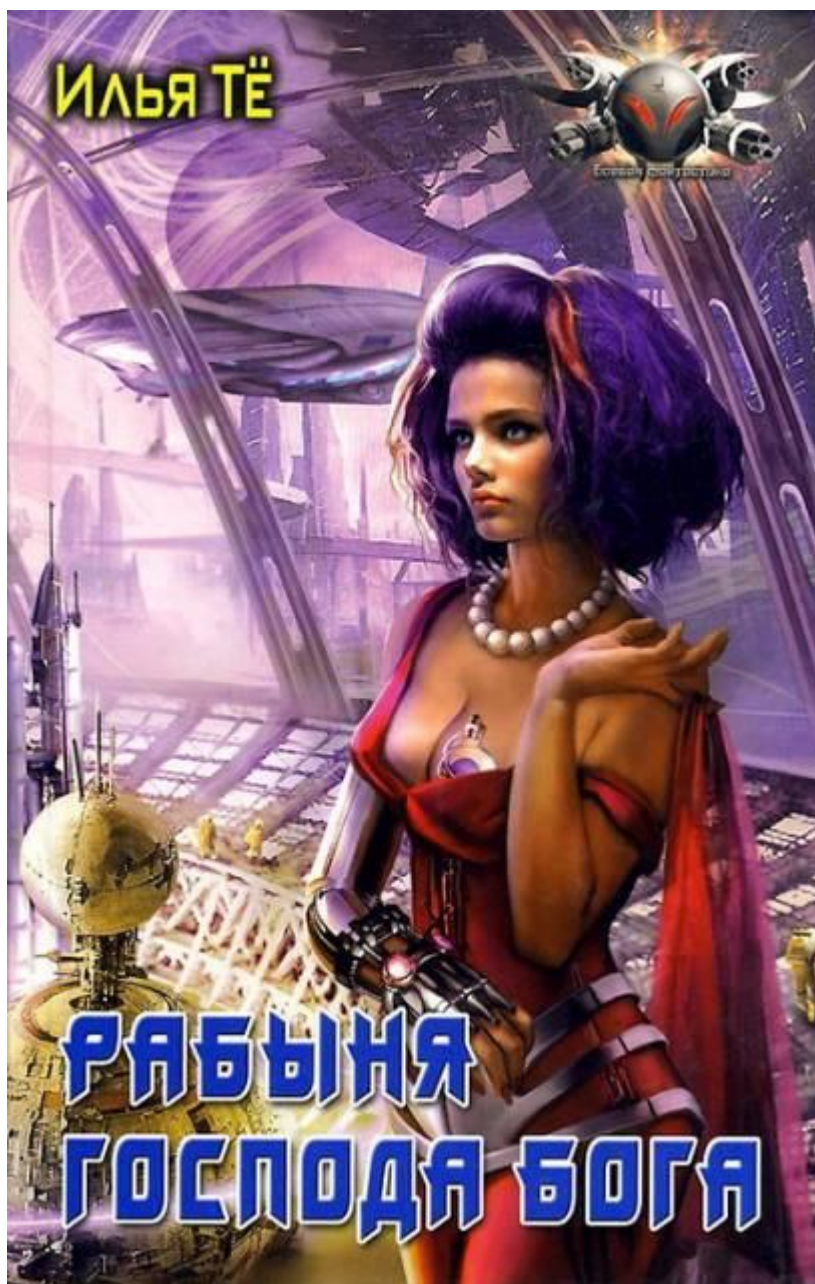

Илья Тё
Рабыня Господа Бога
Континуум Корпорации – 2

Книга подготовлена для библиотеки Huge Library. (Scan - HL; OCR, Spellcheck - Trial Days; Conv - Iгореk67) <http://huge-library.org>
«Илья Тё. Рабыня Господа Бога.»: «Ленинградское издательство»; Санкт-Петербург; 2010
ISBN 978-5-9942-0539-6

Аннотация

В первый день месяца Тот 13720 года от воцарения Тэдди Октавиана, стратига 1111-й эпохи Нулевого Синтеза по кластерам Искусственного Мироздания полным ходом идет великолепная яхта. Ее хищный силуэт искрится мириадами бликов, отражая свет звезд, а бронированные борта украшают замысловатые символы. Единственный пассажир

антикварного корабля — голубоглазая рабыня Катрина-Бета, созданная в клонической колбе месяц назад, мчится в дали, неизвестные ей самой. Тайны рукотворных миров, безумных богов и извращенной цивилизации Будущего приоткроются перед ней очень скоро.

Ибо вместе с рабыней-клоном во вселенную кластеров возвращается господь мести, некогда казненный своим создателем...

Илья Тё Рабыня Господа Бога

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ Беглая наложница как повод для размышлений

«Видимый мир не единственный в природе, мы должны верить, что в других областях пространства имеются другие земли с другими людьми и другими животными».

*Лукреций Кар. Поэма «О природе вещей».
II. век нашей эры*

«Хвала Аллаху, создателю миров! Веди же тех, кто уверовал в свой последний день!»

Коран, сура 2, строка 8

Пролог Темная сцена

Создателя звали Сэт.

Мир его был страшен.

Вокруг огнедышащих звезд Сэт повесил три планеты-кольца, отливавших алым, словно рубины в лучах заката. Звезды пронзали мрак тяжкими, безжизненными лучами, но не давали тепла, а изливали в пространство мертвый, зловеще-бордовый свет. Планеты-кольца купались в нем, как в море крови, в пугающем хороводе.

В центре системы, меж звезд и колец, кружила пара миров.

Первый звали — Бавей, «планета мертвых», обитель вечного льда.

Чудесную Снежную крепость построил Сэт на Бавее, из молочного, мрачного мрамора, тускло мерцающего под прозрачными небесами.

В беззвездные, безоблачные просторы замерзшей планеты вздымался Дворец-снежинка, исполненный Сэтом в форме невиданного кристалла из прозрачного пластика и кривых зеркал. Рядом стояли «Олений замок» в форме разлапистых лосиных рогов и Хрустальный конус — высочайшее здание этого древнейшего из миров.

Однако самым известным творением Сэта на мертвой планете считался Азотный тракт, где раз в тысячу лет владыка кластера проводил великие гонки, по трассе в миллион километров, огибающей белый мир по всепланетной спирали.

Над Трактом пронзала высь легендарная Белая башня. Бесшумно и неумолимо она скользила по кругосветному монорельсу, что опоясывал Бавей по экватору. Движение планеты и расположение железной дороги Сэт рассчитал так, чтобы витражи купола Белой башни всегда смотрели на Черную башню планеты Чакан, око в око...

Чакан являлся второй планетой этой кошмарной вселенной. С антрацитовым ликом, темный и кружащий во тьме, в самом центре рукотворной системы, он звался «Миром-из-праха» — и оправдывал это название.

В день создания Сэт раскрыл второй мир до ядра чудовищной трещиной — «шрамом». После этого из космоса Чакан стал похож на яблоко, у которого чей-то жестокий нож

вырезал кривую, рваную дольку.

Поверхность планеты казалась угольно-черной, благодаря тоннам пепла, скоксовавшегося за тысячи лет и покрывавшего теперь безжизненные равнины Чакана жутковатым мертвым ковром.

Чахлый кустарник и редкие отвратительные деревья, похожие на высушенные кисти человеческих рук с костлявыми, длинными пальцами, множились в черном мире. С насыщенным, лоснящимся окрасом, эти полные мерзости растения не имели хлорофилла и не приносили плодов. По их вздувшимся венам струился яд, и сладковатый диковинный аромат наркотических газов испускали их мертвые листья-щупальца.

Над бездонными обрывами Шрама Сэт воздвиг Руиноад, выходящий за грани кошмаров, жестокий и величественный «Дворец разрушения». Часть этого ужасающего дворца занимали древние кладбища, по которым бродили оживленные Сэтом останки. Другую же часть составляла живописная территория, застроенная разрушенными подобиями величайших памятников человечества. По настроению, здесь проживал сам Создатель и слуги Руиноада.

Напротив Шрама, на обратной стороне планеты, раскинулась грозная Цитадель хаоса из хребтов потухших вулканов, превращенных Сэтом в неприступную систему титанических крепостей. Исполненная Сэтом в мрачном готическом стиле, из циклопических глыб вулканического базальта, нависшая над обрывами и будто подпирающая небеса, она потрясала воображение.

Далее следовали Замок крови и Обитель мертвых, и Башня демонов, и Крепость праха, сконструированная Им из человеческой кости, со стилизованными башнями-черепами на всех двухсот двадцати углах. Венчала же этот список великая Черная башня, подобно Белой башне Бавея установленная на кругосветном монорельсе и вечно глядящая оком купола на близнеца-антипода, взирающего на нее с мертвой планеты льда. Сквозь Шрам монорельс проходил в самом широком месте, и почти месяц своего не прекращающегося пути Черная башня плыла над разломом Шрама на тонкой нити железной дороги, глядя в черноту его тысячекилометровой бездны...

Однако гордостью Чакана являлись не инфернальные дворцы с их мрачным очарованием, а творение Сэта, несколько иного рода, а именно — Тёмная сцена.

На сцене «Сцены», этого титанического Колизея, можно было устраивать полномасштабные сражения с численностью сражающихся до десятков миллионов бойцов. Когда-то Тёмная сцена была сработана Сэтом из кратера, образованного ударом астероида, специально направленного на Чакан. Овальное пятно «Сцены» получилось таким огромным, что его можно было наблюдать с Бавея невооруженным глазом.

Почти пятьсот тысячелетий назад, при «Сцене» существовало множество гладиаторских школ, являющихся, по сути, настоящими армиями с развитой инфраструктурой, сложной внутренней иерархией, собственной производственной базой и миллионами бойцов-гладиаторов.

Каждая из школ имела в те далекие времена свои клонические фабрики, производящие сотни тысяч гладиаторов в год, а выпускаемый фабриками человеческий материал проходил жесткий отбор, выживал в котором едва ли каждый десятый, приобретая на выходе непревзойденную подготовку.

Но то было давно, а сегодня, на тридцатый день месяца тот, года 13720-го стратига Октавиана, Господь Сэт стоял в одиночестве на вершине одной из башен «Сцены» и молчаливо взирает на устланное гранитными плитами титаническое поле внутри своего мрачного Колизея.

Его ристалище выглядело сейчас покинутым. Последние состязания отгремели здесь столь давно, что следы от гладиаторских сандалий засыпало метровым слоем пыли и праха. Но Сэт по старой памяти был облачен в традиционную для посещения Темной сцены одежду — золотой панцирь, поножи и алый императорский плащ.

Шерсть вздыбилась у него на плечах и лице, а длинный хвост немного подрагивал от

нервного возбуждения. Он поднял руку, покрытую плотными рыжими волосами, и испустил в космос крик, от которого содрогнулись сами горы Черной планеты.

Сэт был одинок, и окружающий Черный Мир являл собой лишь отражение его собственных темных мыслей...

Квитирование 1 **Отражение темных мыслей**

В первый день месяца тот 13720-го года от воцарения Тэдди Октавиана, стратига 1111-й эпохи Нулевого Синтеза по новосотворенным кластерам Искусственного Мироздания полным ходом шла великолепная яхта. Ее хищный силуэт искрился мириадами бликов, отражая свет бесчисленных звезд, бронированные борта украшали замысловатые символы. Странные знаки являлись забытой формой иероглифического письма, называемого в кластерах деомотикой. Эти знаки складывались в удивительное наименование, которое, будучи переведенным на корпоративный язык, звучало как «Гоготан».

Пурпурный вымпел, с необычайной тщательностью прорисованный на гранях «Гоготана» сразу за иероглифами, изображал стилизованный череп пса в короне из самоцветов. Жутковатый контур выводился на броневых плитах насыщенным черным, корона же — сверкающим золотым. Герб Нуль-Корпорации украшал броню межкластерного болида не случайно: яхта принадлежала одному из акционеров Нулевого Синтеза, некому Эс Си Руксу, знаменитому создателю экстрасенсов.

Самого Рукса, впрочем, на борту яхты не наблюдалось. Холодный труп несчастного «отца телепатов» более часа назад стал жертвой утилизатора. А его точеная, восхитительно хрупкая убийца, совсем юная девушка с холодными голубыми глазами, сидела сейчас в капитанском кресле совершенно одна, задумчиво разглядывая рисунок туманностей и галактик. Небесная архитектура, рассчитанная неизвестными инженерами с математической точностью, откровенно бросалась в глаза: звездные скопления распределялись по окружающему пространству затейливо, но равномерно, и девушка могла бы поклясться, что полчища искусственных светил отделяют друг от друга идеально равные интервалы.

Механика рукотворного космоса завораживала и пленяла красавицу. Девушка не видела движения космических тел на таком расстоянии, но совершенные пропорции, с которыми ладони технобогов раскидывали пригоршни «скоплений-шаров» и «скоплений-спиралей», пробуждали в ней восхищение и восторг. Окружающее пространство напоминало картинку в трубочке калейдоскопа — абсолютной симметрией, казалось бы, разнообразнейших элементов. Причина подобного оформления космических небес была известна искусственной проститутке: как и сама девица, как и яхта, на которой она летела, висящие вокруг звезды являлись порождением не природы, но человеческой, вернее «божественной», технологии...

Голубоглазую шатенку Катрину Бету 19-725 (а именно так звали восхитительную беглянку) создали в школе для секс-агнаток примерно тридцать один день назад, а сутки назад она оттуда бежала. Однако направляемый волей корабельного мозга «Хохотун» (а именно так, немного насмешливо, красавица называла пленивший ее корабль) нес девушку в дали, совершенно неизвестные, прежде всего, ей самой. Во всем этом наблюдалось некое потрясающее несоответствие, разрешить которое беглая наложница пока не могла.

Как знала Катрина Бета, очень давно в другом времени и пространстве, существовала огромная звездная вселенная, в которой обитало и умерло человечество. После гибели мира немногие выжившие смогли создать для себя новый дом — искусственные пространства и времена, именуемые ныне кластерами Корпорации. В новой реальности, рукотворной от начала и до конца, не было места обычным планетам и звездам, все они создавались таинственными машинами по замыслу инженеров и архитекторов. Корпорация Нулевого Синтеза, огромная промышленная структура, включающая миллионы автономных заводов-роботов, стала новой формой организации общества, почти идеальной для мира, в котором

машинами производилось все — от отдельных атомов до самих времени и пространства.

С момента создания первой «инженерной» вселенной, гибели старого мира и воцарения Нуля минули сотни эонов. Искусственное Мироздание разрослось и стало вмещать в себя бесчисленное количество новых ячеек-постранств, надуваемых через врата нуль-порталов, словно воздушные пузыри. Ячейки-кластеры населили сотворенные Корпорацией клоны. Каждый созданный Нулем клон получал особую специализацию — пилота, чиновника, программиста или, как в случае Кэти, наложницы для досуга.

Вспоминая о рабском статусе, Катрина непроизвольно трогала нейрошунт. Маленькая, телесного цвета таблетка за ухом, почти невидимая со стороны, украшала череп каждого жителя Корпорации. Население Искусственного Мироздания делилось Нулем на три большие категории: демиургами называли акционеров Нуль-Корпорации, ее владельцев и технобогов, когнатами — свободных клонов-работников, агнатами — работников-должников. Для каждой из категорий нейрошунт значил больше, чем средство связи. Шунт соединял разум каждого человека с глобальной информационной сетью и, таким образом, практически гарантировал подключенному человеку бессмертие. В случае гибели тела матрица разума транслировалась через СИНК — Сеть Информации Нуль-Корпорации — в клонический цех и помещалась в новый носитель — точную копию мертвеца. Корпорация оплачивала своим рабам процедуру реинкарнации, превращая их, таким образом, почти в вечных существ, однако цена, которая за это взималась, казалась Катрине хуже, чем сама смерть. СИНК служила не только системой бессмертия, но и системой контроля, ибо машина, способная копировать мысли мертвого человека в новое тело, могла копировать их и с живого.

Эс Си Рукс, по счастью, являлся единственным демиургом Нуля, которого Кэти «посчастливилось» встретить лично. Когнатов же и агнатов за два месяца новой жизни она насмотрелась вдоволь. Являясь сама агнаткой, то есть клонированной рабыней, обязанной отрабатывать свое создание, Катрина знала основной принцип искусственного бессмертия: новая жизнь в Корпорации выдавалась воскрешенному в долг. По этой причине Катрине Бете не было особого дела до фундаментальных основ рукотворных вселенных, ибо гораздо сильнее ее волновал сугубо личный момент: Нуль породил не только галактики и мириады искусственных людей, но прежде всего он сотворил ее саму — рабыню-клона по имени Кэти.

Заводы Нуль-Корпорации выращивали молодые тела для реинкарнации мертвых и для создания новорожденных. Чтобы не тратиться на их содержание и воспитание, в мозги новорожденным клонам записывали матрицы памяти взрослых людей в виде стандартных наборов воспоминаний, созданных программистами с помощью разумных машин. Как раз по такой процедуре проходило создание искусственных проституток. Подруги Кэти искренне полагали себя полноценными личностями, обладая на самом деле лишь комплексами искусственной памяти.

В отношении самой Катрины все обстояло ещё хуже. В ее длинноногом теле с шикарным бюстом и роскошными волосами в первые дни от клонического рождения жила память таинственного мужчины. Кусочки памяти этого дикого человека, картинки из жизни которого то и дело проходили по краю девичьего подсознания, занимали сейчас весьма незначительные объемы внутри женского мозга. То, что раньше казалось Катрине Бете полноценной мужской личностью, ныне представало в свете, гораздо менее значительном. Кэти ныне четко осознавала, что существо, называющее себя Флавием Аэцием Каталиной — патрицием и легатом, полководцем и катафрактарием, конченным бабником и бравым рубакой-кавалеристом, является лишь набором вспышек-картин. Как настоящих (то есть чьих-то), так и выдуманных шутником-программистом, перепутавшим наборы воспоминаний для искусственных шлюх с наборами памяти исторических персонажей или же... душевнобольных. Как бы там ни было, Катрина не знала ответов. А потому, прикрыв глаза, то и дело принималась медленно вспоминать: цветные картинки, иногда яркие, а иногда размытые как акварель под дождем, проходили перед ней суетливой чехардой...

Рождение клона, знакомства с другими рабынями — все это было в ее недолгом двухмесячном прошлом. Обучение нехитрым премудростям будущей постельной игрушки, кровавый побег в брызгах красного и шипении огненного луча. Эстимет — сверхлегкий наручный бластер-перчатка — по-прежнему украшал ее кисть и предплечье. Страшное оружие помогло ей во время побега, однако сейчас, в момент дикой, почти абсолютной, но в то же время ощутимо мнимой свободы, сверкающий смертоносный пистолет не мог помочь ей ничем — разве что помочь застрелиться.

Ни грозный наручный бластер, ни стремительный корабль «Хохотун», несущий Кэти в неизвестные дали, не могли заменить ей ничтожную толику информации. Нервно наматывая на тонкий пальчик шелковистый локон, ниспадавший на нежные плечи водопадом темного шоколада, Катрина Бета размышляла над единственным, волнующим ее вопросом, а именно — над целью своего путешествия. Ибо, хотя по кластерам Искусственного Мироздания со страшной скоростью разносились вести о побеге рабыни-убийцы, в ее собственных чудных глазах и в словах Эс Си Рукса, полет быстроходной яхты выглядел похищением.

Логика событий, произошедших с девушкой, на первый взгляд казалась весьма простой. Точеное тело Катрины Беты походило на тела прочих женщин-рабынь только внешне. Генетический код, на основе которого ее создали, был выкраден из закрытых реестров Сети и принадлежал древнему мужчине, одному из тех, что именовались на деомотике «тшеди», или же «машинными экстрасенсами». Доставленный тайно в школу для проституток по сговору с ее шефом, код стал основой для одной из постельных рабынь.

Эс Си Рукс спас девушку в момент безнадежного побега, предложив взойти на борт своей яхты. На следующий день после бегства «отец телепатов» умер, совершенно неожиданно оставив Катрину одну. Разумеется, то была не последняя смерть, ублюдок где-то реинкарнировался, но бронированное судно, не открывавшее дверей, не поддававшееся управлению и игнорировавшее приказы об остановке, несло захваченную беглянку навстречу загадочному Заказчику.

Размышляя об этом, Катрина хмурилась и вздыхала, отгоняя щекочущий ноздри страх. Единственным, что было известно теперь беглянке о собственном будущем, являлось имя существа, ожидавшего ее в конце пути. В маршрутной карте «Хохутуна» конечным пунктом полета значилась короткая строчка:

Кластер Буцефал.

Владелец: акционер Корпорации Сэм Эливинер Тивари

Катрина могла поклясться, что перед ней на экране висит имя таинственного Заказчика. «Сэм Эливинер Тивари» — так звучал ответ на ее вопрос. Катрина Бета не знала, кто это, не знала, зачем понадобилась ему, но вне зависимости от препятствий она собиралась это узнать.

Квитирование 2

Служба статистики как союзник

Кластер Седан, опорная база ССБ Нулевого Синтеза.

Кабинет Йенга, в это же время

Коротконогий Йенг, пожилой когнат с морщинистым лицом и лысеющей головой, мерил шагами комнату. Узкие глаза-щелочки его то и дело посматривали на экран, занимающий по традиции чиновников Нуль-Корпорации одну стену кабинета полностью, от пола до потолка. Перед стеной-экраном на стальном столике со стеклянным верхом расположились личный компьютер и коммуникатор. Собственно, компьютер старшего

нукера Службы собственной безопасности Нулевого Синтеза Сальвадора Йенга и являлся столом. Его стеклянная поверхность казалась таковой только по виду, на самом деле представляя жгучее переплетение прозрачных силиконовых волокон и жидких кристаллов, прошитых в единый конгломерат сложнейшей программной оболочкой.

Компьютер молчал, изображая на тонкой, легкой, почти прозрачной поверхности стола — толщиной всего с палец, но длиною четыре метра — небо с плывущими по нему облаками и, сквозь них, знакомый континент на одной из ближайших планет. Картинка не являлась нарисованной, а непосредственно транслировалась со спутника, в прямом режиме ночью и днем, потому проплывающие в столе города мигали сейчас мириадами огней, снующие по небесным трассам космобили плелись по тончайшим нитям чередой фосфорных точек или светящейся гусеницей. Стереозэффект порождал иллюзию объема, наиболее близкие облака, казалось, вот-вот всплывут в комнату.

Неискушенного Флавия Аэция Катилину и, тем более, новорожденную Катрину Бету подобная точность изображения повергла бы в немалое удивление, но нукер Йенг, в отличие от прогов-наложниц и воскрешенных кавалеристов, был старым служивым псом и на достижения современной науки реагировал наплевательски, то есть принимал, использовал, но без эмоций или восторгов.

Столы-компьютеры для старинных правительственных кластеров вроде Седана давно считались устаревшей игрушкой. Большинство подчиненных Сальвадора Йенга предпочитали для домашних и служебных машин голографические интерфейсы, и только Йенг по старой привычке как можно реже менял что-либо в своей работе упорно не хотел переходить на иллюзорные, по его мнению, новшества. По-своему, нукер был прав — наука Нуль-Корпорации давным-давно топталась на месте: миллиарды открытий и изобретений, сделанных за миллионы лет ее существования, не внесли существенных изменений в текущий быт и размеренную жизнь человечества.

Новый дизайн космобилия — да, производители меняли его каждый месяц. Новое тело для любимой агнатки? Разумеется. Но вот принципиально нового, фундаментального, не было создано ничего, и объяснялось это довольно просто: величайшие из открытий человек совершил как раз перед созданием Корпорации!

Невозможно изобрести станок, более совершенный, чем нулевой робот, то есть автономный завод, способный творить миры целиком.

Невозможно создать материал, что превзошел бы по твердости и химической нейтральности ишед, то есть «абсолютный материал».

Невозможно сконструировать движок корабля, что позволил бы перемещаться быстрее, чем нулевой лифт.

Невозможно создать лекарство лучшее, чем хеб-сед, — если создали совершенство, его нельзя перещеголять.

Соответственно скорость компьютеров, основанных на платах Корпорации, в которых электрические сигналы перемещались не по проводникам в электронной схеме, а через микроскопические нулевые лифты, давно считалась предельной. Машины Нуля могли совершать количество операций в секунду, близкое к бесконечности. На «бытовые» устройства даже ставили искусственные ограничители скорости, а значит, не имелось принципиальной разницы, пользуешься ли ты машиной тысячекратней давности или же синтезированной на соседней фабрике час назад. Любые изменения, знал Йенг, — только внешние: наука и техника — служанки массового потребления вот уже скоро миллиард лет.

Именно поэтому компьютером Йенг не пользовался почти никогда. Доведенная до совершенства думающая машина выполняла при старшем нукере исключительно функцию стола для размещения на нем чашек, бокалов и разогретых завтраков, а также бумаг, с которыми за все миллионы лет развития человечество так и не распрощалось. Для работы Йенгу вполне хватало возможностей индивидуального нейрошунта, соединенного с Сетью, и личного интерфейса. Стандартный когнатский шунт обладал не только потрясающей скоростью передачи информации, но и гигантским объемом памяти, которой с лихвой

хватало на хранение всей библиотеки Сектора и всей базы данных седанской ССБ. В данный момент, однако, шунт был отключен, а стол-компьютер молчал, лениво перекачивая на столешницу изображение ночных континентов. Из подручной техники старшего нукера работал только коммуникатор.

Примитивная металлическая коробка с динамиком ловила сигнал из Сети от заказанного адресата и передавала его изображение (если требовалось) на огромную стену-экран. В отличие от компьютера, который по-настоящему не использовался Йенгом на протяжении десятилетий, «тупое радио» бывало включенным в его кабинете ежедневно по несколько часов.

— Селекторно, — произнес Йенг, обращаясь к примитивному коммуникатору, — мне нужен начальник оперативно-розыскного отдела Департамента крупнейших объектов статистического учета. А также соедините меня со следователями моей группы и полевым агентом на 166-м планетоиде.

— Да, господин нукер.

Экран мигнул. Потом разделился на несколько ровных квадратов. На первых из них возникли физиономии следователей Йенга, первыми подключившихся к коммуну начальника каждый из своего кабинета. На предпоследнем — полевой агент, но уже не в кабинете ГУ Сектора, а где-то на далеком Индустриальном центре № 166, в Высшей школе наложниц.

Последним, недовольно мигнув, вспыхнул квадрат начальника ОРО из Департамента крупнейших.

— А, Йенг, это вы, — недовольно пробурчало в прошлом красивое, но ныне несколько одутловатое лицо; видимо, начальник ОРО приближался к возрасту превентивной реинкарнации и нынешняя оболочка поизносилась. — Вам опять что-то нужно от меня?

— Разве ваш руководитель не предупреждал вас о моем звонке?

— Что-то припоминаю, господин старший нукер. Ну, я весь во внимании...

Йенг кивнул.

— Познакомьтесь, это сотрудники следственной группы ССБ кластера, а также мой полевой агент, непосредственно на месте событий, — комиссар коротко представил своих подчиненных по имени одного за другим.

При последнем представлении на лице начальника статистического ОРО Кира Пуны мелькнула искра заинтересованности.

— Занятно, — одутловатое лицо улыбнулось. — Ваш агент, прямо в этом крысятнике для секс-агнатов? Расследование завело вас на шлюхоферму, а старина?

— Так точно, сикх, — Йенг снова кивнул и повернулся к той части экрана, где мялся его работник, — ну, лейтенант, все в сборе. Поведайте нам то, о чем вы только что доложили мне одному.

«Докладчик» пожал плечами.

— Тут не так много чего докладывать, шеф, — проговорил он. — Согласно вашей инструкции я наблюдал за директором школы наложниц когнатом Артели. С момента его увольнения по собственному желанию прошла уже неделя. Расчет в бухгалтерии с ним произведен, все документы выданы на руки, пособие, причем не плохое, наблюдаемый получил, все путем. Но он не уходит, как будто ждет чего-то! После выселения его из служебной квартиры Артели переехал в другую часть ИЦа, подальше от своей школы. Контакт с бывшими сослуживцами не поддерживает, но все равно никуда не уезжает. Вы ведь знаете, шеф, стандартный ИЦ, а тем более такой старый, как 166-й, — это огромный город, с учетом площади внутри замкнутых пространств — он больше, чем любой наземный, и по территории, и по населению. Для справки, в ИЦе № 166 проживает на сегодняшний день более пяти миллионов одних только зарегистрированных когнатов. Число агнатов — не меньше. Плюс наверняка в таком борделе есть и просто не работающие лица, и гастарбайтеры из числа «чужих», и прочий сброд, вроде лицензированных каперов или экипажей с частных карго. Как я уже сказал, Артели оставил корпус школы и переехал в другой. Что интересно — именно в корпус Большого торгового порта. Проживает в местной

гостинице при одном из грузовых терминалов.

Начальник ОРО Кира Пуна обреченно выдохнул, надул щеки. Было видно, что он хочет спать.

— Послушайте, сикх, а можно ближе к делу? — обратился Пуна к старшему нукеру. — Уважаемый Йенг, я готов помочь, безусловно, но не утром в свой выходной. Меня совершенно не интересует судьба какого-то там уволенного чиновника из садка для клонированных проституток. Что вы вообще себе позволяете?

— Терпение, — заверил Йенг. — Терпение, сикх. Лейтенант, продолжайте.

Лейтенант кивнул.

— Да, господин, я понял, постараюсь короче, — заявил он, — в общем, шеф, там разгружается в сутки до сотни кораблей. Артели шляется среди пирсов в легком скафандре, общается со всяким сбродом. Следить очень тяжело, но по слухам — он набирает команду и собирается зафрахтовать корабль.

— Корабль? — искренне удивился Пуна. — Зачем когнату, уволенному из Нуля с его ничтожным пособием, настоящий космический корабль? Вы не ничего путаете?

— В том-то и дело, что нет, ваше превосходительство, я уверен. Информацию подтвердили сразу четыре разных источника, в том числе один — очень достоверный. Бухгалтерия порта, будь она не ладна!

— А какой именно корабль? — задал наводящий вопрос Йенг.

— Военный, господин нукер, — лейтенант покачал головой, — так вот, судя по бухгалтерским проводкам, с которыми мне, благодаря удостоверению ССБ, удалось ознакомиться в порту, Артели арендовал, ни больше, не меньше, настоящую патрульную монеру — самое большое боевое судно, которое только можно снять у нас в ИЦе. Броня третьей степени, бортовые орудия, какими пользуются пограничники союзных планет. Хватит, чтобы разнести небольшой континент на поверхности или выкопать орудийными залпами море. Общая стоимость сделки по финансовым проводкам составляет почти двадцать миллионов кредо.

Одутловатый Пуна присвистнул.

— Ничего себе!

— Ну как? — спросил Йенг довольно. — Вы заинтересовались? Лейтенант, продолжайте.

— Да, шеф. Так вот. Опять-таки для справки, сумма выходного пособия Шайрона Артели составила сорок тысяч душ вместе с отпускными и надбавкой за выслугу в пятьсот лет. Вопрос: где он взял остальные деньги?

— А он расплатился по названной вами сделке? — поинтересовался начальник ОРО.

— Конечно! Это же законченные бухгалтерские проводки, а не просто счета или договор.

Одутловатый открыл рот, чтобы еще что-то спросить, но тут Йенг вежливо кашлянул.

— Простите, но я перебую, — заявил он. — Меня, к вашему сведению, вообще-то волнует не столько то, откуда этот человек взял такие деньги (это как раз очевидно), сколько то, для чего он их так тратит?

— А есть идеи?

— Разумеется, сикх, мы ведь ССБ, а не служба мониторинга за уволенными в запас руководителями шлюхоферм. Итак. Говорит ли вам о чем-нибудь, как одному из руководителей Департамента крупнейших, это лицо и имя, — Йенг взял со стола одиноко лежащую там фотографию и сунул ее в сканер. — Сейчас отсканируется, и вы его увидите.

Фотография плавно вползла в паз аппарата.

Через три секунды застывшие на мониторе лица следователей и начальника ОРО уже уныло всматривались в лицо незнакомого человека.

— Не знаю, — невнятно проговорил наконец начальник ОРО, — вроде не видел. А что за имя?

Йенг торжественно застыл посреди собственного кабинета и назидательно ткнул

указательным пальцем в своих замерших на экране собеседников.

— Габриэль Елисей Бруно, — произнес он медленно, с расстановкой. — Акционер Нулевого Синтеза и один из самых старых обитателей нашей вселенной, исключая, разве что самого великого Сэма Эливинера. Один из самых богатых демиургов Нуля. В свое время возглавлял ареопаг Корпорации и считается одним из ближайших и лучших друзей Творца. Основные средства впрочем, размещены не в Седане, а в более древних кластерах Корпорации, прежде всего — в банках Дуата. Видимо, поэтому, ваше превосходительство, он вам и не известен. Хотя я надеялся, что ваша служба все же более бдительна и следит за перемещением крупных капиталов и их владельцев из кластера в кластер.

— Демиургов слишком много, господин нукер, — возмутился статистик, — и никаких возможностей не хватит...

— Да я вас разве виню? — Йенг скорчил растерянную, извиняющуюся гримасу. — Да кто я такой, чтобы обвинять вас в халатности, ваше превосходительство? Никто. Так что успокойтесь. Габриэль Елисей Бруно прибыл в наш кластер ровно неделю назад, одновременно с небезызвестным вам Эс Си Руксом.

— О боже, тот самый Рукс!

— Вот именно тот самый. Так вот, прибыв в наш кластер вместе со знаменитым Саймоном, Габриэль Бруно, немедленно заявил в Департамент имущества о своем желании выкупить у Корпорации одну из звездных систем для частного проживания. Вам, в Службу статистических исследований, а тем более Департамент крупнейших, о сделке еще не сообщили, поскольку договор пока не подписан, но по линии Департамента имуществ эту информацию подтвердили. Да, такая продажа готовится. Вас сей факт не настораживает?

— С чего бы это меня должен настораживать факт приобретения демиургом-акционером недвижимости? Сделка стандартная. Да они же сотнями скупают звездные системы, чтобы устроить там межпланетный блядюшник!

— Да я не об этом, — отмахнулся старший нукер, — я о том, что два известнейших человека во вселенной — один самый старый акционер и сподвижник основателя Корпорации, а также один самый лучший специалист по инициации тшеди-экстрасенсов — одновременно прибыли к нам в кластер. Это не может быть совпадением даже по теории вероятности. Кластеров — триллионы триллионов в триллионной степени, а демиургов-акционеров — от силы миллиард человек. И тут сразу двое!

— И сразу побег этой шлюхи...

— И сразу некий ублюдок, который на скромное жалованье уволенного сотрудника нанимает целый военный корабль. Вы улавливаете?

Тут шеф ОРО немного смутился.

— Признаться, — заявил он, — не вполне. Я так понимаю, вы клоните, что все события связаны. Так, постойте, постойте... В отчете экспертов сказано, что беглянка — тшеди. Рукс — специалист по инициации. Что ж, эти факты увязываются хорошо. Допустим, в заговоре с Габриэлем Бруно Саймон Рукс тайно передает Артели на воспитание некоего клона с генетическими данными очень сильного «тшеди». Допустим, Артели выращивает его согласно секретному контракту. Потом приезжает Рукс, производит инициацию, но девчонка сбегает. Рукс, по сообщениям прессы, мертв и где воскрес — неизвестно, вероятно — как раз в одном из частных закрытых кластеров акционеров. Артели, который так и не передал свой товар заказчику, вынужден нанять на выданный ему аванс боевую группу, чтобы ее поймать и передать владельцу, дабы получить оставшуюся часть своих денег... Вы к этому клоните?

Йенг сдержанно рассмеялся.

— Вы знаете что, сикх? — воскликнул он. — Бросайте-ка свою статистику и переводитесь к нам, в следственный департамент.

— Ай, да катитесь к черту!

— А что? В проникательности вам не откажешь.

— Да какая еще проникательность! Тут же до дьявола непонятного. Вот, например, зачем вашим деятелям понадобился ее побег? Что, так перекупить нельзя было?

— А побег им и не был нужен, — Йенг вдруг резко посерьезнел, — это просто эксцесс, случайность. Катрина убила нескольких охранников во время занятий по пси-устойчивости. Ну знаете, эти ежемесячные жестокие изнасилования, принятые в школах для проституток... И согласно уставу ее должны были казнить. У злоумышленников просто не было другого выхода — или организовать ее побег с последующей охотой на затравленную дичь, или топка крематория — и прощай чудо-тшеди.

— Боже мой, боже мой! — запричитал шеф ОРО. — И что только нужно этим акционерам? Живут же — в золоте купаются. Все есть. Вместо домов — планеты, целые кластеры. Миллионы рабов, сотни тысяч агнаток! Чего еще надо? Вот, кстати, практический вопрос — а зачем вашим героям эта сверхтшеди?

Йенг дернул плечом и посерьезнел еще более.

— А вот это, ваше превосходительство, действительно сложный вопрос. Сам хапи Бруно, как известно, старый тшеди. Как и я, он практикуется на ментальном воздействии на нервную систему млекопитающих. Хомо сапиенс, как вам известно, всего лишь разновидность приматов с очень развитым мозгом и с большим пальцем обеих рук, противостоящим остальным пальцам ладони, чем собственно и славен. Чему собственно мы и обязаны нашей удивительной цивилизацией... Я, в отличие от него, — очень слабый тшеди. Могу, например, при отсутствии сопротивления с вашей стороны, произвести сканирование вашего мозга, ознакомиться с воспоминаниями. Могу заставить вас увидеть нехороший сон, но это, в сущности, ерунда. Аппаратура для NIT-прокрутки сделает это лучше, чем я, причем невзирая на ваше сопротивление. Я относительно молодой тшеди, хотя и старый когнат, мои шестьсот лет — это вздор и глупости по сравнению с возрастом того же Габриэля. Ему, как известно, не менее девятисот миллионолетий. Вдумайтесь в эту цифру! Габриэль — один из самых старых живых существ нашей вселенной исключая, разумеется, самого Учредителя Нуля, возраст которого измеряется более чем миллиардом лет, а также известного по всему Арт-Континиуму господина Эливинера, знаменитого сподвижника Бога Смерти. Вы можете себе представить, до каких пределов может развиваться талант тшеди, если его развивать так долго? Уже много тысячелетий Габриэль Бруно не является служащим Корпорации, а, напротив, является одним из ее демиургов-акционеров. Это значит, что ни один официальный представитель Нуля, ни один чиновник, ни один следователь, кроме специальных дознавателей «ареопага акционеров», не имеет права покопаться у него в мозгу и определить его силу экспериментально. А это значит...

— Что никто не знает предела его способностей.

— Именно так! Кое о чем мы можем лишь догадываться. Габриэль последние сто — двести лет активно увлекается игровым бизнесом. Ему принадлежат свыше тысячи роскошных казино по всему обширному Мирозданию Корпорации. В основном — в ее наиболее старой части. В столицах древних кластеров открыты крупные игровые заведения. Например, знаменитая планета «Роза», мир-казино. Там проигрываются миллиарды, но все это чушь! Что такое для акционера Нуля миллиард душ? Доход от одного стандартного пакета акций Корпорации исчисляется триллионами душ в один банковский день. Поэтому казино Габриэля нас мало привлекали. Кроме одного! Непосредственно в частном домене Габриэля, в его личном закрытом кластере, где размещается упомянутая мной планета «Роза», в одном из отелей открыт так называемый «Закрытый клуб Нуля», в который входят только акционеры. Вы понимаете меня, Пуна? Информация, которой я с вами сейчас делюсь, закрыта для гражданских, не имеющих непосредственного отношения к этому делу, так что постарайтесь не разглашать. Нам не нужны проблемы с прессой.

— Конечно, — Пуна кивнул, — но в чем же связь? Допустим, открыто элитное казино для акционеров Нуль-Корпорации. Это что, преступление?

— Само по себе — нет, разумеется. Но в совокупности с прочим — несомненно.

Пуна пожал плечами.

— А во что там вообще играют? Автоматы? Кости? Рулетка? Ставки на бойцовских животных?

— Да что вы... все проще. Покером балуются.

— Банально.

— Ну, как сказать. Ставки зашкаливают за триллионы душ. Люди проигрывают огромные состояния, а потом умирают последней смертью. Вы слышите, Пуна, умирают без воскрешения, не реинкарнируясь после смерти в новых телах!

— Да что вы говорите...

Но Йенг отмахнулся.

— Всего пострадало уже восемь человек, — продолжил он, — все восемь демиурги-акционеры, входят, вернее, входили в первую сотню богатейших людей Корпорации. Сейчас я выведу вам на экран список имен и состояний, ознакомьтесь!

Список порхнул на экран, и Пуна вчитался.

— Бог мой, здесь даже Джулиан Ши, бывший глава правительства Корпорации?! — всплеснул руками шеф ОРО.

— Даже он. Именно с него, кстати, началось расследование, и возникли первые подозрения по поводу схожести всех инцидентов. Признаюсь, на первый случай мы не обратили внимания. Все выглядело довольно просто и понятно. Зажравшийся демиург, свихнулся со скуки, продул состояние и покончил самоубийством. Уже второй случай вызвал подозрения в грязной игре или... в чем-то, совершенно нам не понятном. А ССБ не допускает неясностей в подконтрольной ей сфере! Ни мотивов, ни основания для возбуждения расследования у нас не было, мы просто зафиксировали странное совпадение — и все. Однако Габриэль приглашал к себе в клуб только богатейших людей Искусственного Мироздания, и уже третьим в списке стал хапи Джулиан Ши. Известнейшая личность, политик, ученый, администратор, публицист и, самое важное, отличный игрок в покер. Он продулся Габриэлю в прах за два часа, за двенадцать ставок! Вопрос перестал быть просто странным и резко стал почти политическим. Вот тогда мы и начали прощупывать Габриэля Бруно на предмет махинаций.

— И?

— И ничего! Целых два сезона пристального наблюдения показали, что игра в «Закрытом клубе» ведется честно. Ни подставных игроков, ни крапленных колод, ни тайных камер слежения, ни тузов в рукаве. Сначала мы предполагали, что, используя свои способности тшеди, Габриэль считывает информацию о картах на руках своих противников с их зрительного нерва, потом — что он считывает мысли, заставляет открыть тактику, угадывает ходы. Но оказалось — ни то, ни другое. Наши специалисты утверждают, что все названные действия не способны обеспечить нечестному игроку подобных разгромных и прошу заметить простейших партий. Вы сами играете?

— Совершенно не играю, среди чиновников это не приветствуется.

— Понимаю. Я сам не то что бы игрок... а так, разбираюсь в принципах. Насколько мне известно, сам хапи Бруно до открытия первого собственного казино также не увлекался покером и азартными играми и, даже став владельцем мощной игровой организации, никогда профессионализмом не блистал. Так вот. Уровень его как игрока в этих титанических состязаниях, где ставкой может выступать целая звездная система, не стал выше его обычного уровня. Вы понимаете? Партии простейшие, как будто разыграны подростками или новорожденными клонами. Выигрыши Габриэля Бруно — это не результат везения или высокого профессионализма. Все партии рассчитаны на полный идиотизм соперника, на поиск в его тактике катастрофических ошибок... Ошибок, которые регулярно совершаются! Ошибок, которые регулярно совершаются умнейшими людьми нашего Мироздания, древнейшими, мудрейшими, могущественнейшими ее обитателями, владельцами огромных компаний, недвижимости из звезд и планет, имеющих сотни лучших консультантов по всем вопросам и огромный жизненный опыт, накопленный тысячелетиями! Такие ошибки могут совершаться только специально!

— Вы хотите сказать, разоренные Бруно демиурги подыгрывали ему?

— Именно, других вариантов просто нет.

— То есть сначала богатейший акционер, владелец миров и триллионов добровольно садится за игровой стол против этого вашего Габриэля, умышленно продувает ему за пару часов все свое немыслимое состояние, а потом выходит из казино и стреляет себе в рот из бластера от отчаяния и осознания нищеты?

— В точку!

— Да это же бред! С чего бы тому же господину Ши так поступать?

— С того, что в момент игры мистер Ши не являлся Джулианом Ши в полном смысле этого слова.

— Гипноз? Нейропрограммирование?

— Да при чем тут гипноз! Гипноз и нейрокодировки — это старые, давно известные шуточки, ментоуловители устанавливаются во всех казино уже тысячи лет, если бы дело было просто в гипнозе, мы поймали бы Габриэля за руку в первый же день. Нет-нет, все не так просто. Мы имеем дело с настоящей революцией в области пси-энергетики! Но пока это лишь версия. Мы предполагаем, что Габриэль дрессирует в кластере Роза множество тшеди особого рода, способных на вещи, которые не в силах выполнить никто другой. Гипотетически в его распоряжении есть существо, способное на проникновение в голову другого человека, на перенос в его мозг своей матрицы. Не просто на чтение мыслей, поймите, а на полное проникновение. На замену прежнего разума на свой собственный. Это существо, по мнению моих специалистов, способно полностью завладеть разумом человека, переподчинить его себе, по крайней мере, на время. На те несколько часов или дней, которые необходимы, чтобы получить от Габриэля предложение сыграть в его казино, прибыть в это казино лично с минимумом охраны, продуться до нитки, подписать все бумаги по передаче собственности, зафиксировать официальный отказ от хеб-седа, выйти наружу и прострелить себе голову. В общем, сикх, мне нужна ваша помощь.

Пуна уныло поморщился. После столь пафосного монолога столь скромная просьба звучала как минимум бледно.

— Все чем могу, — сказал он, разведя на экране руками, — служба статистики к вашим услугам, сикх!

Квитирование 3 Обезьяна как гостеприимный хозяин

Несмотря на все условности, сопровождавшие побег из школы проституток, Катрина Бета во время межкластерного полета старалась держаться как можно благоразумней. Стараясь не показывать даже самой себе нарастающее беспокойство, оставшееся время пути она спокойно сидела и неспешно перебирала файлы, открывающиеся на огромном экране фальшивого космического окна. Изредка, когда роскошное тело постельной рабыни затекало от неподвижности, шатенка меняла позу, перекладывая бесконечные ноги с одной на другую, и тяжело вздыхала, закатывая голубые глаза. Электронный «дворецкий» — корабельный мозг и, пожалуй, единственное существо, способное спокойно беседовать с умопомрачительно сексуальной девицей, вещал тем временем скучным речитативом:

— Итак, справка, — скучающим человеческим голосом читал искусственный разум, — Сэм Эливинер Тивари. Акционер Корпорации Нулевого Синтеза, один из лучших и ближайших друзей Творца.

Предположительное место рождения — Древняя Земля. Предположительно — самый старый из зарегистрированных в Нуль-Синтезе представителей вида «человек разумный». Предположительный возраст — девятьсот восемьдесят миллионолетий.

Предположительно — близкий друг Учредителя и один из организаторов проекта «Мироздание Нулевого Синтеза», стоящий у истоков существующей вселенной.

Предположительно — пользователь альтернативного хеб-седа и обладатель индивидуального канала связи с Учредителем Нуля.

В прошлом занимал должности:

Председатель Стратегикона Корпорации — дважды (ссылки прилагаются).

Председатель Экклесии Акционеров Корпорации — восемь раз (ссылки прилагаются).

Председатель Ареопага Корпорации — пять раз (ссылки прилагаются).

В последний раз избирался на пост Председателя Ареопага 2 табиса 8519 года от Э. Х. Х. Избран 38 сессией Экклесии Акционеров XI созыва 1 фармутина 2187 года Э. Х. Х., освобожден от занимаемой должности постановлением, принятым 106 сессией Экклесии Акционеров XI созыва.

За время своего последнего председательства произвел существенные реформы социального обеспечения и страхового здравоохранения. В частности, существенно увеличил выходные пособия для агнатов, но в то же время значительно сократил социальные трансферты на содержание когнатов-безработных, тем самым стимулировав более интенсивное развитие экономики сферы услуг в молодых кластерах.

За время своего последнего председательства награжден Экклесией Акционеров Почетной грамотой Экклесии, двумя высшими орденами Корпорации первой категории и двадцатью медалями — по числу эпох, в течение которых возглавлял Совет (ссылки прилагаются).

В настоящее время в шестнадцатый раз за свою жизнь находится на заслуженной пенсии. Официальная резиденция и почтовый адрес — закрытый кластер «Буцефал-Шестимирье», код (приводится ссылка), электронный ящик (приводится ссылка).

Возглавляет Фонд «Бессмертие» нашей подмножественности (есть ссылка на сайт) и яхт-клуб «Аргос», объединяющий обладателей гоночных «системных» яхт (есть ссылка на сайт).

Внесен в Книгу рекордов Нуля (приводится ссылка) как самый старый, ввиду отсутствия иных претендентов, человек в существующей вселенной и единственный, кроме Учредителя Корпорации официально зарегистрированный уроженец Древней Земли. По справке все, сикха.

— Все? — красавица удивилась. — Так мало?

— А чего вы хотели, сикха? — казалось, искусственный разум даже фыркнул в глубине своих проводов. — Как следует из справки, Сэм Эливинер Тивари один из самых старых и могущественных демиургов-акционеров Нуля, и естественно, что про него в СИНК почти ничего нет. Вот спросите в Сети про наместника какой-нибудь удаленной планетарной республики — и вам выдадут все вплоть до количества волос на его лысеющей президентской голове. Конфиденциальность — это достояние очень богатых людей, сикха. Невероятно богатых и фантастически могущественных.

— Ясно, убедил. — Катрина изогнулась как кошка и потянулась. — Слушай, когда мы наконец прибудем?

— Совсем скоро, сикха, пара межкластерных переходов и все. В целом, с учетом перелета по пространству транзитных кластеров, осталось около сорока минут. Однако начать переговоры с охраняющими границу кластера пелтастами вы можете отсюда. Вам набрать номер?

— Нет, пожалуй, — совершенно по-мужски Катрина потерла подбородок, словно отдавая последнюю дань почившему в ее голове легату Катилине, — думаю, подождем до прибытия, сорок минут — это немного.

Не теряя времени, Кэти вновь активировала поисковую программу и погрузилась в скользящее через Сеть море информации. Компьютерный мозг-дворецкий услужливо комментировал, разъясняя суть открывающихся перед ее глазами текстов, цветных картинок, фотографий и схем.

К немалому разочарованию Катрины Беты, в Сети отсутствовала даже фотокарточка Сэма Эливинера, между тем ей, почему-то очень хотелось увидеть именно лицо этого загадочного Человека. Именно «Человека» — с заглавной буквы. Надо же, возраст восьмьсот миллионолетий! В силах ли человеческий разум в принципе прожить такую неопишемую глыбу лет? Не зря, ох не зря, подобных Эливинеру существ называли Богами Нуля, — хотя

бы потому, что «людьми» эти таинственные древние создания, единственные, кто видел безвременно почившую Древнюю Землю и Естественную Вселенную — мертвую прародину человечества, называться по определению не могли. Вглядевшись в черты Заказчика, как казалось Катрине, она могла бы лучше прочувствовать его намерения и цели, даже в том случае если бы этим «лицом» выступала всего лишь маленькая сетевая фотография. Разумеется, подобные мысли были не логичны и ни на чем не основаны, но все же Катрина сильно расстроилась, не обнаружив никакого изображения хапи Эливинера и осознав, что любая информация о настоящем и прошлом этого древнего демиурга Нуля хранится в информационной паутине в столь ограниченном и усеченном виде.

Усвоив, что на запрос о хозяине кластера Буцефал она не найдет ничего, кроме того, что уже получила, Катрина решила сконцентрировать свое внимание на возможной «сопутствующей» информации. Прежде всего на данных о самом кластере, куда ее нес как на крыльях могучий бронированный «Гоготан». Здесь, к ее неопишуемой радости, информации оказалось больше. Хотя, безусловно, для раскрытия всей картины и ее было явно недостаточно.

Во всяком случае, порывшись в реестрах купленных агнатов, Кэти с удивлением обнаружила, что хозяин кластера не склонен к приобретению должников-клонов. За последние столетия, согласно данным Департамента работоторговли, хапи Сэм Эливинер Тивари приобрел всего восемнадцать человек «неопределенной профессиональной принадлежности», что значило — не секс-агнатов и уж, тем более, не секс-агнатов, поскольку и те, и другие помечались в реестрах особой графой.

Обнаружив файл Департамента статистики, Кэти удивилась еще больше. Население кластера Буцефал по имевшимся данным составляло не менее двухсот миллионов особей, причем как гомо сапиенс, так и «чужих». Это представлялось воистину удивительным, причем вовсе не тем, что население было настолько мало. Напротив, для частного кластера подобная численность являлась обескураживающей — можно сказать невероятно огромной!

На планетах, принадлежащих Корпорации или вассальным ей государствам Торгового союза, обычной являлась численность в десятки миллиардов особей на один мир и триллионы триллионов особей — на один кластер. И это было понятно — планеты стоили денег, земля, воздух и вода на них не обходились бесплатно и потому плотно заселялись.

Однако в частных мирах демиургов картина всегда была принципиально иной. Жителями частных кластеров могли стать только обслуживающие Бога-Акционера рабы, и потому, учитывая ограниченные возможности любого, даже самого совершенного, человеческого тела к удовольствиям и досугу, численность обитателей кластеров демиургов не могла превышать нескольких миллионов существ, даже при гигантских размерах самого кластера. Поэтому цифра в двести миллионов разумных жителей в относительно небольшой, малопланетной вселенной Сэма Эливинера, безусловно, впечатляла.

Но самым вопиющим открытием, которое смогла сделать Катрина, копаясь в библиотеках Сети, оказался файл «Сертификаты и проектно-строительная документация», обнаруженная беглянкой в разделе Департамента архитектуры. Частью этой «проектной» документации был «Технический паспорт имущественного комплекса кластер Буцефал» с наглядными схемами составляющих ее объектов.

Раскрыв страницу, Катрина хмыкнула от удивления. Перед ней находилась двухмерная развертка кластера, как бы «вид сверху». Все космические тела и орбиты таких тел в границах кластера Буцефал располагались в одной плоскости пространства, так называемой плоскости эклиптики, поэтому найденный Катриной «вид сверху» давал вполне наглядное представление о конструкции этой космической системы.

Ничего подобного Кэти не видела никогда прежде. По ее представлениям обычной схемой для расположения в звездной системе звезд и планет было размещение звезды в центре и последовательных орбит планет вокруг нее. В принципе, при некоторой несложной фантазии Кэти могла с легкостью представить себе систему, в которой бы все тела вращались не вокруг звезды, например, а вокруг очень большой планеты, или, наоборот,

вокруг центральной звезды вращалось бы несколько звезд со своими планетами.

Однако Буцефал категорически не соответствовал ни традиционным представлениям, ни собственной фантазии Катрины Беты.

Как и всякий другой кластер, Буцефал, согласно данным техпаспорта представлял собой ограниченную пространственно-временную ячейку, совершенно независимую от других частей Искусственного Мироздания. Как и большинство других кластеров, он являлся «шаром», замыкающимся сам на себя в четырёхмерном пространстве. Однако на этом обычности Буцефала, пожалуй, исчерпывались и начинались странности.

Во-первых, все космические тела внутри кластера вращались вокруг... пустоты! Никакого тела, кроме нескольких тонн космического мусора и пыли в этом месте не наблюдалось. По всей видимости, пространство в центральной точке планетарной системы Буцефала по прихоти заказчика создания данного кластера имело свойство некоего «центра масс», и в результате все элементы системы обращались по идеально круглым орбитам вокруг этого места.

Во-вторых, кластер включал несколько категорий объектов, и все они распределялись попарно. В Буцефале имелось две абсолютно одинаковых по размеру звезды, две абсолютно одинаковых по размеру планеты и пара металлических, абсолютно одинаковых внешне военных спутников, настолько огромных, что их вполне можно было сравнить с планетами. Правда, к слову сказать, военные спутники существенно различались размерами, но все же очень походили один на другой. Оба, в частности, имели форму правильных цилиндров (диаметром со «стандартную» человеческую планету), покрытых броней.

В-третьих, система Буцефала имела планеты-кольца.

Где-то и когда-то, но совершенно неизвестно где и когда, Катрина помнила, что в некоторых мирах возможно существование планет-колец, неких огромных искусственных образований, опоясывающих звезды подобно гигантским замкнутым лентам. Такие кольца, как знала Катрина, являлись уменьшенным вариантом космических сфер — особых, также искусственных, образований, создававшихся космическими инженерами как альтернатива обычным шарообразным планетам. Обычные планеты, согласно мнению этих умников были слишком расточительны, ибо улавливали только ничтожную часть энергии, излучавшейся родной звездой, а большую часть этой энергии выпускали в открытый космос. Для более «полного» использования такой энергии рекомендовалось создание «сфер» или «колец». И те, и другие поглощали неизмеримо большее количество солнечных лучей, чем обычные годные для человека планеты и, безусловно, имели неизмеримо большую площадь для расселения.

Здесь, впрочем, назначение колец, по всей видимости, было иным.

Ибо колец в Буцефале имелось целых три штуки, и размещались они в одной плоскости как друг с другом, так и с планетами-шарами. Различия состояли в том, что все планеты и звезды вращаются вокруг общего «пустого» центра в одном направлении, а кольца — в противоположном.

Осознав это, Катрина покачала головой. Она увеличила изображение Буцефала на экране и принялась тщательно рассматривать структуру кластера.

В самом центре системы, ближе всего к «пустой» точке с космическим мусором и пылью, кружились две обитаемые планеты. Обитаемость их была, впрочем, относительной. Планеты имели годный для проживания размер, годный состав атмосферы и приемлемую шкалу температур, однако, как показывали данные того же Департамента статистики, проживало на них очень мало существ, причем не только разумных, но и животных. Все это, конечно, удивляло.

Обе планеты были, как уже говорилось, полностью идентичны по массе и одинаково удалены от центра вращения всей системы. Кроме того, совершенно идентичными оказались скорости их движения по орбите, а также скорости их вращения вокруг оси — и та и другая оборачивались крайне медленно.

Чуть далее за планетами-близнецами, опять-таки на одинаковом расстоянии от центра

вращения, кружились две звезды. Здесь ситуация повторялась — звезды были одинаковы до отращения! Степень светимости, яркость, диаметр, скорость вращения и движения, масса и удаленность от центра Системы поражали своим постоянством.

Изучая звезды, Катрина, впрочем, обнаружила еще один оригинальный элемент «сходства» космических тел Буцефала. Скорости вращения звездной и планетарной пары оказались строго пропорциональны их расстояниям от центра системы.

Звезды вращались быстрее, но находились дальше. Причем это «дальше» неизвестный конструктор рассчитал таким образом, что и обе звезды, и обе планеты постоянно находились на одной линии.

Далее за парой звезд и планет располагались бронированные планетоиды-спутники. Эти отличались друг от друга в достаточной степени — у них были разные массы и разные скорости вращения, и сходство они имели только внешнее — гигантские ошестинившиеся космическими орудиями бронированные цилиндры.

А вот кольца разделяли всю эту систему на зоны.

Первое кольцо казалось отлитым из золота — настолько ярко оно переливалось в свете звезд на голографическом экране. Впрочем, Катрина ведь смотрела на него не своими глазами, вполне возможно, что это только иллюзия на мониторе?

Второе кольцо казалось выкованным из серебра. Оно было как-то странно вывернуто и не походило на привычную и вполне объяснимую форму «ленты» первого кольца.

И, наконец, третье кольцо казалось созданным из самой тьмы. На экране монитора оно изображалось четкими границами тщательно прорисованных белых пунктирных линий, однако Кэти почему-то засомневалась, что в открытом космосе она сможет увидеть подобные белые черточки. По всему выходило, что третье кольцо выкрашено в густой черный цвет и практически невидимо на фоне космической бездны.

Располагались кольца точно между орбитами других тел. Первое, самое маленькое кольцо кружило вокруг центра вращения системы, охватывало планетарную пару и как бы отделило обе планеты от звезд. Второе кольцо окружало звездную пару и как бы отделяло ее от всего остального космоса. Именно здесь, за вторым кольцом, кружился по стационарной орбите первый военный спутник — тот что поменьше. За ним, отгораживая уже его от оставшейся части кластера, располагалось третье кольцо. И уже за ним кружилось вокруг общего центра последнее тело системы — второй, наиболее крупный, бронированный военный спутник-пограничник.

Вся система, таким образом, как бы походила на крепость, на укрепленный рыцарский замок с тремя последовательными стенами. Наличие подобной конструкции в открытом космосе, конечно, удивляло.

Тем временем отпущенные Кэти на изучение кластера сорок минут почти истекли.

Потянувшись, беглянка отключилась от глобальной Сети и откинулась на спинку кресла. Наверное, столь интенсивное поглощение информации было излишним, — подумала она. Узнать все, что нужно, в любом случае не получится, а вот усталость успела накопиться. Пожалуй, ей следовало бы отдохнуть, а не рыться в электронных файлах. С этими мыслями Кэти закрыла глаза, проверила контрольный (второй) предохранитель наручного бластера-перчатки и попыталась вздремнуть.

Очень скоро экран снова ожил.

— Сикха, мы прибыли, — произнес робот-дворецкий. — Кластер Буцефал, преддверие кластера. Координаты ноль-десять, угол пятнадцать от гравитационного центра системы. Простите, что не побеспокоил вас раньше, госпожа, не хотел будить. Однако на связи пограничники, они сами вышли на контакт. Будете отвечать?

— А мы можем проигнорировать? — Катрина печально усмехнулась, протерла глаза тыльной стороной ладони и, глубоко вздохнув, выпрямилась перед экраном.

Момент истины, подумала она, призванный решить ее судьбу, приблизился решительно и бесповоротно. Впрочем, этот момент неумолимо приближался уже более суток, совершенно независимо от ее воли. Ни изменить, ни как-то повлиять на маршрут

монеры «Гоготан» Катрина Бета не могла, а поэтому теперь, на самом пороге своего нового будущего, ее ничто не беспокоило. Беглянка села совершенно расслабленно и не думая почти ни о чем. Руку оплетал эстимет, годный только на то, чтобы спалить из него пару поддонков. Ничего более она сделать не в состоянии, — ну и плевать. Здравствуйте, Сэм Эливинер Тивари!

— Давай контакт, — устало пробубнила она.

* * *

Через мгновение перед глазами мигнула заставка видеосвязи, а вслед за ним возникло печальное мужское лицо отставного военного. Военный обладал правильной формы черепом, почему-то непокрытым даже фуражкой, мундиром артиллериста с яркими эполетами (после «школьных» прогулок по глобальной Сети Кэти немного разбиралась в особенностях местной формы) и замученными скукой глазами.

— Рад приветствовать вас в кластере Буцефал, сикха, — произнесло «лицо». — Пожалуйста, назовите ваше имя, номер идентификации судна и цель визита.

Перед ней, по всей видимости, находился дежурный пелтаст. Усатый, крупноголовый и почему-то очень грустный, пограничник общался вяло, взирая на роскошную полуголую девушку на экране без малейшего энтузиазма. «Импотент», — подумала Кэти и пожалела хрупкими плечами.

— Мое имя Катрина Бета 19-725, — сказала она, улыбнувшись открытой, обезоруживающей улыбкой. — Судно называется «Гоготан». Это туристическая яхта, но номер ее идентификации мне неизвестен. О цели своего визита, сикх, я также не имею ни малейшего представления.

Офицер на экране предостерегающе помотал головой, поджал губы и уже поднял руку, чтобы обвиняющее ткнуть в Кэти пальцем, но девушка, предупреждая его реакцию, заговорила быстрее, решив не тянуть с бюрократическими вопросами и сразу хватать быка за рога. В конце концов, она находилась в частном кластере и любые законы Нуль-Корпорации имели тут ограниченную силу.

— Я агнат, заказанный вашим хозяином в Высшей школе общительниц Шайрона Артели, — поспешно пояснила она. — Примерно сутки назад ваш господин прислал за мной этот корабль и своего представителя, некого Саймона Рукса. Владелец кластера, демиург Корпорации Сэм Эливинер Тивари, отдал за меня очень большие деньги. Вы понимаете? Заплачены деньги. Я — собственность вашего господина!

Конечно, это было вранье, но оно, похоже, подействовало. Заплачены деньги? Что ж, офицер на экране заколебался.

— Если я не нужна, то могу и отправиться обратно, — продолжила атаку Катрина Бета. — Дайте мне официальный отказ на доступ в кластер. Я слышала, если демиург не использует агната, не содержит его и запрещает доступ в свои владения, то последнее расценивается как расторжение «рабского» контракта.

А вот это уже было правдой.

— Минутку, — обескураженный ее напором, пограничник на удивление быстро капитулировал и уперся взглядом в дополнительный монитор ниже большого экрана, — Мне... мне, сикха, необходимо некоторое время, скажем так, для уточнения информации, — он помялся. — И да, не вздумайте улетать — я буду расценивать это как попытку бегства агната из кластера.

Катрина удовлетворенно кивнула: «Поздравляю, ты снова рабыня», — состроила гримаску она.

— Буду ждать здесь, — произнесла девушка вслух и отключила видеосвязь.

Еще через полчаса корабельный экран опять вспыхнул.

Катрина, которая все это время сидела, не двигаясь, в полудреме, уже привычно поджав под себя роскошные ноги, пошевелилась и, прищурившись, уставилась на экран.

«Кластер Буцефал. Вызов! Кластер Буцефал. Вызов!» — мигало на нем.

— Связь, — спокойно сказала Катрина, подтянулась на ручках своего кресла и поправила волосы.

Повинуясь ее команде, мигающая надпись пропала и на мониторе во всю ширину вспыхнуло изображение вызывавшего. Крупноголовый офицер-пограничник приветственно кивнул, но глаза его при этом выглядели какими-то напряженно-недоверчивыми.

— Госпожа, — торжественно произнес он, — сейчас я соединю вас с хозяином кластера, демиургом Нуля хапи Сэмом Эливинером Тивари. Вы можете переговорить.

Изображение сменилось.

Вообще-то, Кэти искренне полагала, что после пройденных злоключений смутить ее в этом мире может разве что разряд эстимета, прошедший сквозь черепную коробку, однако после первого же взгляда на собеседника нижняя челюсть девушки отвисла сама собой.

На красавицу-агнатку большими и очень умными глазами с экрана смотрел пушистый розовый шимпанзе.

Шимпанзе улыбался совершенно по-человечески.

* * *

— Вы, я вижу, несколько не так меня представляли? — спросил обезьяноподобный демиург низким мужественным голосом после очень продолжительного молчания.

Кэти молча и с мрачным удивлением осмотрела собеседника снизу вверх.

— Вы — Сэм Эливинер Тивари? — недоверчиво спросила она.

— А вы — мой агнат, купленный за «большие деньги» в совершенно не известной мне школе наложниц?

— Вы не ответили на мой вопрос, — произнесла Кэти очень серьезно.

— А вы — на мой. Вообще, с каких это пор я обязан отвечать на вопросы собственных секс-агнаток? — шимпанзе осклабился, видимо, серьезность на столь красивом женском лице его забавляла. — Если не ошибаюсь, когда рабыня впервые обращается к хозяину, она должна делать это, находясь в позе *Kharru-Da*, причем будучи совершенно обнаженной. А вы стоите прямо и, насколько я могу судить, на вас что-то надето. Вы уж определитесь, сикха, — моя вы наложница или нет.

— То, что я — ваш агнат, это только предположение, — нахмурилась Катрина.

— И его легко проверить, — тут же подтвердил демиург. — Минуту назад я попросил своего секретаря сделать запрос в финансовую службу, и скоро они сообщат, был ли когда-либо совершен денежный перевод с моих счетов в пользу названной вами агнатской школы. «Высшая школа общительниц Шайрона Артели», так, кажется? Да-да. Но уже сейчас, навскидку, просто на память, я могу заверить, что никогда вас не заказывал и ни название вашей школы, ни ваше прелестное личико мне ничего не говорят.

Катрина недоуменно нахмурилась. Определенно она уже ничего не понимала. Если демиург Эливинер является ее Заказчиком, то какого черта он ломает тут комедию?

— Я уверена, что бухгалтерия подтвердит эту сделку, — соврала Катрина Бета. — Дело в том, что в школе Артели я совершила проступок и была вынуждена бежать. Но перед этим мое тело было заранее оплачено человеком по имени Сэм Эливинер, то есть вами. И теперь, после побега, вы остаетесь моей единственной надеждой на сохранение жизни. Если меня поймут, мне грозит полное стирание. А если вы признаете меня своей, то я останусь жить.

Шимпанзе посмотрел на нее очень странно.

— И вы за этим приехали? Чтобы вернуться к хозяину после побега? О-хо-хо, — он вздохнул и совершенно по-обезьяньи поскреб под мышками. — Признаться, когда я видел начало Нуль-Корпорации, я и не думал, что человечество настолько добровольно согласиться жить в цепях и оковах рабства.

— Но рабство — это неверный термин, — растерянно возразила Катрина, поминая заученный некогда урок. — Правильный термин — «агнаты», должники Корпорации.

Шимпанзе снова взглянул на нее с интересом.

— Вас хорошо обучили, — откомментировал он — Тявкаете по команде заученным лаем. Я полагаю, что вам, как агнату, а тем более наложнице-агнатке, специально созданной Корпорацией для унижений и сексуального насилия, должно быть известно, что слова — это всего лишь фикция, не способная отразить сущность явлений. Ваш статус агната на самом деле слишком мало отличается от статуса доисторического раба из какой-нибудь Древней Ассирии, с той лишь разницей, что древний раб мог покончить жизнь самоубийством и прекратить страдания, а вы... вы обречены нести это бремя вечно. И потому не нужно схоластики, сикха, не вам объяснять мне, где черное, а что белым-бело. Впрочем, вы наверняка не знаете даже, что такое Ассирия...

Произнеся тираду, шимпанзе потерял интерес к беседе, отвернулся и скучающим взором взглянул куда-то в сторону, — возможно, в сторону дежурного офицера-пограничника, чтобы прервать контакт.

Катрина напряглась. Признаться, она просто опешила. Вот уж чего беглянка не ожидала, так это сопротивления оплатившего ее Заказчика после появления присланного им корабля в его личном, закрытом кластере демиурга. Выходит, Сэм Эливинер Тивари — не Заказчик?

С одной стороны, поведение бога-обезьяны выглядело совершенно естественным, Сэм Эливинер абсолютно натурально и решительно не признавал в ней заказанный им товар.

И... и Катрина совершенно не представляла себе, что делать, если она не сможет войти с ним в контакт. Как поведет себя в этом случае корабль Рукса? Но даже если он ей подчинится, то куда бежать? Снова прыгать по молодым кластерам? Делать это бесконечно попросту невозможно, а перепрыгнуть на «Хохотуне» в одну из обитаемых вселенных — значит просто дать себя зарегистрировать детекторами ИЩев и в конечном итоге — поймать.

А что последует вслед за этим? Смерть? Дисквалификация в «армейское» имущество для релаксации солдафонов?

Щеки залило пунцом, момент был критический. Где-то здесь, за ровной плоскостью плазменного экрана таилась истина ее пробуждения. Правда о ее таинственном прошлом и отражение загадочного настоящего — и она не могла отступить.

— Послушайте, — воскликнула Катрина с жаром, предупреждая команду акционера-обезьяны на отключение связи, — я не могу уйти! От вас зависит само мое существование, сама моя жизнь!

Шимпанзе вяло обернулся. Взор его был скучающим.

— Но ведь это ваша жизнь, сикха, — спокойно возразил он. — И для того, чтобы сохранить ее, мне придется произвести извинительный платеж в пользу изготавившей вас школы, из которой вы совершили побег. А это наверняка круглая сумма. Зачем мне подобные хлопоты?

— Всего несколько тысяч кредитов для могущественного богатого демиурга!

— О, бросьте лезть, мадам. Деньги — это деньги. Я не был бы так богат, если бы был расточителен. Хотя, признаюсь, глядя на вас, сударыня, я немного жалею, что не привык бросаться деньгами. Выглядите вы... достойно.

Повинуясь внезапному порыву, поражаясь сама себе и еще более удивляя спрятавшегося в ее мозгу катафрактария Катилину, Катрина Бета подалась вперед, опустив руки вдоль тела. Ее тонкая куртка широко распахнулась от этого стремительного движения и открыла монитору упругую, стянутую узким хитом грудь. Для старого кавалериста демонстрация выпуклостей не являлась привычным действием, но девушка по имени Кэти не видела других способов.

— Так разве я не достойна вас, господин? — спросила Катрина. — Посмотрите, я...

— Прекратите. — Обезьяна брезгливо поморщилась. — Я, собственно, не являюсь человеком уже свыше пятисот миллионолетий, и такие вещи, как секс, сон, пища, исторжение экскрементов или любовь, а также прочие потребности человеческого тела меня мало интересуют. Я сделал вам комплимент исключительно из эстетических соображений.

Красивым женским телом можно восторгаться и просто так, не испытывая плотских желаний, вы не находите?

— Но вы ведь меня оплатили! Эти самые деньги, о которых вы столь печетесь, уже заплачены. Я куплена — вами. Вы — мой Заказчик. Разве это не так?

Розоволосый примат при этих яростных словах явно заколебался. Уверенность, с которой говорила девушка, и ее напор, а, возможно, поразительная сексуальность, заставили его усомниться в собственной памяти. Он вновь развернулся к экрану — уже в полный корпус, и в его глазах опять мелькнул интерес. Теперь уже не Катрина, а шимпанзе внимательно, снизу вверх, осмотрел собеседницу, надолго задержав взгляд на ее глазах, рассматривая лицо.

— А вы ведь не врете, пожалуй, — произнес он наконец. — Хотя это и удивительно. Я действительно оплатил ваше изготовление? Откуда такие сведения у бесправной агнатки?

— Мне сообщил об этом бортовой компьютер корабля, на котором я прибыла. Это яхта «Гоготан», владелец — демиург-акционер Эс Си Рукс. Насколько я поняла, Рукс является вашим представителем, он постоянно таскает для вас симпатичных агнаток и...

— Что? — с забавными ужимками шимпанзе пискляво рассмеялся. На фоне низкого голоса, смех прозвучал очень контрастно. — Что вы говорите, сударыня! В течение вот уже более чем тысячелетия я не покупаю не то что наложниц, но даже садовников и поваров для парка и кухни. Мне вполне хватает тех двухсот миллионов бессмертных душ, что уже есть. Возможно, произошла какая-то ошибка... Пойдите, а Рукс разве не специалист по инициации тшеди?

Кэти медленно подняла руку и коснулась указательным пальцем своего силоя, активировав интерфейс нейрошунта. Длинные алые нити потянулись от ее рук во все стороны. Но две главные — вверх и вперед, сквозь экран, по связывающим два монитора невидимым нитям радиоволн и силиконовых проводов, соединяя ее брненное, но такое прекрасное тело с тысячами точек, спрятавшихся за плазменной панелью — с миникомпьютерами, управляющими освещением, сигнализацией, кондиционерами, телефонными станциями, видеокамерами и системами пожаротушения.

Свет в комнате демиурга Эливинера — на другом конце искусственной вселенной-кластера — предательски замигал.

— А разве вы заказывали не тшеди? — тихо спросила она.

Квитирование 4

Путешествие по кольцу

Час спустя, косолапо топая рядом с Катриной Бетой, вышагивающей рядом с ним гордым, почти подиумным шагом, акционер-шимпанзе походил на маленький мохнатый бочонок на тонких, изогнутых под непонятными углами ножках, и с такими же тонкими мохнатыми ручонками, вечно вертящимися над головой.

Сэм Эливинер постоянно жестикулировал, размахивая своими конечностями, словно крыльями ветряной мельницы, молотящими воздух под напором ураганного ветра. Наконец он не выдержал и схватил Кэти одной лапой за руку, чтобы опираться на собеседницу и, таким образом, ускорить свой шаг и поспевать за ней.

— Признаюсь, вы меня поразили своим рассказом, — заявил он, — эта история с побегом просто удивительна. Столько крови, бог мой! И конечно, мне совершенно непонятно то, чем забита ваша голова. В свое время я был не плохим психологом, и более того — единственным в команде нашего Учредителя, которого он пригласил для работы над Корпорацией. Большинство используемых ныне наборов стандартных воспоминаний для прогов и самих программных миров созданы машиной на основе моих изначальных разработок. Их много, миллиарды, триллионы, но все они типичны, похожи как две капли воды.

Кэти кивнула.

Творец Буцефала уже битый час рассказывал ей о принципах, на которых было основано создание индивидуальных воспоминаний программных клонов.

Прежде всего, вещал косолапый демиург, для инициации искусственной личности у прога создавали иллюзию целостности его памяти, состоящей из последовательных и логически увязанных между собой отрывков: из детства, отрочества, молодости и зрелости, одно за другим. И обязательно — момента смерти, который должен выглядеть «естественно». Именно поэтому большая часть прогов-реципиентов из развитых миров «умирала» по обычным причинам — от болезни и старости, в солидном возрасте, и никак иначе. «Естественная смерть» являлась необходимым условием, чтобы у новоиспеченного прога после воскрешения не оставалось ностальгии, чрезмерно связывающей его с родиной, или навязчивых идей, типа отмщения врагам, или острого желания что-то исправить в своей прошлой жизни.

Кроме правила «естественной смерти», краеугольным камнем программирования памяти клонов являлся «примитивизм» выдуманного виртуального мира, из которого изымалась матрица. Человек, оказавшись в мире Нуль-Корпорации, считали медики, должен с необходимостью признавать для себя, что мир Нулевого Синтеза — это нечто более совершенное, чем место, где он жил раньше. В программных мирах человечество обычно не достигало выхода в Большой космос, обычно не имело доступа к параллельным мирам, и человеческие ареалы в «выдуманных» вселенных оставались ограничены одним убогим мирком с исчерпаемыми ресурсами.

И конечно же, третьим правилом ложных воспоминаний являлась «смертность». В программных мирах по определению жизнь человека должна была быть ограниченной. В них не было места бессмертию и хеб-седу.

Это последнее правило означало, что после пробуждения в Нуль-Корпорации у прога всегда будет побудительный мотив оставаться рабом и терпеть все те унижения и боль, через которые ему придется пройти — ради вечной жизни. «Вот он, — подумала Катрина, — краеугольный камень Искусственного Мироздания: все — ради бессмертия! Честь, совесть, человеческое достоинство, не говоря уже о такой вопиющей мелочи, как физическая оболочка. Жители Корпорации готовы отдать за бессмертие все, что у них есть, включая человечность!»

— Но мы отвлеклись, — продолжил между тем демиург. — У вас, насколько я могу судить, указанные принципы нарушены. Ваша память разорвана на клочки и целостной картины прошлого не сохраняет, хотя и охватывает короткими отрывками огромный период в триста лет, несмотря на ваш «месячный» реальный возраст. Кроме того, вам известны слова «прог», «шунт», «хеб-сед», что является невозможным нарушением самих основ клонического программирования. В целом, это может означать только одно: вы вовсе не прог, а нечто совершенно иное.

— Но я ведь клон?

— Безусловно. Вот только чей? Вы знаете, на каждом из нуль-порталов моего кластера установлен специальный сканер. Таким образом, когда вы прошли через такой портал с пограничной планеты Табу на первое кольцо Граник, был считан код вашего ДНК. Если позволите, мои аналитики готовы сделать на основе полученных данных соответствующий анализ и ответить на вопрос «чей вы клон». Вы не против?

Разумеется, Кэти не возражала. Было неприятно осознавать, что в момент перехода через порталы ее кто-то «считал», однако тот факт, что ее вообще не убили и даже пустили в частный закрытый кластер, продолжал тешить душу беглой секс-агнатки безосновательными надеждами. Воображать, что существо, умудрившееся прожить столь же долго, как Сэм Эливинер Тивари, способно на доверчивость, было бы просто глупо. Пропуская внутрь собственного кластера удивительную беглянку, он, естественно, перестраховался и совершенно не был обязан сообщать о такой «перестраховке» своей гостье.

— Кстати, — продолжил Сэм Эливинер, — моя бухгалтерия проверила денежные переводы и стопроцентно гарантирует, что я вас — не покупал.

Кивнув, Катрина задумалась. После слов хапи Эливинера в ее голове возникла полная неразбериха. Смысл и значение событий, такие ясные всего несколько часов назад, снова стали ускользать. Выходило, что Эливинер — это не Заказчик. Но тогда кто? И почему корабль «Хохотун» привез ее именно сюда, в этот кластер? Или это по-прежнему всего лишь игра, и полубог притворяется, насмехаясь тайком над реакцией своей будущей наложницы?

— Но тогда, — сказала она решительно, — как же я здесь очутилась? Все, что я вам рассказала — это истинная правда. Участие Саймона Рукса, инициация, побег, бойня в школе...

— Не волнуйтесь, сикха, — заверил ее шимпанзе, — безусловно, я верю в вашу искренность. Тем более что ваши слова полностью подтверждаются мнемограммой. Я не сообщил вам об этом, но помимо кода ДНК при переходе через портал моя аппаратура скопировала еще и вашу память, — при этих словах старик довольно глупо хихикнул. — Прошу вас, не обижайтесь. Дело даже не в странности вашего визита, просто... моя техника автоматически снимает электронный слепок с мозга всех, проникающих в мой кластер.

Катрина вздохнула. Что она могла на это сказать? Хозяин, как говорится, барин. Тем более хозяин целой частной вселенной. Вокруг простирались бескрайние луга и высились снежные горы, упирающиеся вершинами в небеса. С момента ее прибытия прошло всего ничего — где-то около двух часов, однако за это время ее физическое тело умудрилось побывать во множестве мест и преодолеть приличное расстояние — система безопасности в кластере Буцефал оказалась «многоуровневой», скрытой и необычайно жесткой.

Прежде всего сразу после получения согласия на посадку со стороны ближайшего военного сателлита, который назывался красноречиво говорящим за себя именем «Табу», к ней вылетели два космических истребителя, под вежливым, но неотступным конвоем которых «Хохотун» сел на один из гигантских космодромов, из которых, по сути, как из ячеек пластинчатого доспеха состояла вся поверхность бронированной планеты-крепости. Там Катрину попросили выйти из судна и без всяких дальнейших проволок, без обысков, без видимого сканирования и без долгого оформления документов предложили проследовать внутрь космической цитадели.

Сам «Гоготан» по требованию пограничников после высадки единственной пассажирки немедленно отбыл на орбиту Табу, где и должен был оставаться под прицелами орбитальных орудий, до завершения визита. Все это настораживало Катрину. Еще тогда ее удивило отсутствие при высадке каких-либо видимых проверок — и только сейчас она узнала, что все проверки тут заменяет простое прохождение через нуль-портал, оборудованный всевозможными сканерами и детекторами.

Кроме этого, волновал факт отбытия «Хохотуна» на орбиту. Насколько она поняла из кратких, но очень доступных объяснений все того же усато-печального вояки, разговаривавшего с ней через экран видефона, предложенный ей порядок посещения кластера Буцефал являлся очень древней и абсолютно неизменной процедурой для всех гостей. Внутри третьего кольца, прикрывавшего всю звёздно-планетарную систему сферой силового поля, не мог проникнуть ни один чужой корабль под угрозой немедленного уничтожения. Все космические суда, не принадлежащие Сэму Эливинеру Тивари, оставались на орбите Табу. Все гости без исключения пешком спускались вниз и через нуль-порталы внутри цитадели следовали до нужных точек на планетах кластера. В этом, по всей видимости, заключался особый смысл — ни один корабль, ни одно крупное техническое устройство внутрь системы кластера попасть не могли и не попадали ни при каких условиях. Попасть могли только люди, причем пешком, через нуль-портал, со считанным ДНК и снятой мнемограммой мозга.

Кроме сугубо практического, у данного правила имелся и некий психологический аспект: даже Кэти подсознательно понимала, что яхта «Гоготан», предназначенная для роскошной неги и комфортабельных путешествий, пусть и вооруженная до зубов современным оружием и напичканная электроникой, мало чем поможет ей внутри закрытого кластера, однако оставаться в полном одиночестве, без прочных стен космического корабля,

без техники и ехидного мозга-дворецкого, в чужой незнакомой вселенной было чрезвычайно неприятно. В любом случае, лично она ничего не могла поделать с установленным на Буцефале порядком посещения и послушно смирилась с ним.

Сев на поверхность Табу, Кэти облачилась в тонкий военный скафандр, синтезированный тут же по каталогу нуль-синтетической машины, после чего спустилась по той же лесенке, по которой они с Мерелин всего несколько дней назад взошли на борт яхты на космодроме ИЦа № 166.

Несмотря на внешнюю лёгкость защитного костюма, накладные чешуйки скафандра и стекло шлема несли тончайшее ламинированное покрытие, слой невидимой, но от того не менее действенной брони. В каталоге существовали более серьезные модели армейских тактических доспехов, которые обладали более высокой степенью защиты и соответственно более весомыми габаритами и менее изящным внешним видом, но Катрина от них отказалась. По большому счёту, размышляла она, нет существенной разницы, оказаться ли в центре неизвестной вселенной вооруженной до зубов или же голой и незащищенной. Ведь любой кластер — это огромный мир, а любой демиург-акционер — почти настоящий бог в нём. Ни броня, ни оружие не спасут ее от гнева повелителя Буцефала в случае, если таковой обрушится на нее. Тогда к чему вся эта милитаризация? Бронированный скафандр на ее плечах и бластер-перчатка на кисти правой руки служили скорее символами защиты, гарантией психического спокойствия и успокоения беглой души, нежели реально обеспечивали ей безопасность.

Отважно, не задумываясь о будущем, Катрина Бета шагала по стальным плитам космической планеты-цитадели. Вместе с двумя солдатами, приданными в качестве провожатых, она спустилась вниз на титаническом лифте в огромный бункер, скрывавшийся под поверхностью космической крепости.

Табу стал первым миром частной вселенной, который девушке предстояло увидеть сегодня. Однако второй мир Буцефал-Шестимирья ожидал ее почти сразу за первым.

Нуль-портал, в который Кэти вошла из подземного бункера, мгновенно перенес ее через миллионы километров вакуума, в самый центр этой частной вселенной, во вторую космическую крепость, с куда более странным, чем у первой, названием — Экссесс. А уже оттуда, на маленьких комфортабельных тележках с пластиковыми креслами, через длинный туннель подземного или, лучше сказать, «подбронеслойного» автобана, их вывезли на новый космодром, где гостей ожидали межпланетные челноки.

Здесь ее и встретил акционер Корпорации Сэм Эливинер Тивари, собственной косматой персоной.

Бессмертный демиург стоял по-простому, чуть подбоченясь, в окружении немногочисленной охраны — по всей видимости, штатной охраны космодрома, а вовсе не личных телохранителей. Он явился почти голым, в одном лишь оранжевом фартуке из резиноподобного материала, едва прикрывавшем срамное место, соски и более похожим на одеяние домохозяйки, нежели на нормальную одежду и уж, тем более, на облачение живого бессмертного полубога.

Разумная обезьяна обегала фигуру Кэти маленькими умными глазами, затем сдержанно поприветствовала кивком головы и жестом мохнатой ручки пригласила следовать за собой. Путешествие Катрины, как выяснилось, было еще очень далеко до завершения. Разместившись в маленьком межпланетном челноке, красавица и обезьяна рванули в «ближний» космос.

Ускорение в этих аппаратах почти не чувствовалось, и Катрина, даже не пристегнутая к креслам ремнями безопасности, глядела на уменьшающиеся внизу очертания космодрома. Те исчезали за слоями атмосферы с такой невероятной скоростью, что вид казался скорее кадром мультипликационного фильма, нежели реальной картиной, доступной для обозрения через прозрачный полог космического аппарата.

— Я вижу, вы в первый раз летите через открытый космос в таком аппарате, — негромко сказал шимпанзе, заметив смущение беглой агнатки. — Я называю их для забавы

«лектиками».

— А почему? — невольно спросила Катрина — такого слова она никогда не слышала.

— Эх, — вздохнула обезьяна, — так назывались носилки для переноски людей в некоторых странах на Земле в неимоверно далёкие теперь времена. Иногда хочется, чтобы тебя окружали хоть какие-то, знакомые с юности если не предметы, то хотя бы слова. Очень комфортно, не правда ли?

Катрина кивнула. Было неловко разговаривать с полуголым демиургом, находясь в закрытом космическом скафандре, и она, наплевав на собственную мнимую безопасность, раскрыла шлем. Прозрачный пластик послушно сложился за шею, как простой капюшон.

— Да, — произнесла она, немного робея. — В таком аппарате я лечу в первый раз.

— Прекрасно, — поддержал ее Эливинер, — новизна ощущений, является лучшим из всего, что может ожидать человек от жизни. Главная проблема бессмертных заключается именно в этом, в отсутствии новизны. В каком-то смысле я сейчас очень рад за вас. Всегда приятно ощущать что-то впервые.

Он улыбнулся, блеснув желтыми кривыми зубами.

— Мне казалось, — заметила Катрина, — что при колоссальной скорости, с которой мы оторвались от поверхности космодрома, на нас должно действовать очень сильное ускорение.

— Безусловно, но оно компенсируется гравикомпенсаторами, — ответил Эливинер. — Мне известно, что ваш жизненный опыт, сикха, крайне незначителен, однако, прожив почти месяц в нашем безумном мире ИЦев с их увеличенным внутренним пространством и среди машин нуль-синтеза, создающих материю из пустоты, вы должны понимать, что наука Корпорации способна выделять с физическими законами еще и не такие чудеса. Почти все космические, да что там, даже авиационные суда Нуль-Корпорации, включая ваш «Гоготан», оборудованы гравикомпенсаторами и имеют независимую от внешних полей гравитационную палубу, на которой не чувствуются внешние ускорения. За бортом может разрываться воздух, вызывая смывающие океаны цунами, однако внутри судна вы не почувствуете даже качки. Все это довольно банально.

Катрина снова кивнула. Возможно, отсутствие перегрузок при старте с космическим ускорением было банальностью для кого-то другого, но для нее, даже с ничтожными знаниями постельной агнатки и воспоминаниями малообразованного в смысле естественных наук кавалериста Катилены, факт являлся удивительным. За несколько секунд, что длился их короткий разговор, лектика оторвалась от бронированного планетоида настолько, что перед глазами Катрины открылась завораживающая картина кластера Буцефал-Шестимирье, во всем его сверкающем великолепии!

Две звезды, четыре планеты и три кольца развернулись перед ней головокружительной панорамой. И как же отличалась она от того насыщенного красками, прилизанного, контрастного, но все же «ненатурального» изображения, которое видела Катрина на борту яхты, когда запрашивала по справке информацию о кластере Буцефал. Воистину перед ней теперь была не голографическая развертка, но сам мир, во всем своем искусственно-естественном великолепии!

Увидев восторженный блеск в глазах своей гостьи, не скрываемый ни опасностью ее положения беглянки, ни неопределенностью будущего, бог-шимпанзе подобрел. Он будто расцвел улыбкой — еще бы, ведь девушка восторгалась его твореньем!

— Нравится? — коротко поинтересовался он.

— Безусловно! — ответила Катрина. — Я до сих пор не пойму, каким образом это возможно?! Как вам удалось создать парные планеты и звезды, заставив их при этом вращаться вокруг несуществующего общего центра? Я допускаю, что с помощью машин нуль-синтеза возможно изготовить даже такие крупные объекты, но как придать им в космическом пространстве верное направление движения и нужное ускорение, так чтобы они кружили с одинаковой скоростью?

Шимпанзе блеснул зубами.

— Весь фокус в том, — ответил он, — что планеты и звезды частных кластеров не создаются отдельно и не помещаются потом в пустое пространство с помощью каких-то фантастических двигателей. Демиурги создают весь кластер целиком, программируя не только размеры и химический состав космических тел, но и их гравитационное взаимодействие и даже «химический возраст» миров. На самом деле, уникальность моих планет и звезд состоит не в том, как именно я их создал и придал движение, а именно в том, как они расположены относительно друг друга. Если позволите, сикха, я покажу.

С этими словами хапи Эливинер быстро пробежал темнокожими пальцами по лицевой панели космического челнока и произнес вслух несколько слов на незнакомом Катрине звучном гортанном языке. Безмолвно повинувшись, лектика резко изменила направление своего движения и, как бы упав на бок, круто ушла левее. Мир вокруг Кэти перевернулся на девяносто градусов, но ее вестибулярный аппарат не почувствовал ничего.

Бессмертный Творец тем временем продолжал вещать, словно превратившись в гида на экскурсии по собственному Творенью.

— Размеры и расстояния между созданными мной космическими телами рассчитаны особым образом. Иногда мой мир называют Вселенной Колец, но на самом деле он — Вселенная Затмений. Вид, разумеется, зависит от угла зрения, но наиболее фантазмагоричную картину можно наблюдать с поверхности любой из пары моих шарообразных планет — Бавея и Чакана. Я попробую показать вам все прямо с борта нашей лектики. Глядите, сейчас мы пройдем по линии, касательной к Бавею.

С этими словами их космобиль, скользивший уже возле Белой планеты, обрушился на вершину изогнутого дугой горизонта как пущенный с вершины скалы снаряд.

«Какая же у нас скорость?! — восторженно думала Катрина. — Расстояния между космическими телами должны быть чудовищно велики, однако мы покрываем их едва ли не за секунды!»

— Наша скорость близка к скорости радиоволны, — ответил, будто прочитав ее вопрос, Эливинер. — Это возможно благодаря силовым полям, защищающим лектику снаружи, и, конечно независимой гравитационной подвеске, способной придать небольшому аппарату такое стремительное ускорение.

— Но обратите внимание на картину за стеклом, — продолжил он. — Сейчас мы уже пролетаем на высоте сто километров от поверхности Бавея. Угол зрения на такой высоте достаточно близок к углу зрения наблюдателя на поверхности. Взгляните на мои звезды!

Он торжественно обвел рукой небосвод.

— Как вы знаете, — сказал демиург, — центр моей системы составляют две планеты — Чакан и Бавей. Бавей — это мир снега и льда, Белая планета моей вселенной. Чакан — мир крови и тьмы, так называемая Черная планета. Звезды, вращающиеся вокруг них, также составляют пару. Первую звезду зовут Фарос, что значит «Маяк», а вторую — Альмагест, что значит «Величайший». Обе звезды абсолютно одинаковы по размеру и массе, обе планеты — тоже. Но главное состоит в том, что и планетарная и звездная пары кружатся таким образом, что постоянно находятся на одной прямой линии, как бы составляют единый отрезок. Две планеты — в центре отрезка, две звезды — на его концах. При этом планеты кружат вокруг оси, что обеспечивает на их поверхности смену дня и ночи. Сейчас мы проходим по касательной к поверхности Белой планеты, как бы через центр отрезка. Взгляните на противостоящий нам Чакан и звезду Альмагест — они прямо у вас над головой.

Катрина подняла глаза — и ахнула!

До этого она в основном глядела вниз, на проплывающие под днищем космобилля ледники Белой планеты, однако сейчас взгляд ее уткнулся в небеса.

Прямо над ней, как и говорил полубог-обезьяна, висел темный Чакан во всем своем мрачном великолепии, однако выше него и дальше сверкало ослепительное солнце «Величайшего» — Альмагеста. За доли секунды флаер преодолел еще несколько километров и как бы завис в центре небесной дуги Бавея. Яркая звезда и темная планета выстроились перед ним на прямой линии, точно — одна за другой.

И вот, когда диск Чакана закрыл своим мрачным телом сверкающий диск Альмагеста, над темным краем его неопишущим мистическим пламенем вспыхнули длинные извивающиеся протуберанцы. Прямо на глазах у пораженной Катрины Беты зажглось фантастическое сияние верхнего слоя звезды — солнечной короны.

Жемчужно-розовое, почти неопишущее человеческими словами, оно засверкало в космосе тончайшей вуалью, опыляя мириадам лучей обитателей ледяного Бавея.

Черный круг, алый круг, розовый круг и, наконец, яркий, обжигающе желтый, — последовательно сменяли друг друга от центра к краям завораживающей сцены этого космического спектакля. Широкий обод кровавого света, истончающийся как нимб вокруг головы святого, окружал эти последовательные разноцветные кольца, и, наконец, розовый туман, облака льдинок и космической пыли, метущиеся выше уровня стратосферы, завершали всю фантастическую фантазмагорию! Одинокие снопы лучей, протянувшихся под разными углами, пронзающие небеса как хрустальные пики, танцевали вокруг этого чуда.

Катрина ахала и качала головой, почти позабыв обо всех своих проблемах и бедах. То, что она видела сейчас, невозможно было сравнить ни с чем. А шимпанзе улыбался — как истинного художника его всегда забавлял тот восторг, который вызывали в глазах поклонников и поклонниц его удивительные игрушки.

— Конус тени, отбрасываемый Чаканом на Бавей, точно соответствует расстоянию до Бавея, — продолжил он, как ни в чем ни бывало. — В результате ежедневно каждый житель Белой планеты может наблюдать то, что вы видите сейчас — завораживающий вид затмения Альмагеста. То же самое повторяется и на Чакане. Каждый его обитатель раз в сутки видит полное затмение Фароса. В процессе затмения звезда и закрывающая ее планета проходят несколько фаз. Поэтому практически весь световой день Бавея — это постепенное затмение Альмагеста Чаканом. А весь световой день Чакана — это постепенно затмение Фароса Бавеем.

Эливинер снова что-то произнес на непонятном языке, и лектика взмыла вверх.

— Если вы знакомились со схемой моего кластера, выложенной в Сети, — продолжал он, — то должны понимать: официальная структура кластера Буцефал существенно отличается от реальной. Мои архитекторы специально выложили в СИНК ошибочные проекты, ибо хотя мои звезды, планеты и кольца в целом совпадают с запроектированными по числу и размерам, их взаимное расположение, а также химический состав существенно отличаются!

— Моя система, — продолжал демиург, — навеяна пафосом романтических произведений древности. Кластер Буцефал напоминает корону или же драгоценное украшение, созданное искусным, старательным ювелиром. Преобладающими цветами моей частной вселенной являются желтый, а точнее золотой. Золотом отливают оба военных сателлита, и золотистым металлом покрыты все три гигантские планеты-кольца. Свет моих звезд — также желтый, как и положено для нормальной звезды солнечного класса. И только планеты вырываются из этой цветовой гаммы. А теперь посмотрите. Сверху кластер Буцефал похож на скифскую пектораль или же на варварскую корону. Взгляните, его окружают три кольца, но с разным плетением, вязью и как бы отлитых из золота. Внутри колец помещены два огромных желтых бриллианта — это звезды моей системы, сияющие нетленным светом и освещающие все вокруг. И, наконец, еще ближе к центру, сразу за двумя бриллиантами, в мое громадное украшение вделаны два небольших самоцвета или же две жемчужины — черная и белая, это две планеты, черный Чакан и белый Бавей.

Катрина кивала.

За время этой лекции они постепенно удалились от пугающей льдистой глыбы Бавея, а также сияющей в космосе звездной пары Фароса и Альмагеста, и вскоре добрались до следующего пункта экскурсии. Пунктом этим оказалось первое кольцо Буцефала, опоясывающее две планеты и обе звезды гигантским золотым поясом. Насколько Катрина помнила из почерпнутой перед визитом информации из Сети, кольцо называлось Граник.

При приближении к Гранику впечатление о кластере Буцефал как о созданной

ювелирами драгоценности еще более усилилось.

Как и остальные три кольца, Граник отливал в космической пустоте золотистыми металлическими переливами. Однако это было верно только для внешней части кольца. Когда флаер перелетел через край Граника и продолжил свой путь над его внутренней поверхностью, вид существенно изменился. По-прежнему границы космической ленты отливали желтым — то вздымались ввысь металлические стены-горы, боковые ограничители кольца, по самой скромной прикидке высотой в тысячи километров. Однако само кольцо стало похоже на гигантский золотой браслет, разделенный на ровные звенья, в каждый из которых твердой рукою мастера вставили блистающий самоцвет. Преобладающим окрасом таких вставок являлся смешанный зеленый, похожий на поверхность полированного малахита или змеевика, и Катрина поняла: то был не камень — под ней простирались гигантские поля и леса.

Эливинер подтвердил этот вывод. Внутренняя поверхность кольца Граник, обращенная к двум солнцам системы и, таким образом, освещенная ими, делилась на многочисленные секции-звенья. Всего секций было двадцать семь — как объяснил Эливинер, по числу геологических периодов, которые, согласно его личным представлениям, соответствовали последовательным этапам развития живых организмов на Древней Земле. То есть кольцо представляло собой подобие гигантского палеонтологического музея или фантастического природного заповедника. Каждую секцию Граника закрывал прямоугольный стеклянный купол высотой тысяча километров, и соответственно каждая секция имела свой особенный состав атмосферы и свою индивидуальную биологическую среду. В большинстве секций, за некоторым исключением, господствовала растительность или бушующие полноводные океаны с морскими впадинами или же подводными поднятиями дна. Именно они, просторы лесов и вод, покрытые на космической высоте мощной прозрачной оболочкой, и заставляли поверхности «секций» блистать как грани полированных драгоценных камней.

Первая секция, как объяснил Эливинер, была посвящена биосфере архея — первого геологического эона Древней Земли. В то далекое время, занимавшее почти два миллиарда лет по абсолютной шкале, древняя прародина человечества была безжизненна и пуста, окутана ядовитой для живых существ атмосферой, лишённой кислорода. Повсюду гремели вулканические извержения, сверкали молнии, что и повторялось под стеклянным покрытием в секции «Архей» гигантской системой кондиционирования и имитаторами геологической активности. Жёсткое ультрафиолетовое излучение, испускаемое размещенными в толще покрывающего секцию прозрачного материала, пронизывало атмосферу Архея смертоносными почти для всего живого лучами. Когда-то, как сообщил Эливинер, под влиянием этих губительных явлений, из окутывавшей Древнюю Землю смеси паров сероводорода, аммиака и угарного газа, вырвавшихся из жерл огнедышащих вулканов, в те далекие времена начали синтезироваться первые органические соединения и возникли уникальные свойства, необходимые для будущей жизни. И сейчас, за бортом космобиля, перед Катриной развернуло свои просторы настоящее «царство мертвых», по странной иронии судьбы являвшееся фундаментом будущего «царства живых». Помимо специфических бактерий, точно повторяющих прародителей земной биосферы, в границах секции «Архей» повторялся и рельеф прародины человечества в ту доисторическую эпоху, состоящий из крутых скал, вулканических хребтов и многочисленных метеоритных кратеров, почти точно повторяющих размеры и положение кратеров на доисторической Древней Земле. Из-за практически непрерывных землетрясений рельеф этот был сильно сглажен и сложен из монотонного темно-серого вещества, покрытого сверху толстым слоем пористого реголита. Сутки здесь длились всего шесть часов, а ландшафты неприветливой, суровой и холодной пустыни с черным небом (вследствие очень разреженной атмосферы) простирались повсюду, насколько хватало глаз...

Следующие семь секций, по словам Эливинера, были посвящены эону протерозой и представляли жизненные формы, изъятые из составляющих его эпох сидерия, риасия, орозирия, статерия, калимия, эктазия и стения, что в реальной земной истории занимали

период почти в полтора миллиарда лет. Услышав незнакомые названия Катрина хмыкнула: названия древних эпох ей ничего не говорили, и она с пристальным вниманием вгляделась в проплывающие под днищем космобиля темно-коричневые просторы. По сравнению с секцией «Архей» вид секций «Протерозоя» существенно изменился. Под флаером, в водах раскинувшегося от горизонта до горизонта бескрайнего океана (вернее — раскинувшегося от одной стены космической секции до другой), цвела грязным цветом империя анаэробных водорослей, густого вулканического тумана и по-прежнему непригодной для дыхания атмосферы, в которой имелись лишь ничтожные доли необходимого человеку кислорода. Здесь уже не было кратеров, рельеф стал мягче и ровнее, а большую часть поверхности занимали гигантские, насыщенные железом океаны, в которых не было рыб.

Мертвые волны плыли под ними, и Эливинер рассказывал ей, что в то далекое даже относительно Исхода время флора и фауна Древней Земли были уже довольно многочисленны, но весьма микроскопичны. Границы между секциями «Протерозоя», таким образом, создавались инженерами Граника не столько для отграничения одних живых видов от других, сколько для закрепления изменений внешнего облика древней планеты и произошедшего в это время чудовищного преобразования атмосферы, названного впоследствии глобальной Кислородной Катастрофой. До этого, безусловно, величайшего события в истории Земли (почему-то неизвестного ныне большинству обывателей) почти все существующие формы жизни на планете являлись анаэробами, и обмен веществ в их организмах, к огромному удивлению Кэти, не зависел от этого знаменитого окислителя!

Великая Кислородная Революция потрясла существовавшую тогда биосферу. Доступ этого ядовитого для тогдашней жизни газа уничтожил большинство древнейших организмов, представленных в первых четырех секциях «Протерозоя», а поэтому в последних четырех секциях этого древнейшего эона поверхность вновь напоминала собой скорее мертвую холодную пустыню, нежели рай-океан шныряющих в волнах микросуществ...

Три следующие секции кольца Граник посвящались заключительным периодам протерозоя и носили названия «Эдиакий», «Тоний» и «Криогений». Они были заняты жизненными формами, существовавшими на Земле около полумиллиарда лет по абсолютному времячислению. В этот относительно краткий по сравнению с прошлыми временными пластами период, как объяснял Эливинер, оправившаяся от отравления кислородом Жизнь сделала новый резкий и качественный скачок.

В секции «Эдиакий» проживали предки современных бактерий, родившиеся на останках прежнего анаэробного царства. Новые «кислорододышащие» существа этой дикой «эдиакарской фауны», как назвал ее увлекшийся лекцией демиург, претерпели всего лишь за несколько сотен миллионов лет, столь молниеносные и поразительные изменения, что превратились к концу эпохи в настоящее царство уникальных мягкотелых организмов, сохранившихся ныне только на кольце Граник кластера Буцефал. С неопишуемым восторгом Эливинер объяснял своей спутнице, что место этих существ в эволюционном древе, как оказалось, не установлено до сих пор! А жизнь в «Эдиакий» в результате представляла собой еще более страшную загадку, нежели великая Кислородная Революция, поскольку, по мнению Эливинера, ни один из представителей флоры и фауны того странного времени не являлся предком современных живых существ!

В следующей секции «Тоний» странные представители этой «боковой» ветви эволюции продолжили свое чуждое, выходящее за рамки привычных законов развития. В проплывающих под флаером безграничных просторах Катрина, разумеется, не могла разглядеть столь удивительно необычных, но в то же время удивительно мелких существ, однако разглядела другое — гигантское, темное пятно суши, единственное на всю секцию «Тоний» и омываемое со всех сторон сумрачными бесконечными водами.

— Перед вами, — прокомментировал ее наблюдения Эливинер, — находятся точные копии Родини и Миронии — первого известного истории «суперконтинента» и первого планетарного «суперокеана», каждый из которых в свое время покрывал половину территории древней планеты.

Однако более всего Катрину поразило вид секции «Криогений» — последней секции, посвященной протерозою. Вид этой части Кольца-музея существенно отличался от всех предыдущих, даже от архея: в этот краткий, но запоминающийся период, по словам бога-шимпанзе, планета пережила период самого страшного и масштабного оледенения за всю необычайно долгую историю. Почти сотню миллионов лет Земля напоминала собой гигантский ледяной шарик и льды на ее поверхности достигали экватора! Жизнь сохранилась только в ничтожных нишах глубоко подо льдом, и Эливинер, с усмешкой, назвал эту секцию «Сноуболл»...

Следующие семь секций планеты-кольца его инженеры посвятили зону палеозой, что делился на кембрий, ордовик, силур, девон, карбон, каменноугольную и, наконец, пермскую зону. Каждый из перечисленных гигантских прямоугольных павильонов занимал размер значительно больший, нежели предыдущие части кольцевого музея. Факт этот Эливинер объяснил значительным усложнением биологического многообразия Древней Земли, ростом численности и скорости, с которым живые организмы принялись мутировать во времени.

Каждый из палеозойских космических павильонов музея-кольца, по словам Творца-обезьяны, представлял собой прямоугольник со сторонами двести миллионов километров на тридцать тысяч километров — что значительно превышало площадь реальной Древней Земли во множество раз. Флора и фауна каждой из новых секций, как сообщил Эливинер, охватывала период развития жизни, примерно соответствующий пятидесяти — ста миллионам лет — движение эволюции с каждым эоном, как видно, все более ускорялось.

В кембрии, после гибели во льдах криогения большей части ранее существовавших живых организмов, Жизнь на Древней Земле совершила еще один качественный скачок. «Уже в который раз!» — подивилась про себя Катрина. Как видно, важнейшим фактором, стимулирующим развитие новых видов, являлось тотальное истребление старых. Природа будто экспериментировала, раз за разом уничтожая немилые ей семейства, виды, и даже целые царства живых существ. Во льдах криогения сгнуло почти 80 % земных обитателей. Однако, как только льды отступили, выжившие снова стали плодиться и мутировать. Постепенно выйдя из-под льда, вещал Эливинер, развились новые сложные организмы, собранные им в проплывавшей под днищем флаера секции: после тотального истребления у животных впервые за историю эволюции появились признаки полового разделения и стало вырабатываться некое подобие панциря и скелета. То был настоящий прорыв, вызванный миллионлетним ледяным геноцидом. Почти уничтоженная холодом жизнь ответила вселенной-убийце скачкообразным развитием!

В первой секции зона палеозой — «Кембрии» — под прозрачным космическим стеклом, скрывающим насыщенную испарениями атмосферу, господствовали сине-зелёные водоросли, в огромных количествах обитавшие на Древней Земле в едва оттаявших от ледяного покрова морях. Здесь их было настолько много, что когда флаер пролетал над этими воистину титаническими пучинами, воды под космомобилем напоминали скорее покрытые тиной болота или поросшую мхами тундру, нежели океаны, протянувшиеся на тысячи тысяч миль.

Экран на борту флаера, присоединенный к электронной камере-телескопу, позволял в тысячи раз увеличивать проплывающие под днищем космомобиля виды, и Кэти смотрела в него, не отрываясь, только жадно вслушиваясь в монотонный речитатив своего «божественного» мохнатого лектора. И вот, под щитом «Ордовика», в сплошном ярко-зеленом ковре из водорослей Кэти заметила изменения: в разрывах «ковра», меж длинных стеблей удивительных морских растений, подобных вырванным из плоти красным и синим кровеносным сосудам, замелькали тысячи быстрых колючих спор, ищущих себе места для высадки и размножения. Тут же, по словам обезьяноподобного гида, жили и самые древние позвоночные — уродливые, бесчелюстные подобия слепых рыб, что скользили в толще едва солоноватых мировых океанов, в настоящих облаках из прародителей будущего планктона.

Однако уже следующий сектор — «Силур» — оказался значительно более многообразен. Силур являлся миром мелководных морей глубиной, как видно, не более 15—

20 метров, ибо воды его были насквозь прозрачными, и ключкозубых тварей-рыб со множеством плавников. Рельеф «Силура» казался кипящим варевом, а просторы вод утыканы вулканами, что извергали потоки лавы прямо в прозрачные волны бескрайних мелей-океанов...

В «Девоне» проживали первые аммониты — головоногие моллюски со спирально закрученными раковинами и донные хищники — ракоскорпионы до полутора и даже двух метров в длину. То были настоящие великаны по сравнению со всеми прошлыми формами жизни! Эливинер, улыбаясь, назвал эту секцию «Миром Рыб», ибо, по его словам, никогда еще обитатели морского царства не достигали такого поразительного многообразия!

Каменноугольный сектор напомнил Кэти Родинию и Мировию. Под днищем флаера впервые появились очертания огромных суперконтинентов — точных копий древней Лавразии и Гондваны, так, по крайней мере, их величал демиург. В следующем секторе — «Перми» — Лавразия и Гондвана «слиплись» как будто гигантская сила толкнула их в объятья друг друга, при этом казалось, будто Гондвана незадолго до столкновения повернулась по часовой стрелке, так что ее восточная часть внезапно сместилась к югу, а западная оказалась на севере. В результате поворота на востоке появился новый океан — Эливинер назвал его «Тетис», а на западе закрылся старый — океан Рея. В «Карбоне» обе гигантских суши срослись окончательно, образовав, по словам Эливинера, величайший континент за всю историю планеты — Пангею...

В Каменноугольном секторе Кэти удивили амфибии, впервые появившиеся на Земле в одноименный период. Как пояснил Эливинер, в ту далекую эпоху «Век Рыб» закончился и на арену вышли многочисленные уродцы, напоминавшие рыб по облику, но с маленькими кривыми ногами! Именно тогда, восторгался Эливинер, на сушу выбрались первые сухопутные существа. Океаны стали настолько мелки, а температура настолько повысилась, что многие моря внезапно превратились в болота. Здесь, на самом стыке воды и первой, болотистой «тверди» появились странные существа, дышащие как жабрами, так и легкими, и ставшие впоследствии прародителями будущих земноводных. В этой же секции обитали и первые насекомые — пауки, клещи и прочие маленькие уродливые создания — жизнь стала осваивать сушу...

Однако в морях рыбы по-прежнему правили бал: здесь, по словам демиурга, царили разнообразные хрящевые акулы, столь совершенные, что сохранились в почти неизменном виде до сегодняшних дней. Некоторые из чудовищ, по словам ее спутника, могли достигать длины двенадцати метров, что было новым рекордом длины и массы для тогдашнего периода эволюции. Сохранялись и последние пресноводные кистеперые, доставшиеся этой секции от силура.

Теплые континентальные болота секции «Карбон» напротив, изобиловали насекомыми и земноводными. Среди деревьев порхали гигантские летучие тараканы, стрекозы и поденки. В гниющей растительности пировали родичи многоножек, а зубастые предки лягушек охотились на них на манер аллигаторов будущего — поджидая в укрытии и резко бросаясь на червеподобную жертву. У странных существ, похожих на глазастых головастика, но с ногами, еще имелись дрожащие на ветру жабры. А множество удивительных насекомых, отдыхающих на широких листьях плавающих растений, напоминали скорее разноцветных тритонов, нежели многоногих сородичей...

По словам Эливинера, насекомые «Карбона» стали первыми существами, поднявшимися в воздух. Причем, как уверял демиург, они сделали это на 150 миллионов лет раньше птиц. Первопроходцами в деле воздухоплавания являлись стрекозы. И хотя большинство из них принадлежало, по уверениям Эливинера, к ныне вымершим видам, в проплывающих под дном лектики болотах и джунглях они чувствовали себя настоящими «королями воздуха», ведь размах их гигантских крыльев достигал почти полутора метров, а огромные личинки охотились на земле на рептилий!

Леса в этом секторе не росли, а плавали, подобно морской капусте. Именно эта гипертрофированная «капуста», как пояснил Эливинер, впоследствии была использована

человечеством в качестве ископаемых залежей каменного угля. Пни этих странных плавающих деревьев не укоренялись в почве и были заполнены воздухом — как воздушные подушки, и корневища разветвлялись в горизонтальной плоскости на десятки десятков метров, переплетаясь друг с другом, что позволяло вершинам удивительных лесных массивов-плотов вздыматься над поверхностью вод на высоту десятиэтажных домов!

Следующий сектор носил странное название «Пермь». Этот сектор был первым, который можно было назвать полноценным «животным парком». Гротескные предки ящеров, похожие то ли на гигантских собак, то ли на маленьких крокодилов, неслись здесь по скалам и мхам огромной обнажившейся суши. Из насекомых в «Перми» существовали жуки и многочисленные сетчатокрылые, а климат соответственно становился все суше и суше. Именно эта «засушливость» климата привела в конечном итоге к новой ужасающей катастрофе, в очередной, уже третий раз за историю полностью очистившей Землю от большинства обитателей.

Пермь закончилась Смертью, вымиранием видов, самым масштабным из всех, какие только знала планета. К завершению этой трагически «жаркой» эпохи от отсутствия влаги в пустынных впадинах мертвых морей исчезло 90 % видов морских организмов и 95 % наземных. Так же как лед в «Криогении», огнедышащий жар «Перми» уничтожил все живое на Древней Земле и... дал ей новое ускорение. Вновь вслед за массовым вымиранием последовал мощный эволюционный виток.

Кэти прищурилась. Пролетев границу «Перми» — гигантского прямоугольника с высотой грани в тысячу километров, — космобиль скользил сейчас над прозрачным покрытием следующего космического павильона. За «Пермью» одна за другой следовали три секции «Мезозоя», что охватывал, по словам Эливинера, участок времени в сто пятьдесят миллионов лет.

«Триас» был первым из них. Бросив на поверхность быстрый скользящий взгляд, Катрина сразу увидела, что в этой секции площади внутренних морей, расположенных между континентами, чуть увеличились по сравнению с огнедышащей «Пермью», однако на огромных территориях суши все еще сохранялись обширнейшие пустынные ландшафты. Потепление климата, произошедшее на Земле в предшествующую эпоху, вызвало полное высыхание большинства внутренних водоемов, а в немногих оставшихся, как следствие, вода стала очень соленой. В результате, после глобального вымирания, в наземной растительности внезапно стали преобладать колючки и папоротники, а гигантские массивы «плавающих лесов» тихо скончались, став материалом для будущих залежей нефти и угля. Однако в жарком климате еще больше развились рептилии, появились первые современные устрицы и моллюски, а также первые млекопитающие. Но главное, передовой фронт развития жизни вновь двинулся в воду: крупнейшими животными мира вновь стали обитатели моря, разнообразие же позвоночных на суше упало почти до нуля.

Следующий за «Триасом» так называемый сектор «Юра», соответствовавший по словам Эливинера, среднему периоду «Мезозоя», охватывал развитие жизни в пределах пятисот миллионов лет. Единый континент Пангея, существовавший к этому времени почти два геологических периода, начал распадаться на отдельные плиты — прообразы будущих частей света, что и отражал искусственный рельеф этой части музея-кольца. Кэти без труда рассмотрела оставшиеся от Пангеи очертания сразу шести независимых континентов! К полному удовольствию биосферы, климат в юре стал более влажным, чем в перми и триасе, что оживило почти уничтоженную засухами растительность. В результате, огромные территории секции «Юра» застилал пред Катриной пышный зеленый ковер из просторных, разнообразных лесов. Последние, впрочем, состояли по-прежнему преимущественно из папоротников и хвой.

А под сенью этих деревьев бродили... удивительные динозавры!

«Ужасные ящеры», как назвал их бог-обезьяна, жили в юре повсюду: в обширных лесах, горах, морях, степях, озёрах, болотах. Диапазон различий между ящерами оказался настолько велик, что Кэти сбилась со счета. Они могли быть величиной с кошку или курицу,

а могли достигать размеров огромных китов. Одни из них бегали на четырёх когтистых конечностях, другие скакали на задних лапах. Одни были ловкими кровожадными тварями, другие же поедали траву. Но единым было одно: все они жили на суше. Вода океанов, как «точило» для острия эволюции, снова отступила на задний план!

Следующий сектор музея-кольца носил название «Мел» и охватывал мутацию видов всего за восемьдесят миллионов лет. Мел считался последним из трех периодов мезозоя и закрывал этот красочный и, пожалуй, наиболее яркий из всех эонов Древней Земли. Однако, как и все «завершающие» эпохи развития биосферы планеты, мел являл собой вершину эволюции и заканчивался (уже почти традиционно) глобальной вселенской катастрофой.

На этот раз причиной Армагеддона послужил упавший на Землю громадный метеорит. Грозные властители папоротниковых джунглей — удивительные гигантские ящеры, рост которых достигал высоты многоэтажных домов, а масса была сравнима с весом китообразных, — сгинули в течение менее чем столетия. И теперь, пролетая над реконструкцией их павшей родины, Катрина Бета с удивлением взирала на возрожденные стада этих огромных животных, предки которых за столь ничтожное время превратились когда-то в гигантские обветренные скелеты!

Завершали великолепную экспозицию музея-кольца три секции кайнозоя — наиболее поздней геологической эры Древней Земли. Начиная с великого вымирания ящеров в конце мелового периода, эта эра, охватывающая всего шестьдесят пять миллионов лет, была, по мнению Эливинера, наиболее изученной, а потому биосфера самой близкой к Исходу эпохи оказалась представлена в музее-кольце наиболее полно и точно. Хотя кайнозой, по словам Эливинера, переводился как «новая жизнь», его флора и фауна были не просто «новыми» — они завершали развитие эволюции в течение двух с половиной миллиардов лет. Итогом такого «развития», по мнению демиурга, стало появление человека, а также последовавшая вслед за этим гибель планеты, сопровождавшаяся бегством людей в Искусственное Мироздание...

Секциями «Кайнозоя» были «Палеоген», «Неоген» и «Антропоген». Эти секции казались настоящим «парком млекопитающих». Развившись от мелких примитивных форм, распространившихся по планете еще в юре и меле, к этому времени они стали отличаться большим разнообразием наземных, морских и летающих видов. Улыбаясь, Эливинер называл кайнозой также «эпохой саванн», что имело веские основания, ибо, выглянув за борт, Кэти увидела под собой обширные даже с космической высоты ровные и сухие просторы. Континенты в эту последнюю эру приобрели очертания, в которых и встретили гибель Древней Земли — свою последнюю форму!

Началу зона соответствовала секция «Палеоген», что охватывала сорок миллионов лет развития живых видов. По краям секции Кэти увидела белые очертания ледников, которые, вероятно, возникли под влиянием различной интенсивности искусственного освещения и имитировали шапки ледников, появившиеся в эту эпоху на полюсах. Бурный расцвет млекопитающих брал свое начало именно в это удивительное во всех отношениях время. После тотального вымирания гигантских рептилий возникло множество экологических ниш, которые мелкие зубастые живородящие существа, до этого мелькавшие разве что между ног чудо-ящеров, начали усиленно занимать. Яйцекладущие, сумчатые и плацентарные во множестве форм и подвидов заполнили планету, охватив постоянно растущими ареалами саванны и лесостепи! Вместо гигантских стрекоз и птеродактилей в воздухе господствовали веерохвостые и зубастые птицы, а на земле широко распространились и их «бегающие» собратья — крупные хищные «диатримы», подобные страусам и пожиравшие плоть.

Следующая секция — «Неоген» — посвящалась второму периоду кайнозоя и охватывала мутацию жизни в двадцать пять миллионов лет. В это время, рассказывал Эливинер, на планете появились киты и фауна стала очень похожа на современную. Однако по просторам прерий и тундростепей по-прежнему кочевали удивительный мастодонт и гиппарион, медведесобаки и гордые саблезубые тигры...

Последней секцией удивительного космического музея, переходящей в секцию

«Архей», с которого начался их облет, был «Плейстоцен». На нем экспозиция в миллионы километров кольцевого обода завершалась, переходя в себя, — и путь начинался заново. Над этой секцией их лектика зависла прямо над прозрачной поверхностью гигантского прямоугольного павильона, а шимпанзе обернулся и пристально посмотрел на Катрину.

По словам Эливинера, плейстоцен охватывал самый краткий срок из всех эпох развития жизни — всего два миллиона лет. За это время с точки зрения глобальной истории планеты не произошло никаких существенных в космических масштабах событий — не мутировали виды млекопитающих, не падали ужасающие метеориты, не двигались горы, не отступали моря и континенты не меняли своих границ.

Но было другое — в своем величии и низости на планету явился «Он». Погрязший в невежестве, неверии и злобе, пройдя свой путь от гротескных обезьян, взяв в руки палку и каменный скребок, он бросил вселенной вызов. И планета пала под его грязной босой пятой.

В то историческое время по бескрайним степям, доставшимся новой эпохе еще от раннего кайнозоя, бродили бизоны и яки, дикие лошади и шерстистые носороги, пещерные львы и гигантские олени, верблюды, медведи, гигантские гепарды, гиены и страусы, и многочисленные антилопы, а также... мамонты, эти удивительные создания. В каком-то смысле весь этот мир постигла очередная немыслимая и разрушительная космическая катастрофа, сравнимая как с оледенением «Сноуболла», так и с метеоритом ящеров — сюда пришел Человек!

Еще не войдя в свою полную силу, еще не освоив порох и не расщепив атом, не изобретя колесо и не запустив космические корабли, человек пожрал этот мир. Вооруженные примитивным оружием первобытные охотники уничтожили цветущую вокруг них мегафауну. К моменту, когда человек впервые взял в руки дротик, одних только мамонтов насчитывалось на планете, как заверял Эливинер, более миллиона голов! Гигантские прерии, саванны и тундростепь были заполнены хищниками и стадами.

Многочисленные травоядные «мамонтовой Фауны» съедали растительность доисторических тундр и саванн в огромных количествах и возвращали в почву (в виде навоза) необходимую растениям органику. Как следствие, громадные равнины Евразии были покрыты высокоурожайными лугами, кормившими миллионные стада копытных. То была богатая, продуктивная и почти совершенная экосистема, чье существование полностью зависело от населявших её крупных травоядных животных. По мнению Эливинера, такая экосистема сохранилась на землеподобных планетах, отчасти до сих пор — но только в виде жарких тропических саванн, в которых проживали слоны и львы, жирафы и огромные носороги.

У этой цветущей системы имелся единственный недостаток — крупные животные оказались беззащитны перед злым разумом человека. Примитивная прямоходящая обезьяна, смочив каменный наконечник своего дротика в дерьме или гниющей ране, метала его в могучего травоядного великана — и к концу дня раненый гигант умирал от боли и заражения крови. И вот — мегафауна кайнозоя исчезла, истребленная людьми. А далее от его руки погибла и вся планета...

Приблизившись к огромной стене, отграничивающей «Плейстоцен» от «Архея», флаер проник в квадратные, почти километровой ширины ворота. За воротами скрывался такой же широкий туннель — весь будто бы отделанный золотом. Миновав его и вписавшись в несколько поворотов, космический челнок выпорхнул уже внутри самого кольца, «под стеклом», — в одной из секций громадного космического музея. Секцией этой конечно же был не «Архей».

— В «Плейстоцене» я живу уже четыре тысячелетия, — завершая их путешествие, произнес Эливинер. — Кормлю тут мамонтов, охочусь на саблезубых... Мы побеседуем здесь, если вы, конечно, не против.

Квитирование 5

Один день в Лебедином замке

Спустя пару минут космобиль мягко зашел на посадку, и они приземлились на очередном, уже третьем за этот день космодроме. От увиденных чудес Шестимирья у Кэти кружилась голова. Заставив себя любоваться пейзажем, чтобы отвлечься, девушка оглядела чудесную долину и высокие цепи гор окаймляющие ее с трех сторон. С четвертой же стороны узким и изогнутым клинком кавалерийской сабли в долину вонзалось море. Именно море, а не залив или бухта, ибо за несколько минут до посадки Кэти успела его рассмотреть почти с двадцатикилометровой высоты: и долина и море поражали размерами. Ширина «узкой» водной полосы составляла, по меньшей мере, две тысячи километров.

На самом кончике морского «клинка» разместилось скалистое плато, казавшееся ничтожно маленьким по сравнению с титаническими размерами простирающегося вокруг буйства рельефа. Горы долины вздымались ввысь чуть не под самые небеса, а водная гладь, расширяясь от скалистого плато, ускользала в невидимую бесконечность. Сама долина казалась огромной, в ней можно было разместить при желании гигантский город или, возможно, даже небольшую страну. Однако на вершине одинокой скалы, к которой стремилась маленькая лектика, высилось всего несколько одиноких башен, сплетающихся друг с другом в удивительный архитектурный узор.

«Рыцарский замок, — вспомнила вдруг Катрина еще одно незнакомое месячной агнатке слово, — это называется рыцарский замок!»

Она даже прикрыла от восторга глаза. На фоне естественных декораций, гигантских гор и просторов вод, обдуваемых влажным бризом и демонстрирующих мощь и силу дикой природы, замок казался игрушкой, волшебной сказкой.

Нависающая над бездной стена-обрыв, уютный терем главного входа и нагромождение сказочных башен над ними. Все это — на фоне уходящих вдаль одно за другим разноцветных скалистых кряжей, поросших вековым лесом. Вот первый горный хребет, начинающийся сразу за стенами замка, усыпанный хвоей и залитый утренним солнцем, второй, играющий ярким, насыщенным темно-зеленым, и третий — светло-зеленый, четвертый, почти невидимый, за дымкой туманов теряющийся вдали, и, наконец-то, пятый, уже сливающийся с облаками...

Эливинер заставил лектику приземлиться у самого подножия этого чуда архитектуры. Ожидавшая немногочисленная прислуга помогла им выбраться из космобилия, а затем — рабыня и бог вошли в удивительный замок. Катрина снова, в который уже раз за день, оказалась поражена и повержена. Богатство внутренней отделки здесь потрясало роскошью, а язык не поворачивался назвать убранство залов иначе, как восхитительно дивным. Уровень удивления девушки зашкаливал уже за крайнюю степень восторга, и Кэти всерьез опасалась, что после изучения чудес Буцефал-Шестимирья потеряет способность чему-либо удивляться.

Видя эмоции, написанные на ее лице, бог-обезьяна сказал:

— Замок называется Нойшванштейн, что значит буквально «Новый лебединый утес». Вернее, перед вами его точная копия. Давным-давно, на Древней Земле существовала маленькая страна Бавария. Ее безумный правитель выстроил это чудо, разорив при этом державу и до нитки раздев своих подданных. Но, ей-богу, оно того стоило!

Катрина снова кивнула. Пройдя под массивной аркой, они вошли внутрь и длинной анфиладой миновали множество залов и комнат. Сэм Эливинер рассказывал ей про них. Залы назвались «Альгамбра» и «Лоэнгрин», «Пещера», «Тронный» и «Лебединое озеро». Блистая роскошью, они вгрызались ей в память...

В «Малой гостиной», где некогда обитал сам баварский король и создатель замка, ее шокировали огромные писанные маслом картины, а в зале «Альгамбра» — рыдающий восточный фонтан. Кабинет «Тангензейру» напомнил мрачный сталактитовый грот, с играющим в безумие потолком, а «Зал Певцов», где когда-то в земном замке проводились состязания менестрелей, пугал тяжелыми балками, качающимися над головой, и тенями, пляшущими меж узких готических окон. Столбы из мореного дуба в цепях и бронзовых кольцах окаймляли здесь стены с камнями, поросшими мхом. Кровать с балдахином в

спальне, вся в вязи из мифических сцен, изготавливалась, по словам демиурга, вручную, ровно три года, а люстра в зале «Озерном» клеилась из капелек бирюзы — более чем пять лет!

— Вот холл «Лоэнгрин», — шептал девушке Эливинер, сверкая глазами, полными влажного блеска, — он создан по мотивам оперы Вагнера, и великий Чайковский, увидев открывающийся отсюда вид, писал свою бессмертную «Лебедь»!

Ладонь обезьяны порхнула к окну, и Катрина, проведя глазами вслед за мохнатой дланью, уронила короткий взгляд на озеро и на горы... Что ж, кто бы ни был этот неизвестный ей человек со странным именем Чайковский, она его понимала. Возможно, в древней стране Баварии, вершины и волнистая гладь смотрелись иначе, но даже то, что открылось сейчас — игра света и тени, и блики воды, и гроздь скал, уходящие в небеса ступень за ступенью, — то была истинная симфония красоты.

И пусть имена давно умерших людей ничего не говорили Катрине Бете, беглой постельной агнатке с десятком трупов за хрупкими женственными плечами, та сдержанная гордость, с которой произносили незнакомые имена уста всесильного демиурга, абсолютно убеждала ее — эти люди жили. И они жили великими!

— Любите древнюю историю? — спросила девушка.

— Еще бы, — на удивление энергично ответил Эливинер. — Изучение древностей есть жгучая страсть, священное действо, которое придает смысл моей никчемной, как у любого бессмертного, жизни. И это касается не только Нойшванштейна!

Словно безумный, Эливинер замотал головой.

— Весь мой кластер — это дань моей памяти! Огромный музей и единственное во всем Искусственном Мироздании хранилище информации, независимое от глобальной Сети! — воскликнул он с неожиданным жаром в голосе. — И когда я называю Буцефал драгоценностью, мадам, я иронизирую лишь отчасти. Первое кольцо — это музей Природы, посвященный эволюции жизни: огромный парк умерших, но воссозданных мной существ. Второе кольцо — это музей Истории, с уникальными артефактами, привезенными с прародины человечества в единственном экземпляре! Глиняные таблички Хеттской державы, клинопись Двуречья, иероглифические манускрипты Сианя, статуи Фидия и подлинники первых поэм Шекспира, что может быть ценнее и дороже этих вещей?! Наконец, третье кольцо — это Музей Корпорации. В отличие от первых колец, он не ограничен тем, что сохранилось от прошлого. Древняя Земля погибла, но летопись человечества продолжается, она течет вокруг нас, вместе с нами! Я постоянно пополняю свое третье кольцо новыми экспонатами, не древними, но из нашего текущего времени. Лучшие произведения искусства, книги и фильмы, изобретения и научные разработки — все ценное, что ежедневно создается бесчисленными жителями вселенных Искусственного Мироздания — лучшими из мастеров, все поступает сюда. Музей Корпорации развивается непрерывно: сотни моих ученых рыщут по просторам Сети, выискивая в каталогах промышленных предприятий, частных галерей и аукционов все, что может представлять для меня интерес. Как ИЦ Корпорации, мое третье кольцо имеет множество скрытых пространств внутри себя — они делают его практически бесконечным. Кажется невозможным, но внутри мое кольцо еще больше, чем снаружи, хотя внешний размер «Гидаспа» и так невероятно велик. А потому, хоть «Гидасп» и не хранит таких уникальных сокровищ, как «Граник» или «Гавгамел», он бесценен, ибо является самым большим музеем, когда-либо существовавшим в истории человечества!

А мои планеты? — продолжил демиург с еще большим запалом. — Чакан и Бавей только кажутся вычурной данью мрачной фантазии вашего покорного слуги. Сами по себе эти планеты являются уникальными экспонатами. Чакан — планета-лаборатория, планета-полигон. Именно на ней еще в Естественном Мироздании мы с Ан-Нубисом проводили первые эксперименты с Нулевым Синтезом. Эти эксперименты оставили на лике Чакана ужасающие следы.

Бавей — иное. Это точная копия Древней Земли, изготовленная мной когда-то по

крохам оставшейся после Исхода информации. Что не сумели привезти с собой, пришлось восстанавливать по памяти с помощью разумных машин. В результате глобальной реставрации и возник мой Бавей. Эта планета — слепок, с которого снято впоследствии все Искусственное Мироздание, это первый мир, созданный мной и Ан-Нубисом в самом первом искусственном кластере, — то место, куда бежало человечество от своего прошлого. Человеческие народы, человеческие языки, человеческие изобретения скопированы в глобальную Сеть с восстановленного мной Бавея.

Затем Бавей перестал быть нужным. На долгие годы реставрированный мир стал центром моего частного кластера и главным оплотом моей памяти и ностальгии. Однако спустя миллионы лет, после того как, естественно, ядро Бавея остыло, я отказался от предложенной мне процедуры очередного «восстановления» этой копии нашей древней прародины и позволил физическим процессам идти своим путем. Чтобы ветры не истерли восстановленные мной памятники истории в прах, чтобы пыль не покрыла их многометровым слоем, я накрыл планету ледяным щитом, в котором с помощью силовых полей спрятал копии дорогих мне руин. Только сверху Бавей кажется безжизненной пустыней с дворцами для отравленного вечностью демиурга Эливинера. На самом деле под толщей льда стоят Вавилон и древний Нью-Йорк, доисторическая Женева и величественная Индрапрастха. Вернее — руины их точных копий, изготовленные мной в самые первые дни Искусственного Мироздания. Так что мой кластер — это не просто вселенная для досуга и увеселений как множества прочих акционеро-в. Мой мир — это музей и сокровищница. Настоящая и подлинная драгоценность!

Беседуя так, беглая агнатка Катрина Бета и всемогущий демиург Сэм Эливинер Тивари оставили зал «Лоэнгрин». Эливинер продолжал свой рассказ.

— Мраморный зал Нойшванштейна задумывался как «Священный», — вещал мохнатый Творец. — Как вы можете видеть, он выполнен в византийском стиле, а мотивы, используемые нами в отделке, навеяны интерьером святой Софии Константинопольской. Смотрите!..

Катрина согласно кивала, хотя и не понимала практически ничего. Но по длинным стенам огромного зала в два яруса вздымались величественные колонны из знакомых ей откуда-то порфира и лазурита, а под ногами струился мраморный пол и тонкий орнамент, со вставками из яшмы и змеевика, кружился на нем и петлял, сплетая замысловатые кружева. И это значило, что слова не нужны — хватало просто смотреть на эту тонкую вязь, впитывать в душу эту музыку зримого чуда и... искренне восторгаться.

Заканчивался зал полукругом, похожим на «апсиду» — священное место для божественного алтаря. Девять ступеней мрамора вели к ней. А выше ступеней высился, играя самоцветами, трон из бронзы, в платине и в темной слоновой кости. Гигантский резной канделябр красной меди в форме огромной неохватной руками готической короны сверкал тяжким золотом украшений. А сотни неоновых свечей, усеивающих его ободы и венцы, накрывали зал дрожащим сиянием, плавно тающим в тенях ниш и углов, каррарских портиков и нефритовых арок.

Однако, слушая Эливинера и восторгаясь изысканностью отделки древнего замка, Катрина не только согласно кивала и поддакивала своему увлечемому хозяину, но и задумчиво хмурилась время от времени — так, чтобы Эливинер не слишком это замечал. Красоты кластера и болтовня его Творца не скрывали от девушки главного — того, на что сразу обратил внимание кавалерист Катилина. Первое впечатление, составленное при изучении Буцефала на борту Хохотуна по техническим документам Департамента архитектуры, оставалось неизменным: возможно, Буцефал и являлся бесценной сокровищницей и музеем, но прежде всего он был крепостью! Хорошо защищенной, практически неприступной, неусыпно охраняемой цитаделью, роль стен которой играли гигантские космические кольца и силовые поля. Возможно, думала Кэти, именно подобная «отгороженность» от внешнего мира и беспрецедентная защищенность частного кластера позволяли Сэму Эливинеру столь расслабленно беседовать с незнакомыми ему гостями на

любые свободные темы.

Бог-шимпанзе чувствовал себя слишком уверенно в стенах своего дома — это не вызывало сомнений. Но почему? Быть может, не без оснований? Задавая несложные наводящие вопросы и откровенно используя словоохотливость гостеприимного хозяина, Кэти вскоре выяснила необходимые подробности, которых, впрочем, отыскалось не много.

Как ей уже было известно, в центре системы вокруг пустой точки по единой орбите кружились две планеты. Вокруг двух планет, также по единой орбите, кружились две звезды. А затем — идеальными, невероятно огромными кругами — три фантастических кольца.

Все три кольца являлись непробиваемыми щитами частной вселенной. Безусловно, они всего лишь «опоясывали» ее, находясь в одной плоскости, однако со слов Эливинера выходило, что кольца являются не просто тоненькими поясами, а именно «сплошными стенами». Как выяснилось, кольца перекрывали подступы к Буцефалу со всех сторон пространства, ибо генерировали по своему ободу три сферических силовых поля, расположенных последовательно одно в другом.

Эливинер имел доступ к источникам, не подконтрольным Нуль-Корпорации, а потому, потреблял энергию без ограничений. И если все остальные жители Искусственного Мироздания платили «Нулю» за синтезированную материю и электричество, то Эливинер в каком-то смысле был сам себе Корпорацией. Вывод из информации следовал один — три поля, генерируемые тремя гигантскими кольцами, обладали беспрецедентным уровнем напряженности и непробиваемой мощью.

Первым и самым маленьким «щитом» являлся Граник — кольцо-парк с динозаврами и мамонтами, огромная замыкающаяся в себя лента по ободу воображаемого круга. Кэти прикинула: Граник имел ширину «ленты» с диаметр Бавея или Чакана, а длину, как следовало из данных Сети, полученной ей на Хохотуне, ровно пятьдесят миллионов километров. Даже по самым приблизительным подсчетам, выходило, что площадь Граника превосходит территорию поверхности Бавея и Чакана, вместе взятых, как минимум в пятьдесят миллионов раз. Воистину, то был чудовищный по своим масштабам мир! Мир-кольцо, мир невероятных, невообразимых для обычной шарообразной планеты размеров. Неудивительно, что именно здесь Эливинер решил расположить свои «заповедники» для биосферы различных геологических эпох.

Вслед за Граником, второй неприступной стеной следовало кольцо «Гавгамел».

По форме Гавгамел отличался от Граника и был подобен гигантскому листу Мёбиуса, то есть ленте с одной стороной, грань которой, изгибаясь вдоль дуги кольца, плавно переворачивалась и переходила в обратную сторону самой себя. Кольцо, таким образом, вращалось не только вокруг оси, проходящей через общий центр Буцефала, но и как бы вдоль собственной оси искривления, благодаря чему на ее поверхности осуществлялась смена ночи и дня.

По примерным расчетам Кэти, второе кольцо превышало радиус первого ровно в шестнадцать раз и при этом было совершенно необитаемо, если, конечно, не считать населением несколько сотен человек обслуживающего персонала. Здесь, как заверял Эливинер, располагался Музей Земли, но вот только ли он один?

Наконец, третьим щитом-стеной Буцефала являлся Гидасп, так называемый Музей Корпорации. По размерам он ровно в тридцать два раза превосходил кольцо Гавгамел и в пятьсот двенадцать раз казавшийся гигантским Граник.

Три кольца, таким образом, размещались одно в другом подобно матрешкам. А вместе с этим одно в другом помещались все три шарообразных силовых поля кольца работали постоянно, сплошными сферами, без перерывов во времени и брешей в пространстве. Они защищали Буцефал от любой угрозы извне. Ни один корабль, ни даже пылинки не могли проникнуть сквозь защитные сферы без дозволения владельца кластера.

Именно этим, совершенно очевидно, объяснялся порядок проникновения в Буцефал, который Катрине пришлось испытать на себе. В пределах действия трех силовых полей работали только нуль-порталы, и Катрина поняла, в чём состоял смысл размещения военных

спутников. Первый, Табу, находился перед тремя стенами-кольцами, за границей системы. Второй, Экссесс, — сразу за ними, внутри системы. Проникнуть внутрь кластера на корабле, таким образом, представлялось в принципе невозможным. Все суда, в том числе собственные суда Эливинера, причаливали на Табу и далее гости кластера следовали через нуль-порталы на Экссесс — и никак иначе! Уже с Экссесса можно было попасть на другие тела системы через порталы, расположенные в бронированных подземных цитаделях, или же с космодромов на поверхности, где ждали маленькие невооруженные флаеры. Но с самого Табу, как внешнего спутника, нуль-порталы вели только на Экссесс. Никакой связи с иными телами кластера внешний спутник не имел, что казалось вполне объяснимым, учитывая «крепостной» характер архитектуры Буцефала. Табу, таким образом, играл роль своего рода «предвратной» или «сторожевой» башни крепости.

Загадочная и темная «предвратная башня», стальная планета-страж, являлась последним творением Эливинера в его личном домене не только в смысле удаленности от центра системы-крепости, но и в смысле особого расположения относительно стен-колец. Табу как бы замыкал собою весь кластер, находясь за его невидимыми границами.

Как рассказывал Эливинер, стальную планету изготовили задолго до создания Буцефала, она являлась почти точной копией старинных боевых кораблей, воссозданных творцом-обезьяной по сохранившимся чертежам. Табу, в частности, представлял собой аналог доисторического линкора. Как главный военный объект кластера, Табу вооружили до зубов. В ангарах планеты-стража размещались две военно-космические эскадры Творца, состоящие исключительно из мощнейших и самых быстроходных типов судов, а также богатейший набор специального оборудования и средств, доступных лишь акционерам Нуль-Синтеза: включая псидоминатор, гравитационный контроллер и прочие забавы творцов-демиургов.

Расположенный за пределами трех силовых полей, Табу был обречен вечно патрулировать границы этой древней мини-вселенной по самой дальней орбите. Потому, в отличие от большинства других тел системы, ни внутри, ни тем более на поверхности «военного спутника» не имелось ни дворцовых, ни развлекательных сооружений. Походил он, как уже говорилось, на огромный стальной цилиндр, с высотой стороны и диаметром основания, сравнимыми с размерами обычных планет земной группы.

Немного прокрутив в голове полученную информацию, Катрина спросила:

— А почему ваш кластер зовется Буцефал-Шестимирье, ведь планет всего две?

Демиург, к ее удивлению, пояснил, не раздумывая.

— Всякая планета — мир, моя дорогая, но не всякий мир — планета, — заявил он. — Помимо привычных нам эллипсоидов гигантские кольца являются крайне распространенными в Искусственном Мироздании космическими телами. Планетами в обычном смысле их не назовешь, но вот мирами — вполне. И какими мирами!

Катрина пожала плечами.

— Я спрашивала не про кольца, — уточнила она. — Бавей и Чакан — это два мира, кольца Граник, Гавгамел и Гидасп — три мира. Итого пять. А где же шестой? Если считать военные спутники мирами, то миров будет семь. А если не считать — то пять. Что же дальше?

— А дальше, — сказал шимпанзе, — только Табу! Это шестая планета.

— То есть вы считаете Табу миром, а Экссесс нет? Но они ведь похожи как две капли воды.

— Они отличаются по размерам, — резонно ответил ей Эливинер. — Экссесс напоминает Табу только внешне. Это связано с единой технологией создания боевых кораблей в доисторическую эпоху. Космические разрушители тогда строились по одной схеме и различались толщиной брони, мощностью энергетической установки и, конечно, размерами. Табу и Экссесс похожи на цилиндр, в верхней и нижней гранях которого темнеют два отверстия — жерла космического излучателя. Внутри цилиндра расположена силовая установка, способная выбрасывать мощный пучок энергии как через нижнее, так и

через верхнее жерло. Этот пучок использовался доисторическими линкорами как реактивный двигатель для перемещения на малые расстояния, или как космическая пушка, способная уничтожить звезду — одновременно. Ее принцип применения в бою схож с башенными орудиями на доисторических морских линкорах: пушка одна, но способна бить как на правый борт, так и на левый.

Так что ответ прост, — закончил Эливинер. — Табу — это гигантский суперлинкор размером с планету. А Экссесс — всего лишь линейный крейсер. Его силовая установка слабее в тысячу раз, а размер меньше в десять. Поэтому Табу — это шестая планета, а Экссесс — лишь очень крупный спутник, вот и все. Кстати, цилиндрическая форма придавалась древним кораблям для удобства экипажа. В те далекие времена на Древней Земле не знали искусственной гравитации, и нормальное притяжение внутри таких махин достигалось путем создания центробежной силы — цилиндры вращались вокруг оси. Конечно, сейчас на обоих спутниках имеется искусственная гравитация, и такое вращение излишне, но ностальгия, знаете ли, ностальгия....

Демиург вздохнул.

— К слову сказать, между Экссессом, Табу и древними кораблями есть еще одно отличие, — продолжил он, — Мои копии изготовлены из ишеда, божественного металла, а оригиналы создавались из обычных броневых сплавов, подчиняющихся стандартной физике тел. Мои военные спутники, таким образом, неуязвимы.

— Ишеда? — переспросила Катрина. — Я что-то слышала о нем, но...

— Ишед — так называемый «божественный металл», — пояснил Эливинер, одно из главных чудес Искусственного Мироздания наряду с хеб-седом и Нулевым синтезом. Внешне, сикха, ишед похож на золото, он насыщенного желтого цвета и считается своего рода «вечным», неуязвимым веществом. Он абсолютно инертен к любым химическим воздействиям и уж конечно устойчив к механическим. Физические показатели плавления, упругости, электропроводности, окисления или начала иных химических реакций у ишеда равны «бесконечности», «бесконечности», «бесконечности» и «бесконечности». В каком-то смысле, это «идеальная материя», понимаете?

Катрина помолчала. Концепция «абсолютного вещества», «идеальной материи» была ей почему-то хорошо известна. Возможно — из прочитанной когда-то в прошлой жизни художественной литературы, а возможно — из практического опыта легата Катилены, трудно было сказать. Вот только в фантастических бреднях, приходивших на ум, при мысли об абсолютном материале, были металл или камень — белый, как серебро, или же черный, как смоль. Но ишед, по словам Мерелин, походил на золото!

Шатенка пожала плечами.

— Мне кажется, господин, — скептически заявила она, — идея «абсолютного вещества» довольно распространена. Но разве такая идея не является сверхъестественной и антинаучной? Не может быть в мире металла абсолютно инертного к воздействиям внешней среды. Очень прочного — да. Более прочного, чем большинство известных, — конечно. Устойчивого к разной химии — возможно. Не плавящегося при температуре звездного ядра — тоже возможно, хотя и с натяжкой. Но абсолютно инертного по всем природным показателям, с температурой плавления, равной бесконечности, — это же мистика какая-то!

Слушая ее, пожилой демиург саркастически усмехнулся.

— Это всего лишь «Искусственное Мироздание», сударыня, — отвечал он, — здесь все можно назвать фантастикой и мистикой от начала и до конца. А ишед, божественный металл, всего лишь еще одно изобретение нашего обоженного Учредителя. При создании частного кластера, всякий демиург-акционер может весьма свободно изменять любые физические законы, «программировать» свой мир. Как закажет, так и будут в новом кластере протекать химические реакции, термоядерный синтез, электромагнитные волны, излучение и все остальное. В некоторых кластерах, например, не стреляют бластеры. В некоторых — нет солнца, но там тепло и уютно и светится само небо. В некоторых — не загорается порох. В некоторых — железо не варится в сталь. И так далее, и так далее... Подумайте, почему бы в

таких условиях нашему Учредителю не запрограммировать при Сотворении само Искусственное Мироздание так, чтобы в нем родился некий материал, не способный к уничтожению?

— А как же тогда обрабатывают изделия из ишеда? — не сдавалась Катрина.

— Никак. Они изготавливаются целиком и в готовой форме внутри синтез-машин. Потом в случае необходимости эти формы утилизируются в том же синтезаторе, так же как создавались. Крупнейшие вещи, созданные из ишеда, — это сами ИЦы и так называемые «системные корабли», на одном из которых мы сейчас летим. Они вечны и неуничтожимы. Кроме того, у Учредителя есть возможность стереть из Искусственного Мироздания весь кластер целиком. В этом случае все изделия из ишеда внутри кластера также обратятся в ничто вместе с самим пространством.

— Не слишком ли расточительно изготавливать из бесценного материала целые планеты? — удивилась тогда Катрина.

Бог-шимпанзе сделал неопределённый жест рукой.

— Не слишком, если затраты продиктованы необходимостью... — ответил он. — Скажу даже более: Табу и Экссесс являются не единственными крупными объектами кластера, которые созданы целиком из божественного металла.

Кэти с интересом подняла голову:

— Серьезно?

Сэм Эливинер кивнул.

— О да! Есть еще второе кольцо, Гавгамел. В отличие от Граника и Гидаспа, Гавгамел создан из ишеда, хотя это и не заметно. Все три кольца покрыты километровым слоем молибденовой стали с примесью обычного золота, а потому идентичны по цвету. Но не по прочности, заметьте: мое второе кольцо является самым крупным телом Искусственного Мироздания, целиком изготовленным из божественного металла!

Кэти нахмурилась. Догадки и домыслы, что роились в ее голове последние несколько часов, снова ожили.

— Вы кого-то боитесь, — произнесла она прямо то ли с вопросительной, то ли с утвердительной интонацией.

Могло показаться, что от такого вопроса Эливинер смутился. Выдержав некоторую паузу, он неожиданно холодно ответил:

— Система защитных колец и силовых полей — это просто мера разумной предосторожности, сикха.

— В это сложно поверить, учитывая стоимость ишеда, — продолжила разведку Катрина.

— Я никого не боюсь.

— Даже правительства Корпорации?

— Даже его!

— Но почему в таком случае вы не пустили меня в свой кластер сразу?

Мохнатый демиург посерьезнел еще больше и даже замедлил шаг. Его мордашка шимпанзе вдруг сделалась очень грустной.

— Это длинная история... — произнес полубог.

— Так у нас же прорва времени! — заметила беглая агнатка.

Рассказ Эливинера

— Меня считают древнейшим жителем Корпорации и, скажу с определённой гордостью, не без оснований. В свое время я был дружен с самим Богом Смерти — Творцом нашего мира. И если бы не его глупая тяга к опасности, к постоянной эскалации конфликтов и сомнительным приключениям, наша дружба продолжалась бы и сейчас. Но — увы! Ничто не вечно под искусственными небесами. Его Божественная милость, господь Ан-Нубис, он же Его превосходительство Учредитель Нуля, оставили мне по старой памяти ряд

привилегий, некоторую запрещенную к применению в Корпорации технику и... все. Мы более не общаемся. Но окружающим невдомек, что я понятия не имею, чем развлекается сейчас создавший наш мир ублюдок!

Вы ведь понимаете, Учредитель Нуля — это главная тайна Корпорации. Поэтому я боюсь вовсе не правительственных спецслужб — они то ко мне и близко не подходят, я боюсь сумасшедших искателей истины, что лезут толпами на мой Буцефал!

За прошедшие миллионы лет на меня было совершено множество покушений. Не на жизнь, разумеется, а на мои планеты-музеи и на мою секретную библиотеку. В Информационной сети Корпорации она известна под названием галереи Сандара или галереи Македонянина, величайшей сокровищницы тайных знаний во всем Искусственном Мироздании.

Однажды дело дошло даже до открытого прямого нападения — флот из пятисот кораблей молодых, жаждущих знаний демиургов-акционеров и еще почти тысячи вооруженных судов разных когнатов-энтузиастов атаковал мой мир в плотном боевом строю. Борт к борту, как в полномасштабной войне.

Мы тогда еле отбились, и только прибытие отдельной правительственной эскадры Флота Нуля и полицейских судов из ближайшего сектора спасло Буцефал от разрушения.

Как говорится в одном анекдоте, у меня нет врагов, но полно доброхотов. Люди нападают на меня с регулярностью раз в сто лет из самых лучших побуждений: хотят порыться в моих хранилищах, поглазеть на мои сокровища, побродить по моим заповедникам и пожить в моей галерее. Я ведь уже говорил вам, мой кластер — сокровище. А мои кольца — стены для их защиты.

В голове Катрины меж тем пульсировала странная мысль, разбуженная новым неизвестным ей доселе словосочетанием.

— Почему ваша секретная сокровищница так необычно называется? — спросила она, почти не отдавая себе отчет в смысле собственного вопроса, так, словно вместо нее его задавал кто-то другой. — Слова «Сандар» и «Македонянин» с чем-то связаны?

Демиург надул щеки, не заметив, как показалось, напряжения в голосе собеседницы.

— Разумеется, это связано с историей, — воскликнул он. — В древнейшие времена, еще в Естественном Мироздании на Древней Земле, когда эта загадочная планета была совсем молода, на ней существовал один знаменитый город. Он назывался «Искандерун», или «Александрия». Там размещалась великая сокровищница культуры того дикого века с огромной Библиотекой — Мусейон. То было крупнейшее собрание ценностей и знаний тогдашней цивилизации, но подожженная однажды преступным безумцем, эта сокровищница погибла в огне ужасающего пожара. Уцелела только часть экземпляров. Постепенно они расплзлись по свету в разные страны, к разным людям, и лишь за несколько лет до самого Исхода, благодаря огромным деньгам, которыми я тогда обладал, мне удалось собрать некоторые из них обратно в единую коллекцию и вывезти в Искусственное Мироздание. Эти древние манускрипты вместе с другими частями моего тогдашнего собрания книг и искусств стали основой нынешней Галереи, увеличившейся с тех пор в бесчисленное количество раз. Разумеется, новая галерея имеет мало общего с тем, что было собрано когда-то в Мусейоне, но название сохранилось. Тот город, Александрия, был основан неким Александром Македонянином, по-современному — Сандром, Сандаром. Отсюда и название.

Кэти помотала головой, стараясь отогнать внезапное наваждение:

— Так, значит, вы приняли меня за очередную сумасшедшую охотницу за древностями, готовую прорваться к вам в кластер и на ходу выдумавшую дурацкую историю про беглую агнатку?

— Вроде того.

— И вы испугались?

— Наложницу?! — Эливинер приподнял бровь. — Еще чего!

— Но ведь я тшеди, не забываете.

— О, ерунда, — Эливинер сдержанно рассмеялся. — Мой кластер невероятно защищен. Пожалуй, я мог бы назвать его одним из самых безопасных мест во вселенной. Как вы уже знаете, часть тел системы изготовлены из ишеда, а одним из свойств «божественного металла» является инертность к пси-энергиям. Мы так и не поняли за прошедший миллиард лет, что конкретно собой представляют способности экстрасенсов, но улавливать их и защищаться — научились вполне. Ни телекинез, ни телепортация, ни левитация, ни пирокинез, ни одна из способностей экстрасенсов воздействовать на физические тела не способны причинить вред ишеду. Ведь все эти таланты действуют в обычной физико-химической среде. А последняя, по определению, не способна нанести вред материалу Учредителя. Воздействие через ишед возможно только для наиболее опасного вида тшеди-экстрасенсов — для медиумов и гипнотизеров, атакующих не материю, а разум. Волны, воздействующие в этом случае на человеческое сознание, не вполне материальны, а значит, они обходят указанный выше общий запрет.

Однако, — продолжил демиург, — я сам экстрасенс именно такого рода. Я могу читать в душах людей, и хотя мои способности в этом направлении не абсолютны и, скажу откровенно, даже не слишком сильны в силу их приобретенного характера, я вполне умело могу ими пользоваться. На границе моего кластера, когда мы общались с вами через экраны мониторов, я ясно увидел, что способностей воздействовать на человеческий мозг, если хотите, на разум, на душу — вы полностью лишены. Дар, с помощью которого вы заставили мигать в моей комнате свет, находясь на борту своей яхты, называется электромагнетизмом. Не спорю, талант довольно редкий, но, извините, достаточно никчемный. Выпивать электричество из батареек и генераторов — довольно полезная вещь для устройства аварий на станциях и погружения праздничных городов в ночную тьму, но не слишком полезная для всего остального. Почти все известные истории электромагнетики до смешного слабы, за очень редкими, даже единичными исключениями. По отношению к другим сверхъестественным талантам тшеди ваш дар, пожалуй, самый ничтожный.

Эливинер помолчал.

— Но не обижайтесь. Если бы ситуация оказалась иной, я просто не пустил бы вас в кластер. А так, мы хотя бы познакомились.

Он загадочно улыбнулся.

— И я очень рад нашему знакомству! Несмотря на то, что последние сутки я потратил на ознакомление с вашей памятью, — продолжил демиург, — вы для меня остаетесь огромной загадкой. Так что пока я не разберусь, кто вы такая, я вас не никуда не отпущу, уж простите.

— Не отпустите куда, в школу наложниц? — глядя в добрые глаза вежливой обезьяны, девушка грустно пожала плечами. — Туда я точно не тороплюсь. Но, получается, вы оставляете меня в своем кластере насильно?

Эливинер лишь блеснул зубами в ответ.

— Разве я похож на насильника? — рассмеялся он. — Между прочим, принадлежите вы как раз школе наложниц, и я удерживаю вас противозаконно. По-хорошему, вас надо бы вернуть. Хотите?.. Шучу! Но могу заверить в одном: старый Бог Сэт слишком стар, чтобы банальный секс мог заставить его снизить до насилия. Вот разве что добровольно...

Катрина удивленно остановилась. Кажется, она уже слышала где-то это странное сочетание слов.

— Бог Сэт? — переспросила девушка.

Старый демиург немедленно остановился на месте и церемонно вытянулся перед девицей в струну.

— Господь Сэт Соремхед! — доложил он, чопорно склоняя голову. — К вашим услугам, мэм. Мое современное имя — это всего лишь зашифрованная аббревиатура, традиция бессмертных, в соответствии с которой мы меняем в течение вечности собственные имена. Инициалы от «Сэм Эливинер Тивари» звучат как «С. Э. Т.» Это имя я носил почти миллиард лет назад, в ту далекую эпоху, что зовется сейчас «божественной».

— А вы...

— А я служил у Бога Смерти капитулярием. Удивлены?

Квितिование 6 Капитулярий Господа Смерти

Дальнейшее знакомство беглой постельной наложницы и полубога продолжилось уже в столовой. Несмотря на вполне заурядное название, это место, вернее этот подлинный храм кулинарного искусства и рай для гурманов не имел ничего общего с одноименным заведением агнатской школы Артели, в которой Кэти довелось до этого бывать. Если в школе царил таинственная машинерия и общая отточено оптимизированная убогость, то здесь бал правила роскошь и тот неуловимый шарм, что придает отточенность и изящество даже таким примитивным плотским ощущениям, как секс и еда.

Бог-шимпанзе резал мясо. Лично сам, отпиливая огромные дымящиеся куски большим серебряным ножом с украшенной вензелями ручкой. Мясо источало аромат. И хотя этот запах был, безусловно, запахом великолепно приготовленной говядины приправленной специями и томившейся в густом соусе, на настоящем огне, Катрина чувствовала в нем совершенно иные оттенки: ноздри ее щекотали ароматы денег и власти. Безумных денег, число которых неописуемо привычными среднему человеку цифрами и безумной власти, которую эти деньги дают в Мироздании Корпорации.

Мясо принадлежало дикому бизону кайнозойской тундростепи, которого охотники Эливинера застрелили в мамонтовых прериях Плейстоцена из летевшего на минимальной высоте флаера. Животное убили примерно час назад в двух тысячах километрах от Лебединого утеса, и, тем не менее, сейчас, оно украшало их с Эливином стол.

Взгромоздив приличный ломоть на фарфоровую тарелочку перед Кэти, Эливинер положил такой же себе и присел наконец за стол. Разговор, по всей видимости, предстоял серьезный, так как перед обедом хапи Эливинер ненадолго оставил Катрину для встречи с одним из своих экспертов, с которым до этого уже обсуждал проблему своей удивительной гостии. Тема их беседы и на этот раз не вызывала у Катрины сомнений — темой являлась она сама.

Эливинер внимательно глядел на гостью.

— Последние анализы завершены, — начал он, — и я могу подвести некоторые итоги. К моему огромному сожалению, они крайне незначительны: мы не узнали о вас почти ничего нового! Но это свидетельствует лишь о том, что вы представляете более удивительную загадку, чем я предполагал.

— Вы поделитесь со мной результатами исследований? — осторожно спросила Катрина.

— О, безусловно! — тут же согласился Эливинер. — Но много вы не узнаете. Итак: вы клон, но неизвестно какого тела. На данный момент мы не обнаружили в Сети ни единого промышленного реестра, где была бы зарегистрированная матрица ДНК, подобная вашей. Вероятно, вы либо совершенно новое творение, либо ваш код хранится в секретных правительственных списках и из Сети недоступен.

Кроме того, вы — прог, но с совершенно загадочным набором воспоминаний. Мы считали вашу матрицу десятки раз, прогнали ее по всем возможным программам и тестам, но ничего подобного не нашли. Ни мира, в котором вы якобы жили, ни личности, которой вы якобы когда-то являлись. О том, что ваши воспоминания при этом не являются стандартным набором памяти для секс-агнаток, думаю, даже не стоит упоминать — последнее абсолютно очевидно.

И, наконец, вы тшеди, но абсолютно никчемный в смысле фактической мощи. В смысле способностей экстрасенсорике, вы слабы, будто немощная старуха. Максимум на что годитесь — чувствовать потоки электронов и, возможно, менять их направление. Короткое замыкание, таким образом, это вершина ваших способностей.

И вот резюме: мои эксперты понятия не имеют, зачем вы прибыли ко мне, понятия не имеют, кто вы такая, понятия не имеют, кто все это устроил. Но самое главное — понятия не имеют — зачем?!

Несмотря на относительно добродушное настроение собеседника, Катрина непроизвольно сжалась в комок — разговор мог закончиться чем угодно, вплоть до немедленного распыления непонятной агнатки на атомы прямо за столом.

Видя ее откровенный испуг, Сэм Эливинер хмыкнул.

— Впрочем, — добавил он, воздев вверх палец, — это не столь важно теперь, когда мы познакомились. Я знаю, что вы прибыли без хищнических намерений и вы абсолютно для меня безопасны. Так что не бойтесь меня!

— Не боюсь.

— Разве нет? — Эливинер добродушно улыбнулся, собрав вокруг глаз морщинки. — Пока я могу предложить вам одно. Вы крайне меня заинтересовали, а мне очень редко встречается по-настоящему интересное. Так что сумму, необходимую для выкупа вашей свободы, считайте, вы уже получили. Пока, разумеется, извещать я никого не буду — нам нужно все же сделать запрос в правительственные реестры, чтобы узнать, кем вы являетесь генетически. Кроме того, я пытаюсь выйти на господина Эс Си Рукса, — вашего изготовителя, который, как мне кажется, обязан дать моей скромной персоне некоторые пространные пояснения. — В этот момент Сэм Эливинер вдруг посерьезнел, и в уголках морщинистых глаз Кэти увидела искорки сдержанного, полностью подконтрольного могучему разуму, но истинно божественного гнева. — После этого мы примем окончательное решение. Но мое слово у вас в руке: я обещаю вам свободу и, следовательно, я вас выкуплю. Клянусь!

Удивительно, но в этот миг, возможно, самый важный миг с момента создания Катрины Беты в клонической колбе школы для проституток, секс-агнатка не почувствовала ничего. Возможно, подумала девушка, эмоции придут к ней позже, когда она останется одна, выйдут из глаз потоками слез и счастливых воплей, но сейчас она абсолютно ничего не чувствовала и только кивнула. «Неужели? — завис в голове вопрос. — Неужели так просто?!...»

Кэти открыла рот, чтобы произнести слова благодарности, но Эливинер, небрежно махнув рукой, призвал ее отдать должное мясу.

Следующие десять минут они оба молча следовали этому призыву. Вкус блюд казался Катрине восхитительным, а неизвестный ей кулинар Эливинера — почти богом. Потом настоящий «бог» по имени С. Э. Т. снова рассказывал ей что-то, а она слушала и вспоминала увиденные сегодня чудеса Буцефала. Они болтали, болтали, и дивный тембр его речи окутывал ее, погружая в теплые, уютные воды надежности и покоя. Болтали они, казалось бы, ни о чем, но в основном — о красотах и чудесах нового мира, в котором Катрине предстояло провести некоторое время, пока любящая судьба или злобный рок не обогатят ее неожиданного покровителя новой толикой информации о ней самой.

Беседа текла и скользила меж пальцев. Однако один момент — самый последний — Кэти почему-то запомнила. Момент этот касался следующего дня. Девушка была совершенно не уверена, что хотела спросить именно то, что спросила, но слова вырвались из её уст, словно живые, и, как почему-то казалось, совершенно независимо от головы. Когда ужин почти закончился и Эливинер собирался откланяться, отправляясь к себе в личный покой, Катрина Бета привстала и, взглянув на своего гостеприимного хозяина уверенными глазами, громко и быстро спросила, сама удивляясь заданному вопросу:

— Недавно вы говорили, — произнесла она отрывисто, — что из ишеда изготовлены наиболее значимые объекты в вашей частной вселенной. Табу и Эксцесс — понятно, это боевые сателлиты. Но почему из ишеда изготовлено одно из колец? Мне кажется, я догадалась, почему. Второе кольцо, Гавгамел, — это и есть ваша знаменитая Галерея Сандара, на которую все покушаются... Так?

Демиург прищурился и пронзил ее острым, слегка насмешливым взглядом.

— Верно, — согласился он.
И Катрину вдруг что-то ударило изнутри!
— Вы можете показать мне ее? — спросила она.
— Галерею Македонянина?
— Да!
Эливинер заколебался.
— Если честно, ближайший портал в закрытом хранилище находится на Экссессе, придется возвращаться и...
— Вы все же боитесь!
— Ах, бросьте! Эти женские штучки не действуют на меня...
— Да причем тут «штучки»?! — искренне удивилась агнатка. — Ну, пожалуйста. Покажете?
— О бог мой, который Иешуа, а не Ан-Нубис, — воскликнула обезьяна, — почему бы и нет? Вы совершенно для меня безопасны, а это кольцо — одно из важнейших моих чудес. Хорошо, если вы настаиваете, сударыня, то завтра, после морской прогулки, я проведу вас на кольцо Гавгамел!
С этими словами демиург встал, вежливо откланялся и покинул столовую.
Совершенно не понимая собственной настойчивости в абсолютно никчемном для нее вопросе, девушка проводила Эливинера долгим взглядом, потом сбросила с колен салфетку и также поднялась. В конец концов, день выдался слишком длинным, чтобы обременять себя дополнительными размышлениями, а поэтому с легкой совестью Кэти отправилась отдыхать.

* * *

В сопровождении мажордома девушка добралась до комнаты, выделенной ей для проживания. Вопреки ожиданиям ни радость от внезапно обретенной свободы, ни легкость от удивительного ощущения физической безопасности, о которой она уже успела позабыть с момента бегства из школы, не охватили ее, когда она осталась одна. В голове царили хаос и путаница, вызванные непонятным окончанием беседы с хозяином этого мира, а в сердце — усталость и пустота. События сегодняшнего дня и огромное количество информации, полученное Катриной за сравнительно краткое путешествие по Шестимирью, совершенно ее измотали. И лишь данное Эливинером обещание посмотреть Галерею Сандара почему-то будоражило нервы.

Заставив себя сконцентрироваться на насущном, Катрина быстро расположилась в комнате, благо вещей, кроме тех, что она несла на теле, у нее не имелось. Раздевшись и приняв ванну, довольная все же результатом прошедших двадцати четырех часов, беглянка завалилась спать. Удивительное спокойствие души и легкое оупение мозга, вызванное общением со столь интересным собеседником, каким оказался Сэм Эливинер Тивари, или, правильнее сказать, бог Сэт, каким-то незримым образом передалось всему организму — так сладко и крепко Катрина не спала, наверное, еще ни разу после пробуждения в адаптационной камере школы Артели, и ночь пролетела быстро, как один миг.

Проснувшись следующим утром совершенно бодрой, выспавшейся, а также в прекрасном расположении духа, Кэти поднялась очень рано. Сказочный Новый лебединый утес еще спал. Не решившись будить прислугу или охрану, бывшая секс-агнатка снова приняла бодрящий душ и, не покидая комнаты, стала обдумывать планы на будущее с учетом новых жизненных обстоятельств.

Последние в свете вчерашних разговоров представлялись довольно безопасными, но считать их полностью безоблачными не следовало. Многие вопросы, как и прежде, оставались совершенно не разрешимы, а многие обстоятельства — скрыты от ее понимания и догадок. Наконец, запутавшись в собственных размышлениях, Катрина отбросила философию и, как всегда, заставила себя сосредоточиться на делах практических.

Порывшись в файлах стоящего в комнате нульсинтезатора, Кэти задумалась над тем,

что ей сегодня надеть. Хотя на первый взгляд вопрос представлялся абсолютно «женским» и даже никчемным, совершенно праздным он не являлся.

Прошлый день Катрина провела с гостеприимным хозяином, будучи одета в легкий бронированный скафандр — не в самую громоздкую, но все же военную форму, которую милой девушке в гостях у обходительного хозяина носить не полагалось.

Кэти не взяла другой одежды с яхты и сейчас должна была выбрать наряд для предстоящей морской прогулки и посещения Галереи Сандара непосредственно в синтезаторе Лебединого замка. Не долго думая, она раскрыла электронный реестр товаров, которые нуль-синтезатор мог создать прямо в комнате, и с головой погрузилась в поиски.

Выбор оказался огромным. Но в нем имелась некая странность: тряпки внутри реестра классифицировались не по компаниям-изготовителям, не по модельерам, как можно было бы подумать, а по эпохам! Никакой связи с историей Корпорации агнатка не уловила, а потому заключила, что речь, как и в случае с эволюционными ячейками кольца Граник, идет об исторических эпохах Древней Земли. Это было логично — ведь во вселенной-музее и список одежды мог вполне соответствовать имеющимся историческим экспонатам.

Но Катрине требовалась не просто одежда, а одежда практичная, не стесняющая движений и в то же время достаточно элегантная и красивая, чтобы ей не выглядеть, как вчера, готовым к драке бойцом. Как нельзя более к стати этим требованиям отвечали вещи, представленные в самом конце каталога. К удивлению Кэти, заключительный раздел товаров носил название «Эпоха Исхода» и включал наряды, которые жители Древней Земли носили накануне гибели своей цивилизации.

Кэти выбрала «кроссовки», «футболку» и «джинсы» — по крайней мере, именно так назывались указанные предметы согласно каталогу. Дополнила ее наряд узкая курточка из той же ткани, из которой изготовили штаны. Ткань называлась «джинсовой». Кэти не знала, что означает это слово, но само изделие ей понравилось — тело чувствовало себя необычайно расслабленно и удобно.

На этом хлопоты не закончились. Кроме выбора одежды, Кэти предстояло решить еще один вопрос, который ее крайне волновал и звучал так: брать ли с собой оружие?

Как и вчера, беглянка прекрасно осознавала, что наличие лучевого пистолета на кисти правой руки ни в коей степени не влияет на степень ее защищенности. Перед лицом бессмертного демиурга, двухсот миллионов его подданных, частного космического флота и планет-линкоров, изготовленных из неразрушаемого металла, любое ручное оружие — меньше чем ничто. И все же... Что-то заставляло ее взять с собой какую-либо из смертоносных игрушек. Возможно — привычка старого вояки Флавия Аэция Катилины, не привыкшего шляться по незнакомым местам без орудий убийства, возможно, общая обстановка недоверия, к которой она привыкла после пробуждения в школе шлюх. Как бы то ни было оружие Кэти решила взять.

Подойдя к синтезатору, беглянка раскрыла на экране электронный реестр и снова пробежалась по списку. Медная табличка на боку корпуса гласила, что пользование этой фантастической техникой доступно всякому проживающему в замке и, следовательно, получить оружие из аппарата может любой желающий — и оказавшийся рядом преступник, и беглый раб, — ибо пользование машинкой помимо «свободного» было еще и «бесплатным».

«Или бог Сэт действительно ничего не боится и до безумия смел, — подумала Катрина, — или, напротив, он до мелочи все продумал и слишком уверен в том, что его технические средства, охрана, наука, аппаратура хеб-седа, пограничный флот, кольца-стены и два космических сателлита на границах кластера смогут справиться с любой потенциальной опасностью».

Пожалуй, прикинула девушка, остановиться следует на последнем — несмотря на нелепый вид, бог-обезьяна на глупца совершенно не походил. Эливинер на самом деле ничего не боялся у себя в кластере, ибо, воистину, здесь ничто не могло ему угрожать.

Шунт в голове обеспечивал Сэту бессмертие, а электронные дубликаты в Галерее

Сандара плюс неограниченные суммы на банковских счетах — воссоздание всего, что могло быть разрушено в его огромной частной вселенной. Подобная уверенность, конечно, вызывала уважение. И немного — страх.

Кэти не спеша выбрала себе смертоносные аксессуары и нажала на кнопку активации синтезатора. Тихо пискнув, аппарат сообщил, что изделия готовы, и стальные доводчики мягко вытолкнули из волшебной глубины вещевой камеры теплый поднос с заказом.

На подносе лежало три вещи. Обежав их взглядом, Катрина недобро усмехнулась: «Бластер, шокер и нож, — подумала она, — все, что нужно девушке!»

Затем синтезировала для трех предметов чехлы и развесила все на себе: шокер и нож нашли место на поясе, а эстимет перчаткой оплел руку.

Уже светало и, как казалось Кэти, вполне можно было будить мажордома. После всей этой утренней суеты с оружием и одеждой ей почему-то чертовски захотелось есть. «Кажется, — размышляла Катрина, — мой новый хозяин и благодетель обещал сегодня водную прогулку по Лебединому озеру?» Ну что же, ее наряд вполне годился для таких путешествий. Джинсы, по всей видимости, неплохо защищали от ветра и морских брызг, а бластер и шокер — от всего остального. По крайней мере, так ей казалось. Подавив последние попытки собственного подсознания оставить совершенно бесполезное и даже нелепое в данной ситуации оружие на кровати, девушка вышла из комнаты, спустилась на лифте и, перескакивая через ступеньки, бодро побежала к морю.

Квитирование 7 Сокровища Буцефала

Линкор «Советский Союз» разрезал бескрайнее водное пространство своим могучим телом. Гигантские волны стучали о его стальной корпус, брызги вздымались ввысь.

Когда-то давно этот корабль так и не был достроен одной из древних доисторических империй, название которой носил. Но сейчас, спустя почти миллиард лет, в искусственной рукотворной вселенной — новом обиталище человечества — он летел по волнам тысячетонной непобедимой глыбой.

Беглянка Катрина и Сэт-Эливинер, обнявший ее за тонкую талию, стояли на открытом мостике и с восторгом смотрели на бушующее, беспокойное море под серыми небесами. Полубог как всегда облачился в резиновый фартук и собственный рыжий мех. Беглая девица — в облегающий джинсовый костюм. Ее правую руку украшал эстимет, невидимый, впрочем, под длинным рукавом. Даже если хозяин кластера заметил оружие своей новой подруги, виду он не подавал.

Странно, но рядом с добродушным мохнатым ученым, Кэти чувствовала себя женщиной больше, чем когда бы то ни было ранее. Воспоминания Флавия Аэция Катилины все еще роились в ее мозгу картинками из жизни бывшего кавалериста, но... они уже были слишком слабыми и потертыми, чтобы их носитель осознавал себя мужчиной.

Новые эмоции захлестывали ее существо как бьющие вокруг соленые океанские волны. «Что определяет пол клона в большей степени? — думала она. — Память или физика тела?» Похоже, она уже знала ответ на этот вопрос и теперь только плотнее придвинулась к сжимающему ее в объятиях мохнатому, теплому существу, единственному во всей этой новой вселенной, от которого не исходил для несчастной секс-агнатки дух опасности и предательства. Мысли о любви к мужчине пока еще не лезли ей в голову, но... только пока.

— А знаете, хапи Сэт, давно хотела спросить вас! — прокричала она, перекрывая шум волн. — На самом деле, с первого момента, как только увидела. Зачем вы ходите в этом теле? Шимпанзе, выглядит очень... не привычно. Сначала я полагала, что оболочка обезьяны лучше человеческого тела, например, дает большую физическую силу и ловкость, но теперь вижу, что быть шимпанзе все равно не удобно! Вы ниже большинства своих агнатов ростом, не можете быстро ходить на двух ногах и нормально стоять, и потом, я понимаю, есть некоторые ограничения в еде и в напитках, не так ли? Тогда в чем же смысл?!

— Смысл в другой картине мира, сударыня, — сквозь рев ветра ответил ей Господь Буцефала, — как бы в другом угле зрения! А кроме того... — demiург сделал паузу, — кроме того, в моей скуке. В первой жизни я прожил почти семьдесят пять бравых лет. Потом, после воскрешения — еще почти с тысячу биологических годов, шляясь по коридорам времени на Древней Земле, вместе с тем, кого вы называете ныне Творцом Мироздания и Учредителем Корпорации. Потом — почти сорок тысячелетий до первого Упокоения. Потом — еще столько же и еще, и еще, и еще... Очень долго! За этот срок я успел сменить сотни тысяч, если не миллионы тел. Был период, когда я менял их чуть не ежедневно. Но... на самом деле одно мужское тело не слишком отличается от другого мужского, а одно женское — не слишком от другого женского, что бы не говорили по этому поводу умники из рекламы хеб-седа. А новизна превращения из женщины в мужчину и наоборот пропадает уже с десятого или двадцатого раза.

И вот, после мужчин и женщин я стал пробовать различных животных и даже птиц или рыб. Разумеется, с соответствующей модификацией горловой полости — чтобы можно было использовать для общения членораздельную речь, и некоторой модификацией конечностей, чтобы можно было самостоятельно есть, заботиться о себе, работать с техникой. По этой причине, между прочим, пришлось сразу отказаться от большинства парнокопытных и, вообще, четвероногих — тыкать лапой и мордой в кнопки размером с блюдце мне разонравилось сразу.

Рыбы и большинство водных животных отпали чуть позже, сразу, как только прошла новизна ощущений от пребывания в водной среде. К тому же можно просто приделать жабры к человеческому телу и наслаждаться водной стихией сколько угодно долго без столь категорических перевоплощений.

В итоге, после некоторых экспериментов с накладной механикой (я вешал на тело львов и медведей ошейники с манипуляторами-руками) я полностью отказался от животных и выбрал несколько стандартных оболочек, которыми и пользуюсь сейчас, чтобы удивлять посетителей моего кластера и немногочисленных друзей, которые приезжают в гости.

Среди моих тел есть интересные экземпляры. Например, гигантский тираннозавр, которому я нарастил руки, похожие на человеческие. Очень развитые и мускулистые, с противопоставленным большим пальцем, они весьма искусны в работе. В облике этого шестиметрового чудовища я, например, пристрастился к вязанию и вышивке. Длинными летними днями очень приятно сидеть на солнышке и... Вы вообще знаете как выглядит тираннозавр?

Катрина порылась в памяти.

— Кажется... да, — сказала она, плотнее зарываясь в его теплый мех от режущего лицо морского ветра, — это огромный плотоядный и зубастый ящер. Но как он работает с нитками при таком росте?

— Да очень просто, — громко прокричал Эливинер. — Рост у него большой, но ручки маленькие и толковые. Впрочем, тираннозавр — это больше для забавы и отдыха. Для работы я оставил именно то, что вы, моя дорогая, видите перед собой. Точнее обнимаете.

— Шимпанзе?!

— Да, примата. Но, опять-таки, внешность — это только верхушка айсберга. На самом деле моя оболочка не совсем обезьяна.

— Я это понимаю! — Катрина ласково улыбнулась, показав жемчуг зубов. — Обезьяны обычно не говорят!

— О, речь идет не только о переделке мозга, гортани и языка. Перед вами чудо инженерной мысли и самых современных систем безопасности. Мое тело — бронированный киборг. Внешне я ничем не отличаюсь от обезьяны, даже секрет, выделяемый потовыми железами, полностью совпадает с аналогами оригинального животного, но вот внутри... Мой шимпанзе — просто чудо. Его кости, череп, емкость грудной клетки выполнены целиком из ишеда, а подвижная диафрагма живота, закрывающая то место, где теоретически находятся мои кишки, — из своего рода ишедовой кольчуги. Более того, мускулы этого тела сделаны из

специальных волокон, они очень подвижны, напоминают мускульную ткань, но реально, изготовлены из металла. На их создание и отработку механики я потратил почти двести лет!

Шимпанзе показал на длинных руках вздувшиеся шарики бицепсов, затем — демонстративно подергал диафрагмой, втянув и выпятив отвислый живот.

— Видите?! Это тело мягкое, розовое и подвижное. Оно теплое и покрыто редкими волосами. Но на самом деле даже выстрел из космического орудия в упор, выстрел, способный насквозь пронзить планету, не причинит мне вреда. Вероятно, биологическая составляющая этого тела, а именно шерсть, эпидермис и жировые прослойки сгорят или испарятся, но мускулы из божественного металла и аппаратура, закрытая черепом и сплошным скелетным панцирем грудной клетки, останутся не тронутыми.

На уровне солнечного сплетения, под ишедовой броней установлена немного измененная мной машина нуль-синтеза и источник нулевой энергии, уникальная копия больших генераторов с космических кораблей. Это значит, что моя сила, как говорят поэты — неисчерпаема. А моя оболочка — неистребима. В этом теле я — почти настоящий Бог, несмотря на внешность.

— Интересно! — прокричала тогда Катрина, действительно из чистого, абстрактного интереса, а вовсе не из тех соображений, что могут лезть в голову агнаткам-общительницам, оказавшимся в объятиях могущественного демиурга. — А заниматься любовью в этом теле вы способны?!

Эливинер не смутился.

— Разумеется! — закричал он. — Половая функция у меня вполне стандартная. Более того, генетический материал, содержащийся в сперме — человеческий, а это значит, что я даже могу иметь обычных детей. Тактильный контакт и удовольствие, получаемое от ласк для меня также открыты. По телу, в слое кожи выше металлических волокон, имитирующих обезьянью мускулатуру, проходят обычные нервные окончания. Я осязаю, обоняю и вижу как обычный человек. Точнее — как обычная обезьяна. Удовольствие, боль, чувства, эмоции — все это мне доступно. Между прочим, обезьяны видят несколько по-иному, чем люди.

— Другая цветовая гамма?!

— Не только! Я бы сказал — более объемное изображение. Более насыщенные оттенки цвета, дополненные обонянием. Хотя тот шимпанзе, который стал прототипом для моей оболочки, страдал близорукостью, в модифицированном теле киборга, как вы понимаете, этого недостатка нет.

— Конечно! — Катрина кивнула.

— Но это еще не все! Телесные модификации ерунда, на самом деле. Главное скрывается у меня внутри. Вы знаете, Кэти, стандартный шунт размером с таблетку, что прикреплен к вашему черепу, может содержать уйму информации, что-то около триллиона терабайт. Во всяком случае, все библиотеки Древней Земли он вместил бы с легкостью. Но все же память нейроразъема ограничена. А это значит, что основные объемы информации о нашем Мироздании хранятся не в нейрошунтах, а специальных хранилищах Информационной Сети, на специальных носителях, спрятанных на закрытых кластерах Корпорации.

С некоторых пор я стал замечать, что сведения, являвшиеся моим личным достоянием, внезапно оказываются в СИНК. Очень короткое и легкое расследование быстро привело меня к искомому и довольно очевидному результату.

В Кадровом Департаменте Корпорации, который заведует как хеб-седом, так и аппаратурой Упокоения, мне совершенно открыто объявили, что информация из шунтов и мозга хебседированных и упокоенных демиургов является достоянием Корпорации в той же степени, что и их собственной. Улавливаете суть шуток? Это был нонсенс.

Возможно, в отношении молодых демиургов, которые всю свою бесконечную жизнь занимаются коллекционированием секс-агнаток и учетом поз, в которых они занимались любовью, подобный подход приемлем, но мне с моими научными увлечениями, постоянной жаждой познания и таинственными, уникальными открытиями, которые время от времени

удается совершить, такие перспективы не улыбались.

И вот тогда... И вот тогда я решился на создание Трампи!

— Трампи?! — переспросила Катрина.

— Трампи — это тот шимпанзе, на основе которого я изготовил свое новое кибернетическое тело. Это одновременно и кличка убитого мной любимого животного и название робота-тела, в котором я обитаю. Трампи!

— А, поняла! Но зачем?.. Впрочем, кажется догадалась: вы решили создать внутри этого тела альтернативное хранилище информации!

— Верно! Объем грудной полости волосатого шимпанзе вполне хватило, чтобы разместить там кристаллы с терабайтами личной памяти, записи научных экспериментов и мои краткие монографии по истории Нуль-Корпорации, написанные за последние несколько тысяч лет после последнего Упокоения. Все это сжато так плотно, как и базы данных внутри нейрошунта. Но если у обычного человека на голове — объем всего лишь таблетки, то у меня — объем для размещения информации составляет почти четверть кубического метра!

Да, в обезьяньем черепе из ишеда содержится обычный человеческий мозг. В этом смысле я — биологическое существо. Мозг, правда, немного урезан в объеме за счет замены биологической памяти на кристаллоблоки, но — ничего, основные части, отвечающие за характер, эмоции, синапсы, чувства и прочее, — вполне биологичны. Но на самом деле мое тело — не просто сверхкиборг, это прежде всего — неуязвимое и недоступное никому уникальное хранилище информации. Вот так вот, сударыня, а вы говорите — шимпанзе!

Он рассмеялся, а затем, на продуваемом всеми ветрами мостике повисла тишина, если, конечно, можно считать таковой рваные порывы обжигающе-холодного ветра, разбивающего брызги соленой воды о форштевень и палубу. Катрина пребывала в полной задумчивости, пораженная тем, до каких только вершин сумасбродства не может прийти человек после почти миллиарда лет жизни. Даже урезанного миллиарда, с промежутками для...

— Упокоение и хеб-сед! — прокричала она, наконец. — Насколько я поняла по вашему рассказу, это разные вещи?

Демиург рассмеялся.

— Разные — мягко сказано. Хеб-сед — это обычная реинкарнация, а Упокоение это... это Упокоение. Если позволите, поясню... Хеб-сед происходит каждые 360 лет в жизни всякого демиурга. Это связано с нелепой традицией, которую придумал наш легендарный отец-основатель, Бог Смерти, Учредитель Нуля. А Упокоение... Человеческая психика вещь очень хрупкая, на нее влияют стрессы и прочая дрянь. Думаю, не нужно объяснять, что память, накопленная за тысячи лет, начинает сильно давить на голову. И жизнь она... она, знаете ли, начинает по-настоящему докучать...

Глаза шимпанзе сузились, превратившись в светлые щелочки на фоне темного, почти чернокожего лица. Несмотря на ветер и непогоду, его память начала долгий путь по своему прошлому.

— Упокоение — это сон, — пояснил полубог. — После сотни реинкарнаций хеб-сед перестает помогать. Очищение памяти — тоже. И тогда самые старые из демиургов ложатся спать. Время жизни Искусственного Мироздания измеряется уже миллиардом лет. А я, например, рожден еще до него. Допускаете ли вы хоть на миг, что средний человек способен прожить так долго и не свихнуться при этом окончательно и безвозвратно? Нет! Так вот, когда жизнь начинает давить на тебя, ты идешь на Упокоение. Эту услугу Корпорация оказывает только акционерам, что прожили больше десяти тысяч лет, тогда, когда хеб-седа уже не хватает.

Ты отдаешь распоряжения относительно собственности, — обычно вкладываешь под процент в банк Нуля или в акции Нулевого Синтеза. Идешь в особый секретный ИЦ, каких по всему Мирозданию всего около десятка, что спрятан в тайных закрытых кластерах, недоступных нищим когнатам. И там ты ложишься спать.

Между прочим, с коммерческой точки зрения Упокоение — очень выгодная процедура.

После многотысячелетнего сна денежное состояние, которое ты не растрчивал на пустяки вроде новых планет и длинноногих агнатов, преумножается в сотни раз за счет создания Корпорацией новых миров, а значит — освоения новых рынков. Доход в виде процентов и дивидендов от акций приходит постоянно, а затрат нет. В итоге ты просыпаешься на пару порядков богаче, чем ложился спать.

Во время сна аппаратура Упокоения перебирает твои воспоминания. В этом и состоит весь смысл процедуры — ты не знаешь, что из твоей памяти будет сохранено! Машина не разрушит твою личность, но уничтожит те эмоции и чувства, те важнейшие слова и картины, которые ты сам никогда не стер бы перед хеб-седом.

— А разве подобное не есть конец личности?

— Нет, если учесть, что альтернатива подобной процедуре — самоубийство или сумасшествие от долголетия. К тому же в процессе Упокоения Машина ничего не удаляет. Эмоциональные воспоминания сохраняются в форме сухого концентрата, сжатой информации, поэтому никто не боится, что после пробуждения забудет нечто важное или нужное. Все сохраняется — очень четко, но как бы со стороны.

Кроме того, процедура Упокоения означает и кое-что еще. Срок своего псевдосна каждый, конечно, определяет сам. Срок этот не может быть менее ста тысяч лет, но в остальном — без ограничений. После пробуждения, естественно, ты просыпаешься в совершенно ином мире. Нет-нет, Корпорация Нуля, разумеется, никуда не исчезает, на месте остаются знакомые тебе ИЦы, миры, где ты привык проводить время, но... Все другое.

За сто тысяч лет стандартная планета Торгового Союза Корпорации проходит длинный путь от молодого «ассоциированного члена» до полноправного «союзника». Молодые, пышущие активностью и жизнью миры, где правит бал предприимчивость, преступность, где молодые аборигены, только-только познают Корпорацию и в первый раз продают себя Нуль-Синтезу в качестве агнатов в обмен на бессмертие, за сотню тысячелетий становятся «старыми» мирами. Планетами, где живут когнаты-пенсионеры, где нет ресурсов, где большинство проживающих стали успешными рантье, благодаря талантливым изобретениям или бизнесу. А те, кто не смог этого добиться — давно покинули пределы родного мира, чтобы стать вечными рабами на просторах неизвестных кластеров.

На «старых» планетах нет перенаселения, нет больших городов, нет загрязнения и социальных проблем. Там нет ничего, кроме кучки сытых бургеров и домохозяек по миллиону лет отроду.

Нет дикой природы, нет деревьев, на которых бы не висела табличка «дерево номер такой-то». Понимаете, сударыня? И ты, вспоминая, как славно гулял в этом мире городов-небоскребов сто тысяч лет назад, как славно гонял здесь на космобилях в светящихся огнях просторах над перенаселенными городами, кутил в ночных клубах с друзьями или охотился на дикого тапира с вертолета с винтовкой наперевес в не пройденных человеком девственных южных лесах, осознаешь: все это — упущено!

А друзья? Большинство когнатов, с которыми ты общался, куда-то исчезает. За сто тысяч лет вырастает четыре тысячи поколений и, конечно, те, кто жил здесь раньше, уже не живут. А если тебе и удастся найти старых бессмертных приятелей, то вряд ли они еще те же. Скорее всего — совсем другие с другим кругом интересов, с другими взглядами, с другими друзьями.

Да что там когнаты! Даже творцы-акционеры за сто тысяч лет меняются. Часть из них, самых старых и самых близких, уже уходит на собственное Упокоение, часть переселяется в новые сектора, подмножественности и частные кластеры, чтобы уже там наслаждаться бесконечным вялотекущим праздником разложения, из которого состоит наша жизнь. Именно поэтому Упокоение и ценится более чем хеб-сед. Оно удаляет старые эмоции и старые установки из твоей головы и делает как бы новым человеком, возвращая радость жизни, давая возможность накапливать новые яркие воспоминания. Когда ты просыпаешься после Упокоения, почти ничто не напоминает тебе о старом, ты просыпаешься как бы в другой эпохе, в которой можно рискнуть начать новую, незнакомую жизнь.

Эливинер протяжно вздохнул.

— В общем, учитывая все это, в последний раз я лег спать довольно надолго, — сказал он печально. — Без всяких оговорок то был самый длинный срок из всех моих Упокоений.

— Долго — это сколько? — спросила напрямик Кэти.

— Долго — это сотня.

— Все те же сто тысяч лет? — удивилась девушка. — Но вы же только что сказали, что...

— Сто миллионов лет, мадам, — успокоил ее примат, — сто полных миллионолетий... Но хватит об этом! Вы замерзли, идемте-ка вниз, пора отправляться на Галерею!

Он обнял ее мохнатой рукой, прижал покрасневшее от ветра личико к своему плечу и нежно поцеловал Кэти в лоб.

Кластер Буцефал. Преддверие системы.

В это же время

— Фу, гадость! — скривился Артели, отвернувшись от монитора видеонаблюдения, получавшего сигнал прямо от зрительного нерва Катрины. — Как можно сосаться с обезьяной?!

— Вообще-то он ее поцеловал, — сказала сидящая подле его ног девушка. — Между прочим, в лоб.

Согнув колено, Артели с размаху и со всей силы ударил говорившую пяткой в лицо.

С порванными губами та отлетела в сторону.

— Вообще-то, я не спрашивал тебя, — сквозь зубы спокойно заметил шеф проститутской школы.

Сейчас, после нервного стресса, пережитого им во время беседы с Йенгом и позже, во время увольнения и набора команды для этого пиратского рейда, Артели отдыхал. Обычно он не пользовался услугами собственных секс-агнаток — это было не комильфо для директора шлюхофермы — но ныне... положение изменилось. Он валялся посреди огромной спальной комнаты на широкой кровати из замысловато изогнутых никелированных труб, сжимающих в своих объятьях прозрачный матрас, наполненный нежной голубой водой, подсвеченной изнутри.

Над ним хлопотали трое. Не мудрствуя лукаво, Артели решил совместить приятное с минимально полезным и вызвал к себе на спецобслуживание весь «уцененный» после бегства Катрины и Мерелин 19-й прайд. Точнее — то, что от него осталось.

С ним возлежали Лилит, Роксана и Эффи. Последние две, сложив руки за спину, как будто стянутые невидимыми наручниками, колдовали одними ртами где-то в области его могучего паха, модифицированного генетиками и хирургами до потрясающих воображение величин по длине и ширине. Впрочем, над огромным мясистым органом сейчас колдовала только Эффи, а рыжая Роксана, скуля и умываясь слезами, валялась у стенки, руками поддерживая разбитое ударом лицо. Поделом! Бил он ее не со зла, а скорее для порядка — разумеется, исходя из собственных о нем представлений.

— Иди сюда, — сказал он Роксане негромко, но с ржавым железом в голосе. Та смиренно подползла и, несмотря на разбитый рот, вновь принялась за дело.

Лилит, сидела выше, поглаживая его голову, уютно примостившуюся у нее на голых коленках, и скармливала начальнику школы дольки очищенных мандаринов, теребя его волосы и массируя раковины ушей.

Движения губ агнаток были столь сладки, а влажные пальчики так нежны...

Он уже был близок к завершению, когда внезапно рядом с кроватью снова запищал коммуникатор.

— Да! — со злостью воскликнул Артели, еле сдержавшись от эякуляции, и грубо, за волосы откинул присосавшуюся к нему Эффи. — Ну, кто там?!

— Сикх, мы прибыли в Буцефал. Корабль висит на границе звездной системы.

— «Хохотуна» не видать?

— Яхта «Гоготан» висит рядом, мой господин, чуть ниже на орбите. Но... э-э... местные пограничники требуют вас на связь, иначе дальше не пускают. Изволите говорить?

— А что с Заказчиком?

— Ничего, сикх, почта пуста, гиперлинк молчит.

— Тогда надо протянуть время. Черт, надо время тянуть! Скажите пограничникам, что у капитана, мол, понос. Сейчас продуюсь и выйду, поговорю с ними. Это слишком естественная версия, так что поверят. Давайте!

Он выключил коммуникатор, снова придвинул Эффи к себе — пока сигнала нет, нечего и торопиться.

— Продолжаем, лентяйки, продолжаем! — раздраженно заявил он сидящим внизу агнаткам и вновь откинулся на теплый живот Лилит.

Артели прибыл в кластер ровно час назад и все это время увиливал от разговора с охранниками периметра. В кластер вошел он технично и держался на самой периферии частной вселенной — висел почти в тридцати световых годах от орбиты Табу. Поэтому пограничники Буцефала сначала не слишком переживали. Трансферт случайных кораблей по дальним пространствам кластера был нередким явлением, и некоторое время они просто наблюдали за гостем, а Артели, в свою очередь, во всю изображал дрейфующий в ожидании очередного нуль-портала корабль. И все же не преуспел.

Спустя сорок минут после его появления на дальних границах, до местных вояк наконец дошло, что неизвестное судно не намерено покидать дальних секторов и обретается тут специально. Обложив Артели матами с гиперлинками, они настойчиво потребовали объяснений. Как бы подчиняясь грозным командам военных, Артели подошел к Буцефалу вплотную, завис над Табу и начал прикидываться дураком.

Но смысл был не в том.

Пока с Буцефала наблюдали за пиратским корабликом, с кораблика тоже наблюдали за Буцефалом. Сканеры зондировали пространство, преобразовывали полученные данные в видеоизображение и транслировали его на экран капитану. Артели видел перед собой «Хохотуна», и вид корабля заставлял потеть его ладони.

— Не торопитесь, — твердил ему Эс Си Рукс перед отлетом. — Действуйте осторожно, от этого будет зависеть все. Не нарывайтесь. С пограничников Эливинера вполне станется залепить вам в борт энергетическим зарядом и тогда — адыю. Нам надо выдержать где-то час, не более.

— Но вы уверены в своих кодировках? — испуганно переспросил тогда Артели. — Я слышал то, что говорят об электромагнетиках. Никчемные экстрасенсы, выключатели лампочек, бесполезный талант...

Но «отец телепатов» в ответ только усмехался.

— Успокойтесь, — проговорил он загадочно, — вы должны знать, что сила электромагнетиков заключается вовсе не в силе, простите за каламбур. Их власть неопишима, а мощь беспредельна. Но состоит она вовсе не в фактическом количестве энергии, которую они вызывают усилием мысли, а в точности ее применения! Обычный электромагнетик на самом деле годится только на то, чтобы вырубать свет или обесточивать аккумуляторы. Говорят, что исключительные единицы, самые мощные из электромагнетиков, способны швыряться молниями, однако молния — ничто по сравнению с лучом эстимета, согласитесь... Меня интересуют вовсе не сильные экстрасенсы. Когда-то, на самой заре истории, был один, способный на нечто большее. Он всего лишь управлял ничтожными потоками электронов внутри сетевых машин... Как много фактической мощи требуется, чтобы заставить электрический ток бежать или не бежать внутри компьютерных микросхем? Я, думаю, меньше, чем вам нужно, дабы пошевелить мизинцем. Однако гигантские стальные планетоиды ИЦев и вооруженные до зубов линейные корабли Корпорации управляются интеллектуальными машинами, подчиненными именно таким ничтожным импульсам, силе тока, которую вы даже не почувствуете, если она пройдет через

вас... Успокойтесь, Артели, — Рукс улыбался, — вам нужен всего лишь час!

И Артели полностью подчинился. Он тянул время, избивал агнатов. И ждал. Пограничники между тем послали новый запрос, потом еще и еще. Артели игнорировал или же валял дурака. И все же, спустя еще двадцать минут, когда дело дошло до угрозы немедленного расстрела из линейных орудий, ему пришлось выйти в рубку и ответить на сигнал с Буцефала. Почти изуверенных побоями наложниц — побоями исключительно для поддержания собственного духа — он оставил в комнате и сейчас стоял перед экраном, поигрывая окровавленным стеклом, тонким стальным прутком.

Прищурившись, бывший шеф проститутской школы наклонился к экрану наблюдения за периметром — «Гоготан», помеченный алым треугольником, мигал на нем отчетливо и ярко.

— Цель визита в кластер Буцефал? — поигрывая желваками, спросил тот же офицер-пограничник, что всего тремя днями ранее, еле борясь со скукой, мучил расспросами Катрину Бету. Однако вид у бывшего вояки был категорически иной, чем при разговоре с Катриной, — чрезмерно более живой и необычайно активный. Не отвечающие на запрос неизвестные корабли, шляющиеся более часа по периферии охраняемой им вселенной-сокровищницы, являлись главным пунктом его контракта. Собственно, для расправы над ними он и сидел на Табу. Взгляд бывшего солдата оставался холоден, а сердце кипело. И с этим кипением шевелились подключенные к его нейрошунту титанические орудия древнего космического суперлинкора.

— Погодите, — сказал Артели, подавляя собственный инстинкт безопасности, — сейчас я отвечу.

Он посмотрел на экран гиперлинк, но тот был пуст. Вот дьявол!

— Вы умом двинулись?! — вспыхнул пограничник. — Ваш корабль уже достал меня своим дуралейством. Думаете, мы не знаем, для чего шляются к нам в кластер неизвестные боевые суда? Хотите в борт плюху из главного калибра — так я вам это живо устрою!

— Я думаю, сикх, я думаю. Ведите себя спокойней, офицер.

— Чего-о?! — глаза офицера полезли на лоб от невероятной наглости визитера, — Да я вас сейчас... — он взмахнул рукой. — Не хотите отвечать на запрос — сворачивайтесь и валите к дьяволу в другой кластер. Вы слышали? Я немедленно открою огонь!

— У нас неполадки в двигательном отсеке, — доверительно проговорил Артели.

— Да что вы?! Вы капитан корабля?

— Конечно.

— У вас же был понос?!

— Ну, — директор шлюхофермы задумчиво покачал головой, — вы ведь знаете поговорку, господин офицер — дерьмо случается, и неприятности иногда накладываются друг на друга. А сколько времени мы можем оставаться здесь на... Скажем так, на ремонт?

Пограничник дурашливо осклабился. Он прекрасно знал все эти «ремонт». Наивные придурки, желающие поглазеть на самый старый из частных кластеров Искусственного Мироздания, появлялись тут с завидной регулярностью. Конечно же, «на ремонт».

— Еще один час, не более, — выщедил он сквозь зубы. — Если через шестьдесят минут вы не свалите, я вышлю вам на борт собственную ремонтную группу. И упаси вас Ан-Нубис, если они не обнаружат поломки!

— Спасибо, — облегченно вздохнул Артели. — Шестидесяти минут нам хватит вполне.

Не дожидаясь дальнейших слов пограничника, шеф школы выключил экран и вытер холодный пот.

Квитирование 8
Дело сделано!

Великая Галерея Сандара. Пятьдесят девять минут спустя

Оставив «Советский Союз» и пройдя через нуль-порталы на одном из островов Плейстоцена, древний мохнатый демиург и его двухмесячная длинноногая подружка стояли сейчас прямо в центре огромного зала, стены которого исчезали в светящейся неоновой бездне почти невидимого потолка.

Вокруг них колоннами, укутанными витыми лесенками эскалаторов и стрелами лифтов, стояла, высилась, возвышалась и нависала великая и невиданная Галерея Сандара. Величайшая из сокровищниц Искусственного Мироздания воистину была... Величайшей. Занимая все пространство непомерного огромного космического кольца, опоясывающего по миллиономильной орбите две звезды и две планеты, она состояла из единого коридора, с ответвлениями боковых залов и лестничных маршей, что вели в верхние и нижние уровни. Высота каждого из таких уровней составляла несколько километров, а ширина, безусловно, была сопоставима с высотой планетарной атмосферы. Единственный центральный коридор проходил через все кольцо. Учитывая, что длина кольца-музея тянулась по орбите вокруг двух звезд, а ширина была в два раза больше диаметра планеты Бавей, боковые ответвления от указанного центрального коридора являлись воистину космическими, и для того чтобы пройти их пешком, даже не по кольцу, а поперек него, требовались не месяцы — годы. Искажая реальность, сгибая пространство в единую плавную линию, метровые плиты из вулканического базальта под ногами девушки и демиурга неумолимо скользили в бесконечную, не видимую глазами не осязаемую разумом даль.

Но странную пару — мохнатого кривого уродца и стройную диву с шоколадными волосами — пленяли отнюдь не сокровища Галереи. Завороженный красотой и смелостью своей спутницы, Эливинер не сводил с нее глаз. Более тысячи лет назад отказавшийся от сексуальных связей с женщинами, мужчинами, роботами и животными, киборг-бог-обезьяна, давно полагал, что стоит выше низменных инстинктов смертных. Его синапсы, его рефлексy, и даже химия тела, оставались строго подчинены его могучему разуму. Однако психология человека, даже заключенная в силиконовый мозг полукибернетического организма, оставалась живой и ей было плевать на химию!

Телесный контакт, теплые, почти нежные объятья, совсем лишенные сексуального смысла, но все же являвшиеся в той или иной степени актом близости двух разумных существ, в которых они сомкнулись на борту доисторического линкора во время морской прогулки, затмевал его разум. Этот странный эффект начался еще вчера, когда он провел с ослепительной агнаткой почти целый день, посвященный пустым разговорам. Даже намек не было в этом общении на сексуальность, но все-таки нечто шевелилось в его мозгу, тасуя жизненные установки бессмертного демиурга. Тут многое наложилось: уже тысячи лет он не покупал себе новых рабов и не видел женщин, ведь тестостерон в его крови регулировался особым фильтром, и господь Сэт даже не думал о сексе. Друзья его и подруги давно канули в лету, и круг общения демиурга стал слишком замкнут, а Катрина прорвала этот круг, летящей походкой пройдя сквозь все защитные кольца его закрытого кластера.

Много женщин этот бессмертный Бог видел за миллиард своих долгих лет. Он видел и знал таких, по сравнению с которыми роскошная, но давно неухоженная и слегка взлохмаченная Катрина Бета в своих порезах, синяках и ссадинах показалась бы опытному ценителю помойной нищенкой по сравнению с принцессой, но все же... В ней имелось то, чего он не видел в женщинах все эти миллионы столетий — отчаянной смелости, любознательности, открытости, независимости, силы и способности защищаться. Как сильно отличались от нее те женщины, к которым он привык за время проживания в Искусственном Мироздании — великолепные, но податливые наложницы, выпускницы агнатских школ. А в мире Древней Земли он любил и ценил таких, как Катрина, — воинственных и отчаянных. Возможно, это прозвучало бы глупо из уст кибернетической обезьяны, но он брал ее сейчас не деньгами и даже не собственной купленной в палатах реинкарнации телесной мужской

красотой, но чем-то гораздо большим. Чем-то, что можно было назвать человечностью.

— Вот мы и на месте, — сказал он тихо, по-прежнему не сводя с нее глаз.

— Удивительно, — сказала Катрина Бета.

Галерея Македонянина казалась настолько огромной, что дальние стеллажи терялись в воздухе, голубом от космических расстояний. Они исчезали в туманной дымке, словно падали в бездну.

Именно — в бездну, без края и без дна, ведь «Гавгамел» являлся кольцом, повторявшим по форме космическую орбиту планеты. При желании внутри Галереи одно за другим как жемчужины на нитке для бус могли поместиться миллионы Бавеев, Чаканов или же Древних Земель.

Но еще более удивительным казалось то, что при этих размерах громадная сокровищница земных древностей оказалась полна до краев. Катрину просто завораживало осознание монументальности этого величайшего из хранилищ искусств и знаний, и восхищение переполняло все ее существо до последней клеточки. Как же велика была Древняя Земля, если созданных ей творений хватило, чтобы заполнить эту немыслимо огромную Галерею!

Как прежде, с самого первого часа их сегодняшнего путешествия, Катрина оставалась облачена в знакомую одежду: джинсовые брюки, футболку и куртку. На кожаном поясе висели шокер и нож, а бластер с запасными батареями спал на ее тонком предплечье и кисти, слегка топорщась под рукавом угловатым холмиком.

Эливинер, очевидно, не возражал против подобной милитаризации. Что для бессмертного полубога всего лишь оружие людей? Сам он, как и положено обезьяне, тащился за Кэти почти совсем без одежды — как видно, механическая обезьяна разгуливала так и на морских просторах ледяного Бавея, и закрытых, согреваемых титаническими кондиционерами залах космической Галереи, температурный режим, а также ветер или его отсутствие киборга мало интересовали. Мохнатое тело по-прежнему закрывал только длинный фартук, скрывающий закрытое волосами срамное место и массивные наручные браслеты, со множеством кнопок и клавиш для управления техникой. Огнедышащий эстимет, прикрепленный к руке хорошенькой девушки, и мирные пульта, прикрепленные к обезьяньей лапе, — составляли необычный контраст.

— Берите все, что здесь есть, — внезапно сказал Эливинер, обведя руками свою сокровищницу. — Смотрите, читайте, трогайте. Все это ваше теперь!

И он помолчал, видимо, не решаясь сказать нечто большее.

— Пожалуй, я приму решение, не дожидаясь объяснений демиурга Саймона Рукса и ответа из правительственных реестров ДНК, — продолжил затем создатель, — Несмотря на все странности с вашим происхождением, вы нравитесь мне, сударыня. Не как секс-агнатка, нет! В этом смысле я давно уже... — он замялся, взглянул на нее на удивление виновато, потом открыто и искренне рассмеялся. — Хотя как агнатка — тоже. Если честно, ваша ослепительная красота просто сводит меня с ума! В общем, если решите остаться у меня, оставайтесь. Вопрос с вашей школой наложниц мы как-нибудь уладим. Денег мне действительно хватит. Влияния и власти — тем более, да и авторитета в Совете акционеров, если на то пошло!

— На самом деле мои агнаты, живущие в Буцефале уже много тысячелетий, когда-то остались тут добровольно. Поверите, но я никого не понуждаю насилием, — Сэт снова рассмеялся, — ибо такому древнему старперу, как я, это совсем без надобности. Кто хочет, остается здесь добровольно, живет в моих дворцах и лабораториях, исполняя нехитрые обязанности по службе, совсем не накладные, учитывая наличие во всех резиденциях современных бытовых роботов. Кто не хочет — может улетать в родной кластер, чтобы когда-нибудь скончаться от старости и вновь стать рабом у другого рабовладельца. При этом моей Галереей, которой так страстно желают завладеть пресыщенные могуществом демиурги, совершенно бесплатно пользуются бесправные агнаты, мои «свободные рабы». Десятки тысяч ученых, проживающих у меня в университетах Граника, имеют свободный

доступ сюда, через нуль-порталы, сквозь которые мы только что прошли. И если желаешь — скажи. Ты сможешь стать одним из этих счастливиц. Точнее — одной из них. Из ученых, а не наложниц...

И Сэт вздохнул.

— А если захочешь разделить со мной ложе, — прозвучали тихо слова, — то разделишь, но я принуждать не буду. Вот только тело сменю... Что скажешь, Катрина Бета?

Он вновь замолчал, а Кэти не двигалась. Глаза ее внезапно наполнились влагой. Признаться, она совсем не ожидала такого финала, хотя внутренне, в сердце своем была, наверное, готова к нему. В этом мире циников и садистов даже просто встретить подобного человека являлось немыслимой удачей. И, тем более, в ее положении.

Что мог сказать Флавий Аэций Катилина, останки которого еще прятались внутри ее головы?

Что другого выхода у него просто нет? Что везде за воротами Шестимирья его ждут мучительные пытки и безвозвратная смерть? Что за возможность прикоснуться к тайнам неведомой цивилизации Нулевого Синтеза он готов продать душу? И даже если кто-нибудь сейчас, прямо здесь, в этом месте, предложит ему стать демиургом Нуля с безумным богатством бессмертного рантье в обмен на обещание отказаться от доступа в Галерею Сандара, он станет долго думать, размышляя, стоит ли менять кладезь бесценных знаний на всего лишь вечную жизнь?!

Что он мог сказать?

Что в душе Катрина не является женщиной и, вероятнее всего, при первой возможности, будет вынуждена сменить свое совершенное тело длинноногой агнатки, созданное для мечты и воздыхания романтических юношей, обратно на крепкую оболочку лихого сабельного рубаки? Коренастую, жилистую и с пропеченным на солнце лицом?

Что он мог сказать? Ничего...

Но что могла сказать сама Кэти?

Повинуясь неведомому порыву, она подошла к скрюченной мохнатой обезьяне и обняла ее со всей силой благодарности, со всем преклонением перед многомиллионлетним старцем, владельцем душ и триллионов кредо, который, несмотря на все это, оказался способным на простое человеческое милосердие и любовь. Обняла крепко и дружески, так, как кавалерист Катилина, должно быть, обнимал товарищей на поле брани, перед лихой атакой или по возвращению из похода. И — как могла бы, наверное, сама Кэти, будь она «обычной» девушкой, обнимать своих нежных любовников.

— Спасибо, — прошептала агнатка, уткнувшись в щекочущий щеку мех. — Спасибо вам, Сэм.

А в голове ее бурлил хаос. Там летали от стенки к стенке, танцуя в кружащемся хороводе, какие-то мысли, слова, обрывки фраз...

«Галерея Сандара! — вот первое слово. — Доступ разрешен!»

«Трампи! — А это второе. — Контакт зафиксирован!»

Какая-то сила влилась в ее руки. Сердце бешено застучало.

Перед глазами быстро-быстро запрыгали шипящие, сумрачные картинки.

...Вот Кэти идет, как робот, машинально переставляя ноги, выходит из дверей адаптационной камеры: Седанский ИЦ. Высшая школа. Всего лишь месяц назад.

...Вот она на татами, поджав под себя колени, стоит в позе смирения и по команде Артели перекачивается в *Dum-Rat*, вопреки своей воле, синхронно взмахнув ногами.

...А вот она бежит со всех ног вместе с Мерелин по пылающим коридорам школы, бездумно, бессмысленно, безрассудно, срубая бластером пылающие фигурки ни в чем не повинных когнатов.

Программа работала! Невидимо для других...

Сэм Эливинер Тивари, древний бог Сэт из древнего Мироздания, потянулся на цыпочках и ткнулся лицом ей плечо.

— Как чудно, Катрина, — прошептал киборг, — вдыхать твой запах, тонуть в твоих

волосах.

И всем своим обезьяним телом он прижался к ее высокой груди. Но — нежно, как прикасаются к божеству. Шкура рыжей обезьяны казалась мягкой и шелковистой, словно шерстка ласкового котенка.

— Цвет шоколада, цвет сладости! — снова шепнул Эливинер, и улыбка старейшего из демиургов при этих словах казалась улыбкой ребенка, обнимающего единственную, неповторимую, любящую богиню-мать. — Ты прекрасна, Катрина Бета...

— Цвет дерьма, господин, — почему-то ответила Катрина ровным, необычайно холодным голосом.

Одним движением, молниеносным и до отвращения отработанным она сорвала с пояса шокер и внезапно воткнула его прямо в пах обнимающего ее шимпанзе.

Рот Кэти двигался сам по себе, как будто губами и языком двигал кто-то иной, и слова вылетали сами. Руки действовали как в игровом шутере: игрок за кадром отдал ей команду, а тело выполнило приказ четко и слаженно, без остановок. Это был Катилина!

Первым движением — согнутым коленом — Флавий Аэций оттолкнул от себя сраженную электрической мукой мерзкую тушу обезьяны. Нервы киборга с броней из божественного металла оставались обычными — для любви, и ишед, не разрушаемый даже в цветке водородного взрыва, не спас своего владельца всего лишь от болевого шока!

Вторым движением катафрактарий шагнул вперед, вонзил острый наконечник анода точно в глаз поверженному противнику и снова нажал на спуск. Мучительная молния еще раз прошла «Трампи», но уже не в пах, а внутрь черепа — через глаз. Глазной белок лопнул и тут же пропекся, как неудавшаяся яичница. «Говорят, — мелькнула чья-то чудовищная мысль, — глаза обезьян едят!»

Самое страшное, Катрина совершенно не понимала, что делает. Руки, ноги, корпус, язык, даже глаза ее двигались сами по себе, совершенно независимо от сознания, что в паническом ужасе билось в самом дальнем углу черепной коробки. Оттуда, из глубины собственной головы, с отвисшей от удивления гипотетической челюстью, экс-наложница взирала сейчас на кровавую феерию, происходящую где-то снаружи — за пределами собственного тела, очерченного границами собственной покрывшейся мурашками кожи.

А вокруг разворачивался настоящий фильм ужасов, и Катрине Бете — тому маленькому комочку самосознания, что пряталось у нее внутри тела, не хватало лишь кресла, чтобы окончательно осознать себя пассивным зрителем этой короткой драмы. Драмы под заголовком «Предательство»!

«Да уж, — мелькнула отвлеченная мысль, — теперь старейший из демиургов, не станет выкупать нас из рабства...»

Нас?!

В багровом свете, из застилающего глаза огнедышащего тумана легат Катилина снова явился в мир.

«Меньше слов, — закричал он ей, — двинулись!»

Третьим движением, резким, как выпад удава, кавалерист раскрытой ладонью вбил в стену клавишу блокировки, защелкнув замки на дверях.

Четвертым движением, отточенным, как поворот шестеренки, откинул в сторону шокер.

С пятым — он прыгнул к Трампи, распростертому на каменных плитах.

А шестым движением, скупым как дрожание воздуха на жаре, коснулся висящего в воздухе сияя, вызывая к жизни ту силу, ради которой было создано прекрасное тело Кэти.

Привычно, в красном облаке как бы из капелек развеянной в воздухе крови, перед девушкой раскинулся интерфейс, мигнула на уровне пупка виртуальная клавиатура, и отпечатки ладоней-щупалец для управления модулями Сети. Она вложила в них руки.

Теперь мириады байт информации кружились за стенами комнаты, видимые для ее зрения тшеди, кружились, наполняя своим сиянием могучие башни стеллажей и палетт. Теперь она ясно видела, что стеллажи и палетты, состоят из кассетных комплексов по тысяче

дисков в каждом, бесконечными рядами уходящих вдаль, скрываясь за изгибом титанического кольца Гавгамел в миллионах миль от него и... прямо вдоль единственного коридора. Стенки эти были прозрачными для ее всевидящего зрения, и сквозь бетон, стекло и стальные манжеты Кэти четко чувствовала, как сверхдлинные, изогнутые дугой кассетные линии уходят в немыслимую даль и где-то за пределами человеческого зрения, на другом конце кластера соединяются, замыкая круг, со стеллажами, что стоят за ее спиной. Круг замыкался. Вихри электронов, благодаря которым, она увидела все это, вдруг замелькали вокруг нее, заполнили воздух и все окружающее пространство.

По-прежнему не контролируя тело, агнатка внезапно осознала сам смысл своих действий. Неожиданно быстро ее виртуальные щупальца-руки, одетые в невидимые перчатки для работы с сетевым интерфейсом шныряли вдоль полок. От ближайших палетт — и вдаль, в бесконечность, как губка слизывая хоровод огоньков-сигналов. Эти мигающие огни, как видно, хранители архивированной информации, срывались с места словно юркие светлячки и с бешеной скоростью, немыслимым галопом мчались вдоль линии ее удлинившихся виртуальных щупалец. Они неслись к ее голове, скрываясь внутри нейроразъема, а затем — через короткий контур, замкнутый на ее шунт, скользили в компьютер «Хохотуна», безобидно припаркованного возле «охранной» планеты Табу почти в восьмистах миллионах километров отсюда.

Она скачивала Галерею Сандара!

Одновременно и синхронно отдельная пара щупалец оглаживала голову поверженного Эливинера. Одна из линий нащупала «вход» — таблетку нейрошунта, волшебный амулет хеб-седа, от которого не мог отказаться даже обожествленный акционер Корпорации. Тело из неразрушимого металла вздрогнуло под шерстью влюбчивой обезьяны. Линия щупальца утончилась и вошла внутрь, через шунт, всасывая в себя сокрытую часть информации, которую Сэм Эливинер Тивари не доверил своей Галерее. Рукс оказался прав: шунт делал демиурга бессмертным, но только не в присутствии электромагнетика, способного считать его память вместе с прочей кодированной информацией. А именно — вместе с его душой.

Вот и все — финал приближался. Цветастые огоньки вместе с жизнью бурным и пенистым водопадом стремительно истекали из тела господ Сэта в шунт длинноногой убийцы, затем на «Хохотун» и оттуда — в не известные Кэти дали. Последнее обстоятельство девушку необычайно смутило. Она доподлинно знала, что шокером убить человека возможно только при очень большом старании и даже в случае смерти матрица мертвеца должна отправиться в Сеть, чтоб стать материалом очередного воскрешения.

Но здесь происходило нечто совершенно иное. Под ее собственными виртуальными руками-манипуляторами, подстегнутыми чьей-то злой волей, сознание и разум ее единственного благодетеля неумолимо истекали в ничто. В ничто — вместе с жизнью и информацией, сокрытой в его «бронированной» ишемод голове. Эливинер медленно умирал, превращаясь из живого, мыслящего существа в бездумную, лишенную памяти оболочку. Нет, это она убивала его! Не бластером и не шокером, а медленно, капля за каплей выпивая душу и память, не давая им просочиться наружу, к крошечному блоку гиперлинки, вмонтированного в нейрошунт, для передачи в далекую аппаратуру реинкарнации. Лучший из известных ей людей, умирал прямо у нее на руках и... от ее собственных рук!

В безумном ужасе Катрина Бета неистово застонала.

Скорость прохождения данных при этом казалась просто невозможной!

Своим сумрачным зрением тшеди, внезапно объявшим весь кластер, одним взглядом, целиком, как объемную, но подробнейшую голограмму, девушка видела, что, повинаясь внезапному сигналу тревоги, патрульные корабли Буцефала, спрятавшиеся на космодромах каждой из планет и колец, надрывая двигатели и изрыгая проклятия глотками экипажей, «прыгают» к Галерее Сандара через нуль-порталы, нацеливая лазерные турели на точку входа в кольцо. Беглая наложница могла наблюдать, как стремительно и безжалостно разворачивают свои чудовищные межгалактические орудия линкоры Древней Земли — цилиндры Табу и Эксцесса.

И понимала, что все это — тщетно. Никто не станет расстреливать место, где лежит тело хозяина кластера, из космических орудий. Никто не посмеет нанести вред самому ценному из его сокровищ — хранилищу информации, за которое власть предрежающие особы Мироздания Корпорации согласились бы отдать половину всех своих никчемных вселенных. А если посмеет, то не сможет, ведь ишед неразрушим!

Гораздо более космических кораблей и жерл космических пушек ее волновало другое: по широким коридорам, отгороженным от Катрины тонким листом стальных врат, запертых на обычный магнитный замок, неслись обычные люди. Охрана создателя кластера, та самая, которой он так брезговал во время ее визита. Их руки сильны, икры — выносливы, а под темными рукавами курток висят наручные бластеры с тупоносими жерлами излучателей, в которых спит смерть.

Но сердце Кэти работало на удивление спокойно. От первых бешеных мгновений, когда оно сорвалось на задыхающийся бег, от ее удивления и растерянности, не осталось и следа. Как видно, чужая, направляющая ее воля теперь контролировала не только действия, но и синапсы физической оболочки. Или это она сама? Грудь вздымалась размеренно и плавно, как на тренировке.

Вздох-вздох. Выдох!

Вздох-вздох. Выдох!

Незримый кукловод как будто бы говорил ей — спокойно, время у тебя еще есть!..

Наконец Галерея скачалась вся, и передача данных сама собой пресеклась. Голова киборга-шимпанзе отныне была пуста. Кольцевые палетты Галереи Сандара — тем более.

С беззвучным для других визжанием и свистом виртуальные щупальца-руки втянулись в ее интерфейс, как лента рулетки. На краткое мгновение повисла мертвая тишина. Бесконечные ряды галерейных башен более не сияли байтами — они были ободраны и пусты. Зато, как только с них переключилось внимание оператора, тысячами огоньков засверкало другое: замигали, заискрили, запульсировали наполнявшие кольцо компьютерные приборы.

Кэти ахнула — она видела все: от ближайшего выключателя света до гигантских электродвигателей, удерживающих планету-кольцо на орбите. Вот только клавиша выключателя висела от нее в полуметре, а нуль-генераторы — на противоположном конце звездной системы, отделенные от беглянки миллионами километров вакуума, горнилом двух солнц и парой вращающихся планет.

И все же агнатка видела их и коснулась. И крепко схватила. И дернула на себя. Тело по-прежнему двигалось как машинка с закрученной внутри распрямляющейся пружины, на «автомате», механически и бездумно...

«Первая фаза завершена, — сказала ей пустота. — Галерея Сандара скачана полностью. Уничтожить кластер!!»

И она стала УНИЧТОЖАТЬ.

Кластер Буцефал. Ближняя орбита Табу. Три минуты до гибели звездной системы

В то же мгновение на одном из кораблей, висащем на самой дальней границе кластера, ожил аппарат связи.

— Сикх Артели?

— Да, хапи Рукс.

— Код для связи с объектом передан вам на почту. Воспользуйтесь им.

— О, господин, все будет сделано в наилучшем виде, не извольте сомневаться.

— Хватит болтать, Артели! До вероятностного контакта осталось не более трех минут.

Всех людей — на мостик, боевая готовность! А сами берите с почты код и вперед! Вы, вообще, следите за объектом?

— Конечно!

— Ну смотрите, Артели, упустите этот шанс, я вас по миру пушу!

Чертыхнувшись, абонент отключился.

Смахнув со лба пот, Артели быстро считал с почты таинственные коды. Кодов было три.

Первый — стандартная программа нейроконтроля, так называемый пси-доминатор, которым оборудовались мозги всех постельных агнаток. Помимо знаний о позах и телодвижениях, старательно вбиваемых Артели на занятиях по этике секса, в голову каждой наложнице записывали кодированный протокол, обеспечивающий полное подчинение рабыни ее господину на уровне подсознания и рефлексов. После «прошивки» рабыней можно было управлять, диктуя команды голосом лично, через шунт или телефон. Сбежав из школы, Катрина сумела избежать этой процедуры, и Артели, можно сказать, просто наверстывал упущенное.

Вторая программа была еще проще — собственно она была первой, обеспечивавшей работу всех остальных. Когда-то подобной программой пользовалась сама Катрина Бета, чтобы подключаться к Сети из помещений ИЦа № 166, из закрытого кластера для выращивания агнаток. Это была программа пиратской связи, быстрая, но невидимая для отслеживающих устройств, по крайней мере в течение нескольких часов. Этого, как полагал демиург Рукс, должно хватить Артели для выполнения задуманного.

И, наконец, третья программа являлась самой сложной. Эс Си Рукс называл ее «протоколом инициации», аналогом химической пластинки, но только в электронной форме — точно такой когда-то он инициировал Кэти впервые, дав ей возможность путешествовать во время снов по Сети.

Выделив дрожащей ладонью в своем интерфейсе все три программы, Артели дождался, пока последние байты информации перекачаются в шунт беглой агнатки, и наконец активировал пси-доминатор, уже настроенный в процессе перекачки непосредственно на объект. Изображение с глазного нерва Катрины старательно транслировалось ее шунтом прямо ему на экран.

Наблюдая за действиями беглянки, Артели подносил к пухлым губам микрофон, и ожидаемые фразы пронзали воздух и космическое пространство.

— Галерея Сандара! Доступ разрешен!

— Трампи! Тактильный контакт зафиксирован!

Криво усмехнувшись, шеф проститутской школы вжал пальцем тумблер, активируя убийственную программу своей лучшей воспитанницы...

— Цвет дерьма, господин, — прошептал он в трубку, не отрывая глаза от происходящего на экране... — Глаза обезьян едят.

И наконец:

— Галерея скачана полностью! Уничтожить кластер!!

Спустя мгновения Табу... исчез.

Кластер Буцефал. Галерея Сандара. Три секунды до гибели звездной системы

Электромагнетики повелевали машинами.

Двигатели взревели, и невообразимо огромная планета-кольцо чуть качнулась. Километровые палетты внутри кольца рухнули вниз, будто лишенные фундамента небоскребы — в столбах из пыли, с дождем из обломков и со страшным скрежетом, царапающим ужасом саму душу. Если бы кольцо не было создано из ишеда, оно бы просто лопнуло.

Космические тела Буцефала сейчас казались Катрине легкими, словно надувные игрушки. Она коснулась стальной громады шестой планеты Табу, и могучий мозг чудовищного линкора активировал нуль-пространственный переход. В мгновение ока стальная планета прыгнула прямо в центр одной из пылающих звезд — внутрь ядра

сияющего во тьме Альмагеста. Броня из ишеда выдержала давление и температуру внутри кипящего термоядерного котла: спеклись только люди и корабли, находящиеся на открытых площадках космического цилиндра, но вот сама звезда не выдержала снаряда из божественного металла внутри своего чрева.

Огненный шар пошел темными прорехами, трещинами и выбросил в пустое пространство мириады фантастических протуберанцев. Секунда, другая и, слившись в сплошной пузырь, они пожрали смертельно близкий к звезде Бавей. От страшной вспышки Белая планета растаяла, льды ее обратились в кипящий пар.

«Отлично! — мелькнуло в черепе. — Очередь за Экссессом».

Железный спутник — точная копия только что сгнувшейся внутри термоядерного горнила «сторожевой планеты», повторил маневр своего собрата, прыгнув точно в центр второго светила кластера. Рамка нуль-портала мигнула, открыв проход внутрь Фароса, и раскаленное вещество из портала, опалило изумрудные секции кольца Граник. Продираясь сквозь поток плазмы, под страшным давлением из центра ядра вырывающийся из раскрытого нуль-портала, Экссесс протаранил вторую звезду изнутри как бронебойный снаряд.

Космос заполнила тишина...

В этой вязком и невыносимом молчании времени и пространства Кэти видела сквозь прозрачную для нее броню Галереи, как от удара военного спутника звезда вздрогнула и исторгла из своих недр гигантский огненный мячик. Облако раскаленного газа вырвалось из солнечных пор, и танцующий рядом на дрожащей гравитационной узде черный Чакан превратился в пепел и радиацию.

Тем временем три огромных кольца-музея — Гидасп, Граник и Гавгамел — стали медленно поворачиваться, влекомые в стороны своими чудовищными движками. Граник дотронулся до Фароса, тем самым порвав себя пополам. Тонкий обод как будто лопнул от взрыва, разорванный взбесившейся гравитацией, и прекрасные заповедники его секций обратились в пустыню за один человеческий вздох. Гидасп — самый дальний — одним краем сблизился с Гавгамелом, столкнулся и вздрогнул, треснув сразу в десятке мест. И лишь Гавгамел, кольцо Галереи с броней из божественного металла, висел пока в этом хаосе неуязвимой стеной.

Наконец открытые Табу и Экссессом порталы схлопнулись. Обе раненые звезды, вспыхнув гигантскими пузырями космических взрывов, стали пожирать окружающее пространство своими алыми, раздувшимися от боли телами...

Рукс и Артели смотрели на эту картину через экраны видеофонов.

Катрина — сверхчувствами тшеди сквозь алую пелену.

А на периферии кластера, вынырнув из пустоты, появились первые корабли ССБ...

Кластер Буцефал. Ближняя орбита Табу. Секунда до гибели звездной системы

Табу исчез, а висающие на его орбите корабли судорожно закружились в хаотическом хороводе. От выброса гравитации и страшного вакуумного удара большинство обычных синтетических кораблей, стоящих на приколе, в мгновение ока разорвало на составляющие. Человеческие трупы и ошметки техники разлетелись по всему обширному эллипсообразному пространству, который еще недавно занимала огромная бронированная планета.

Но ишедные броненосцы уцелели. Их также болтало, швыряя бортами на останки других космических тел, однако бронированные божественным металлом корпуса выдерживали любые удары. Внутренняя гравитация спасала людей, что находились внутри от мгновенной смерти и даже качки, однако везде на бортах и палубах царили ужас и паника.

Артели ослабилась — к черту! Ему был нужен единственный кораблик. Один из всех и ничего более. Темной тушкой яхта «Гоготан» болталась где-то с краю хаотического облака, как припаркованная одной из последних, а значит — дальше от центра гравитационных

возмущений.

Старший помощник, видя явный интерес Артели к известной бронированной яхте, предложил протиснуться к желанному судну, маневрируя между обломками и наплевав, разумеется, на опасность. Но Артели лишь покачал головой — зачем? Лишний риск всегда казался ему излишним.

— Экстренный запрос! — заорал он в гипер. — Объект «Хохотун» 018–256 КА-01! Вызывает «Око»! Готовы к прыжку? Повторяю: вы готовы к прыжку?

Если бы Катрина слышала ответ, она бы очень удивилась. Голос ее «дворецкого» — корабельного мозга — звучал, как всегда, необычайно чопорно:

— Не извольте сомневаться, господин Артели. К вашим услугам, сикх, мы открыты всегда.

— Так прорывайся оттуда на хрен! — заорал шлюхофермер ещё громче. — Ко мне на стыковку, живо!

«Хохотун» ожил, зашуршал двигателями и внезапно остановил свое хаотическое вращение в туче обломков. Выглядело это настолько резко, насколько резко может выглядеть остановка на месте вошедшего в штопор истребителя.

Бронированная яхта пулей прошла разделяющее пространство, тараном раскидав в стороны попавшиеся на пути корабли. Корпус из ишеда не получил и царапины, а все попавшиеся на пути яхты суда разорвало ударами в клочья.

Артели захохотал.

Его люди уже бежали надевать скафандры для выхода в космос, ибо следовало торопиться, чтобы успеть перебраться всем скопом на борт «броненосного» корабля, пока никто из местных не смекнул, что к чему, — но бывшего директора школы шлюх раздирал просто гомерический хохот.

— Йенг — идиот. А Катрина — кукла!

Не переставая ржать, Артели облачился в космический доспех, нахлобучил прозрачный шлем и поспешил к люку перехода, только что установленному наемной командой на борт космической яхты.

Походя, он глянул в иллюминатор — да, местным, похоже, было уже не до них.

Взорвавшиеся звезды в тумане визжащих протонов медленно расцветали двумя гигантскими пузырями. Пузыри раздувались со скоростью, близкой к околосветовой, и все же огромный размер кластера Буцефал превращал титанические взрывы лишь в медленно расцветающие бутоны фантастического цветка. Медленно-медленно цветки эти пожрали сначала останки центральных планеты системы — Чакана и Бавея, а затем разорванные куски кольца Граник, с мечущимися в пространстве замерзшими трупами мамонтов и динозавров.

Но даже это было не все. С другой стороны от границы кластера к раздувающимся с каждой секундой пузырям двух взорвавшихся звезд спешили пылающие останки порванного в клочья третьего кольца. А меж ними в потоке неистовой радиации и гравитационных возмущений кружился вокруг своей оси, длиной в десяток астрономических единиц, неохватный Гавгамел, бесценная Галерея Сандара, опустошенная рабыней для постельных утех.

И где-то там, разорванная в клочья или разрываемая силой множества притяжений, умирала та, что все это сотворила, главное орудие его торжества — Катрина Бета! Проклятая беглая девка. Шлюха, возомнившая себя свободной. Воплощение зла и порока, явившееся, чтобы покарать Шестимирье. О да! Вавилонская дева явилась, и для сокровищницы господина Сэта воистину наступал судный день, день гибели трех прекрасных колец-музеев, день страшного Армагеддона.

Оттолкнувшись от порога космического шлюза, Артели порхнул в переход. Гравитация здесь отсутствовала, поскольку шлюз был «экстренным», и тело, заточенное в скафандр, свободно парило между белыми натяжными стенами в алюминиевом каркасе.

Справа от него темнела чернота космоса без звезд — граница разрушенного кластера

Буцефал, а слева продолжали шириться, поглощая миры, две взорванные звезды.

«Дело сделано, мой господин, — прошептал про себя Артели. — ДЕЛО СДЕЛАНО!!!»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Добро пожаловать в будущее

Квитирование 9

Воспоминания в шуме бриза

30-й день месяца тот 13720 года 1111 эпохи Нулевого Синтеза.
Искусственное Мироздание. Море. Восемь часов утра

Глаза открылись. Некоторое время после взлета ресниц, впустившего свет в бездонные голубые глаза, Кэти неподвижно сидела, отрешенно наслаждаясь покоем. Вокруг было тихо и покойно, где-то почти неслышно весело щебетали птицы, а ветер с набережной шевелил ее роскошные волосы. Все тело, казалось, наполняла сонная нега, мягкая, тягучая и немыслимо сладкая.

Девушка втянула полной грудью воздух, и наркотическая эйфория заполнила все ее существо. В воздухе кружились ароматы моря, помноженного на солнечное утро и шепот бриза, бегущего по волнам.

Таких запахов, пенистых запахов побережья, настоящих, а не искусственно ароматизированных воздушных смесей планетоидов Корпорации и фантастических планет-колец, она не вдыхала уже очень давно. А, честно говоря, учитывая ее ничтожный возраст новорожденного клона, никогда ранее.

Обрывки воспоминаний о море и свежем бризе роились лишь в ее памяти, изуродованной клонической машиной, но само это тело, тело секс-агнатки, совсем недавно созданной из биоорганической плазмы, наверняка не...

И вдруг она вспомнила.

Грязно выругавшись, Кэти крепко зажмурилась и закрыла лицо руками. Затем убрала ладони, подняла веки и снова осмотрела окружающий ее пейзаж, но уже по-другому — из-под тонких, но сумрачных бровей. Сейчас голубые глаза сверкали леденящим холодом. От мягкости и неги в них не осталось и следа.

Море действительно шумело прямо перед ней всего в десяти — пятнадцати метрах. Над узким песчаным пляжем, облизываемым волнами, тянулась набережная, вся в полированном граните. А по ней вдаль уходила бесконечная череда деревянных скамеечек с интервалами метров двадцать между ними.

Катрина в одиночестве сидела на одной из них. Через две скамьи направо разместилась неизвестная парочка, активно предававшаяся друг другу через поцелуи, нисколько не стесняясь при этом ни пролетающих над головой чаек, ни самой Катрины. Примерно через три скамьи влево расслаблялся молодняк. Молодняк был числом примерно в пять душ мужеского пола и имел вид нездоровый, мятый, видимо, после бурно проведенной веселой, насыщенной и уж, во всяком случае, полной приключений ночи. Сидели подростки тихо, тупо взирая в морскую даль с сигаретами в руках.

Девушка обернулась. За спиной заканчивался гранитный парапет и шла асфальтированная дорожка. Широкая, но явно для пешеходов, поскольку за ней располагался парк, а большая трасса с автомобилями чуть слышно шумела далеко за ним. По асфальтированной дорожке прогуливались еще люди, но расстояние было слишком велико, чтобы подробно их рассмотреть...

Размеры набережной впечатляли. Прикинув, Катрина определила, что протяженность пляжа, дорожки с парком и гранитного парапета составляла, по меньшей мере, километров

пять.

Но тут она подняла глаза выше, пытаясь увидеть спрятавшуюся за парком настоящую автомобильную трассу и... у нее захватило дух.

В родном для нее мире, в мире, где родился бравый кавалерист Катилина, остатки памяти которого до сих пор роились в ее голове, в мире Доростола и Каталаунского поля, тоже имелись каменные дороги. Они проходили по поверхности, иногда углубляясь в подземные туннели, а иногда — поднимаясь вверх на каменные мосты. Но здесь... сразу за парком дорога взмывала вверх, по крутой параболе и там, уже в воздухе изгибалась змеей, переплетаясь в жгучей мешанине с другими нитями-трассами, закрывающими своей немыслимой паутиной полнеба. В промежутках между нитями трасс, пронзая самые облака, вздымались к солнцу немыслимо тонкие башни домов.

Немыслимо тонкие? Нет — невообразимо высокие! Напрягая зрение, Кэти попыталась уловить высоту ближайшего небоскреба в этажах или в метрах. Сто, двести, пятьсот. Башня вонзалась в высь, как минимум, на полтора километра!

Итак, она была не у моря. Она находилась — в городе. В фантастическом городе будущего. самого поганого будущего из всех, которые могла себе вообразить.

Повернувшись обратно, Кэти снова уперлась взглядом в бесконечную морскую гладь. Странно, но на море не наблюдалось кораблей. А впрочем, к чему тут «водные» корабли? Здесь, в мире искусственных кластеров, яхты и пароходы должны быть воздушными, космическими. Катрина подняла глаза еще выше и, правда, над облаками увидела очертания десятков крупных судов, и сотни, нет, тысячи маленьких точек — прогулочных монер или лектик, снующих туда и сюда между большими гражданскими лайнерами и военными крейсерами.

А запахи? Удивительно, но близость огромного города — а в одних только видимых ей отсюда башнях должно проживать не менее миллиона ублюдков биологического вида гомо сапиенс, засоряющих экосферу отходами своей жизнедеятельности — нисколько не влияла на состояние воздуха. «Ароматы естественные и чистые — подумала она — как на природе, где-нибудь на удаленном побережье в морском заповеднике».

Впрочем, верно ли это? В мире, где производство является безотходным вот уже более миллиарда лет, где нет двигателей внутреннего сгорания и атомных станций, где мусор и любые отбросы, остающиеся после человека, можно расщепить на молекулы, атомы и протоны, разве может в таком мире существовать загрязнение?

Кэти задумчиво покачала головой и осмотрела себя. Она была в легком ситцевом хитоне, закрывающем ее ноги вплоть до гладких коленок и эффектно обтекающем ее грудь. Руки оставались открытыми, плечи прикрывали только тонкие застёжки хитона цвета нежной весенней листвы. На ногах — сандалии с высокой оплеткой, но скромные, незамысловатого белого цвета. С удивлением для себя, Кэт заметила, что рядом с ней на скамейке одиноко валяется маленькая женская сумочка, так же как платье и туфли — белого цвета с зеленью.

Агнатка подняла ее и осмотрела, не спеша открывать. Что ни говори, то была первая женская сумка в ее жизни, это раз. И ждать от нее следовало всего что угодно, это два. Наконец Кэт решила что человек, доставивший ее сюда в бессознательном состоянии (если это человек), вряд ли станет утруждаться, монтируя в ее сумке бомбу, поскольку мог просто прирезать свою ношу во время транспортировки.

Замочек щелкнул «губками», и сумочка открылась. Внутри находилось всего несколько предметов. Прежде всего — металлическая «разумная» карточка. Катрина вытащила ее и удовлетворенно хмыкнула — карта была «золотой когнатской». Активировав карту нажатием на квадратик с отпечатком пальца, Катрина с интересом посмотрела на быструю смену цифр на табло. Ого, сумма на карте зашкаливала за пятьдесят тысяч душ! Катрина, конечно, не ориентировалась в расценках искусственных миров Корпорации, но по рассказам мертвой подруги Мерелин (упокой господи ее душу!) хороший обед в ресторане на союзных планетах Нулевого Синтеза стоил примерно пятьдесят душ. В публичной

столовой — пять душ. Шикарная квартира на месяц — 500 или 800 душ. Убогая комнатка на тот же срок — 50 или 100 душ, то есть как хороший обед. Значит, пятьдесят тысяч душ — это... это сумма, на которую можно прожить без особой нужды лет шесть-семь, если тратиться только на еду и жилье. И примерно год — если шиковать.

Карточка вернулась обратно в сумку.

Далее на свет появились губная помада, зеркальце, тушь для ресниц, влажные салфетки в красивой упаковке в цветочек, многофункциональный перочинный нож, мобильный радиотелефон-гарнитура, солнцезащитные очки, шариковая ручка, платок и... почтовый конверт.

Сначала Катрину конечно же заинтересовали очки и устройство связи, однако, когда появился конверт, ее внимание сосредоточилось на нем. Кэти осторожно прощупала находку подушечками пальцев, пытаясь понять, что внутри, и не поняла. Ничего плотного, объемного или твердого там не находилось. Судя по внешнему виду, а также на ощупь, конверт представлял собой обычную бумагу. Поверхность незамысловатой почтовой упаковки казалась совершенно чистой, без надписей и пояснений. Имелась только печать с надписью «Почта Нулевого Синтеза».

Красавица решительно сорвала сургуч и вытащила один лист, аккуратно сложенный вчетверо. Этот лист походил на клеенчатый материал синтетического происхождения. На ощупь он напоминал простую плотную бумажную страницу, но в то же время был глянцевый, гладкий и явно с электронной прошивкой. На первый взгляд листок показался абсолютно белым, и только спустя мгновение, Кэти заметила в углу едва желтоватый квадратик для отпечатка пальца, — как на только что убранный ей в сумку металлической карте. Осмотревшись по сторонам, немного смущенная находкой, беглянка прижала большой палец правой руки к желтеющему квадрату.

Тут же поверхность псевдобумаги внезапно превратилась в подобие плазменного экрана, с рамкой, словно очерченной на волокнистой поверхности тонким графитовым карандашом.

Приветственная надпись «Почта Нуля» сменилась зеленым фоном, изображающим полностью закрывающие экран земляничные листья с сочными ягодами, а на ней надпись:

«Пожалуйста, сикха, наденьте гарнитуру».

Послушно порывшись в сумочке и не отрывая своего взгляда от листка, Катрина достала гарнитуру и нацепила её на ухо. Зазвучала речь.

«Доброе утро, Катрина. Вернее, добрый день, — произнес знакомый до боли голос. — Если вы слушаете это сообщение, значит, ваша высадка прошла удачно и вы — уже в «центре мира». Как всегда после внепространственного перехода, человеческая память дает сбой. Тем более ваша память агната, чей мозг при реинкарнации был прошит ложными, искусственными воспоминаниями.

Не пугайтесь, через час или два это пройдет, и вы все вспомните. По крайней мере то, о чем мы с вами разговаривали на днях...

При прослушивании сообщения будьте внимательны. Аудиозапись, которую вы слышите, а также видеоматериалы, которые увидите в течение следующих двух минут, содержатся в памяти почтового листка, а не в вашем радиотелефоне. Как только сообщение закончится, почтовый листок самоуничтожится вместе со всей содержащейся в нем информацией, а радиотелефон станет обычным средством связи.

Прежде всего несколько слов о вас, чтобы освежить память. Ваше имя — Катрина Бета 19-725. Вы промышленный клон, искусственно выращенный шесть месяцев назад в высшей школе Шайрона Артели для эксплуатации в качестве сексуальной наложницы-агната...»

Челюсть Катрины со стуком сжалась. Зубы, казалось, скрипнули друг о друга.

Она слушала текст и смотрела на смятый лист из псевдобумаги. На листе мелькали фотографии и схемы, прокручивались ролики. Память как губка впитывала увиденное.

Кэти постепенно вспоминала...

**Искусственное Мироздание.
Двадцать девять дней до описываемых событий.
Кластер Седан. Особый Центр ССБ**

Наручники. Стул из стали. Перед глазами экран. Кэти сидела посреди темного каменного куба. Отделка была исполнена в классическом варианте комнаты для допросов — холодный воздух, тонированное стекло, серый бетон, пустота. Руки скованы за спиной. Катрина молчала. Два динамика по бокам экрана — аналогично.

Итак...

Длинные ноги плавно соскользнули со стула, тело мягко опустилось на пол. Ладони, стянутые наручниками, уверенно уперлись в леденящий кожу керамогранит. Медленно и совершенно беззвучно Катрина протиснула свой гуттаперчевый торс между стянутыми железом руками. Позвоночник согнулся почти под прямым углом и тугие ягодицы легко проскользнули назад, порхнув над суставами. Для обычного человека — вещь практически невозможная, но для секс-агнатки, созданной генетиками Нуля для исполнения немыслимых поз и групповых комбинаций — элементарна, как сброс кожи для игуаны.

Катрина встала. Удивительно, но в первый раз проснувшись в заточении, она оказалась одетой. Без обуви — но уже в почти забытых бумажных джерси и короткой юбке. «Ага, — мелькнула мысль, — опять Школа Артели? Да черта с два», — после всего, что было, только полный псих рискнет сделать из нее наложницу и только полный кретин — решиться использовать для постельных дрессировок.

Внезапно экран перед глазами проснулся. Вспышка света озарила комнату. Динамики ожили вместе с экраном, так же резко, как минутой назад открылись ее глаза.

— ДОБРОЕ УТРО, КАТРИНА БЕТА, — произнес искаженный голос. Зычный, громкий, низкий, он резал барабанные перепонки.

Катрина огляделась по сторонам. Впрочем, о чем тут думать — вопрошавший явно прятался за экраном.

— А оно доброе? — зло усмехнулась девушка.

— СЯДЬТЕ НА СТУЛ, — приказали динамики.

Секс-агнатка сделала шаг назад и, встав на цыпочки опустила свою шикарную «область приключений» на сиденье.

— С кем я...

— МОЛЧИТЕ.

Огонек сканера, спрятавшийся под потолком, прошелся по ее телу двумя волнами лазерного света.

— КАТРИНА БЕТА, — повторил неизвестный, и звук его голоса прокатился гулким эхом по маленькой комнате, и стальной стул даже завибрировал. — ВЫ НАХОДИТЕСЬ В ДОПРОСНОМ ЦЕНТРЕ ССБ. СКАНЕР, РАСПОЛОЖЕННЫЙ ПОД ПОТОЛКОМ КОМНАТЫ, УЛАВЛИВАЕТ МАЛЕЙШИЕ КОЛЕБАНИЯ ПСИ-ВОЛН, ПОЭТОМУ Я УБЕДИТЕЛЬНО ПРОШУ ВАС, НЕ ВЗДУМАЙТЕ ИСПОЛЬЗОВАТЬ СВОИ СПОСОБНОСТИ ЭКСТРАСЕНСА-ТШЕДИ.

Голос звучал очень громко, грубо, почти пугающе. При довольно приличной длине произнесенного текста все это давало жестокую нагрузку на уши. Слушать было почти больно и мучительно. Однако Катрина поморщилась, но смолчала. Голос тем временем продолжал:

— ПЛАЗМЕННАЯ ТУРЕЛЬ, РАСПОЛОЖЕННАЯ В ПРОТИВОПОЛОЖНОМ СКАНЕРУ УГЛУ КОМНАТЫ, ИСПЕПЕЛИТ ВАС БЫСТРЕЕ, ЧЕМ ВЫ УСПЕЕТЕ МИГНУТЬ. ГЛАВНОЕ ДЛЯ ВАС — НЕ ДВИГАТЬСЯ, НЕ ПЫТАТЬСЯ БЕЖАТЬ, НЕ ОКАЗЫВАТЬ СОПРОТИВЛЕНИЕ, БЫСТРО И ЧЕСТНО ОТВЕЧАТЬ НА ПОСТАВЛЕННЫЕ ВОПРОСЫ. ЭТО ПОНЯТНО?

Катрина помрачнела.

— Вполне, — ответила она четко и холодно.

Девушка скосила глаза в сторону, противоположную сканеру, и отчетливо рассмотрела в тени под потолком тупоносое жерло плазменной турели. Турель бодро пялилась прямо ей в лоб.

В воздухе почти на минуту повисла пауза, затем прозвучал мелодичный музыкальный сигнал и одна из стен комнаты, совсем не та, где располагался экран, стала совершенно прозрачной. Отделенный незримой границей призрачной стены перед Катриной за простым металлическим столом с высокими, тонкими ножками сидел маленький кривоногий человечек со сморщенным лицом. Человечек помахал ей ручкой.

— Луч турели синхронизируется процессором, — пояснил ее собеседник уже нормальным голосом, безусловно, похожим на прежний разрывавший уши замогильный рев, но теперь — высоким и даже писклявым. — А это значит, что луч очень точен. Например, он способен молниеносно испепелить вам кисть руки, если вы рискнете захватить заложника и приставите к виску бедняги активированную «правительственную модель».

Голос «кривоножки» теперь звучал вполне обычно, но все же в нем присутствовала некая странность. Спустя мгновение Катрина поняла, в чем дело: речь «мартышки», как она сразу окрестила про себя низкорослого собеседника, как будто раздавалась не из-за прозрачной и явно толстой стены (толщина эта была видна по срезу бетона, разделявшему комнаты), а так, как если бы между секс-агнаткой и человечком находился лишь слой воздуха. При этом было очевидно, что звук исходит не из динамиков, поскольку те располагались с другой стороны комнаты, рядом с ложным экраном, а непосредственно — от говорившего.

Катрина сидела грудью и коленками к экрану и пялилась на собеседника, повернув голову под углом девяносто градусов к собственному телу. Уразумев в этой позиции глупое несоответствие, девушка развернулась вбок и стала смотреть на собеседника в упор. Прямо, жестко и нагло, почти не мигающим взглядом, продолжая про себя удивляться особенностям распространения звука в комнате. Коротышка тем временем пояснил:

— Я следователь ССБ по делам особой категории, сикха. Мое имя Сальвадору Йенг. Будем знакомы.

— Будем, — ласково ответила Катрина, не отрывая от собеседника ледяного взгляда. — Очень приятно, сикх. А я «Кэти-привет-с-того-света». Впрочем, вы наверняка знаете мое имя.

Старший нукер Йенг хмыкнул.

— Знаю, — легко согласился он, пропустив примитивную остроту мимо ушей. — Без сарказма, мне тоже — «очень приятно». С некоторых пор, а именно с первой секунды вашего пребывания здесь, в допросном центре, вы стали моим кумиром, моей музой и главным объектом работы всей моей следственной группы. Безусловно, в каком-то смысле для меня честь беседовать с вами.

— Да что вы?! — теперь уже усмехнулась Катрина Бета. — Неужели честь? Может, тогда снимите с меня наручники?

— Ах это... — Йенг чуть всплеснул сухими ручонками. — Оковы, разумеется, снимут, не беспокойтесь. Но не раньше, чем мы с вами придем к консенсусу относительно пары важных вопросов. К слову сказать, беседа через прозрачную стенку допросной камеры с нормальным человеческим голосом и с моим открытым лицом, а не через темный бронированный экран, — это уже невиданное смягчение установленного порядка. Продиктованное, я замечу, исключительно моим к вам глубоким уважением!

Йенг прыгнул со стула и медленно его обошел.

— Первое правило допроса, — заявил следователь, — состоит в атаке на психику подозреваемого. Но я пошел на нарушение всех инструкций, чтобы хоть сколько-нибудь смягчить ваше пребывание здесь, найти общий...

— А в чем меня подозревают? — резко спросила Катрина, и голос ее прозвучал как

выстрел на фоне писклявого лепета ее кривоногого собеседника.

Йенг выдержал паузу.

— А вы не догадываетесь? — поинтересовался он. — Мне, право, смешно слышать подобный вопрос после всего, что произошло.

— А мне, представьте, нет.

Коротышка дернул бровями, изображая картинное недоумение.

— Тогда позволю себе напомнить, — он начал перечислять. — Четыре месяца назад вы были синтезированы в высшей школе Шайрона Артели вместе с группой промышленных клонов. Как вам известно, школа Артели занимается изготовлением и дрессировкой секс-агнаток для доходных и публичных домов. Артели выращивает идеальные женские тела и вкладывает им в голову ложную память, созданную в компьютерной программе. В вашем случае произошел некий сбой, и у вас в голове оказалась пси-матрица, не вполне подходящая для нежных постельных девушек...

— Рабынь-проституток, вы хотели сказать? Бесплатных бессмертных наложниц?

— Это ваша личная оценка, сикха.

— Это ваша ублюдочная система! Никто не спрашивал меня или моих друзей по прайду перед тем, как превратить в ожившую резиновую куклу для школы профессиональных шлюх. Мы не вещи! Не товары и не продукция. Мы — живые люди! Не важно — выращены ли мы в клонической колбе или родились от матери и отца. Не важно, ложная ли у нас память. Поверьте, я была там, внутри дрессировочных классов. И я знаю, что вместе со мной мучились и терпели унижения живые разумные человеческие существа, а вовсе не искусственно созданные «изделия Корпорации»!

— Бросьте! — решительно отмахнулся Йенг. — Что значит «не важно, выращены или родились от матери»? Что значит «не искусственно созданные»? Весь ваш прайд произведен фабрикой в соответствии с правительственным заказом. У каждого из агнатов есть стоимость, рассчитанная в соответствии с калькуляцией, и индивидуальный артикул, присвоенный в соответствии с системой стандартизации. После этого вы будете утверждать, что агнаты — это не товар? И что значит «бесплатных наложниц»? Статус секс-агнатки вам присвоен не просто так. В своем выдуманном «программном» мире, вы умерли, сикха. А здесь вас воскресили. Воскрешение стоит денег, оно отнюдь не бесплатно. Вы получили от Корпорации новую жизнь и юное, прекрасное тело. Все это оплачено Корпорацией Нуля. За что она и получает право на эксплуатацию вашего тела и вашей души на срок до полной отработки стоимости воскрешения. Разве этого мало? Система вполне справедлива. Новую жизнь нужно просто отработать.

— Отработать наложницей? — Кэти прищурилась. — Да идите вы к черту с вашим ублюдочным воскрешением за деньги! Меня же никто не спрашивал!

— А вы бы отказались? Нет, серьезно, если бы там, в вашем «программном» мире, разработанном и придуманном нашими программистами, вас спросили перед смертью — воскрешать вас на этих условиях или нет — вы бы отказались?

Девушка засопела. На этот вопрос ей нечего было сказать — ответа она не знала. Смерть — это смерть, а жизнь... это жизнь, даже в теле клонированной рабыни.

Йенг с удовлетворением кивнул. Решив, что тема исчерпана, он продолжил свои обвинения, гремя победными интонациями.

— Последствия загрузки в вашу голову ошибочной матрицы оказались ужасны, — сообщил он. — Три месяца назад вы совершили побег из, как вы изысканно выразились, «школы для шлюх», голыми руками убив при этом четырех человек охраны и пятерых ни в чем не повинных служащих когнатов. Речь идет об умышленном убийстве первой категории тяжести, сикха. Это более чем серьезно.

— Речь идет об убийстве пятерых садистов, которые мучили нас каждый день! — снова вспыхнула Катрина, — Вы даже не представляете как...

— Молчите! — Йенг резко вскинул ладонь. — Предупреждаю вас, ни слова более. Меня очень слабо волнует мнение беглой рабыни по поводу социальной системы Нуль-

Корпорации... Итак, сбежав из школы, вы убиваете девять человек. Затем угоняете ишедовую яхту «Гоготан», припаркованную на площадке космодрома 166-го ИЦа. Далее, спустя всего три дня после побега, убийств и угона, вы прибываете в частный кластер Корпорации Буцефал-Шестимирье, принадлежащий одному из древнейших жителей Искусственного Мироздания, акционеру «Нулевого Синтеза» Сэму Эливинеру Тивари, или господу Сэту. Затем — кластер разрушен до основания в результате инициированного вами взрыва, а все его жители уничтожены до последнего человека. Вы считаете, этого мало для обвинений? Вы беглянка, Катрина, беглянка и массовый убийца! Миллионы человек и свыше десяти тысяч представителей чужих рас, проживавших в Буцефале, ныне мертвы! Бегство из школы для шлюх — всего лишь начало вашего послужного списка, — он возмущенно покачал головой. — К вашему сведению, ССБ вообще не занимается ловлей беглых секс-агнаток и уж, тем более, их допросами в собственном следственном центре. Проблемы, как вы выразились, «школ для шлюх» меня не интересуют. Но от составляющих Буцефал шести цветущих миров остались только обломки, вам это о чем-нибудь говорит? Лишь обломки, сикха. Разрушен целый мир, целая вселенная! Шесть огромных терраподобных планет и два солнца сокрушены в труху вместе миллионами жителей, менее чем за час!

— Значит, меня обвиняют в массовом убийстве? — кулаки Кэти сжались, она тяжело задышала.

Мелко и почему-то невообразимо ехидно Йенг рассмеялся.

— О, если бы только в этом, — воскликнул он. — Миллионы замороженных тел, обломки планет и звезд — это не все. В центре облака, образовавшегося на месте некогда процветавшей системы кружится нечто более важное для нашей вселенной. Мертвое тело старейшего из ее акционеров — тело великого Сэта. Труп бессмертного существа, родившегося раньше самого Искусственного Мироздания. Тело мертвого божества!

Следователь втянул носом воздух.

— Я сам не понимаю, как подобное стало возможным! Все убитые вами люди соединены с системой хеб-седа, — продолжил он уже спокойно, — то есть системой тотальной реинкарнации, действующей в Искусственном Мироздании. Жители кластеров подключены к Сети через мозговой шунт, а Сеть — к палатам бессмертия, раскиданным по кластерам. Когда человек умирает, шунт передает его матрицу в ближайшую палату бессмертия, там происходит воскрешение в новом клонированном теле. Если человек застрахован, то воскрешение оплачивается за счет страховки, а если не застрахован — то за счет воскрешаемого. Все просто. В конечном итоге существование хеб-седа означает одно: все убитые вами воскреснут... Кроме одного!

Древнейший из живущих, непревзойденный ученый, миллиардолетний Сэт, один из тех, кто стоял у истоков создания нашего бескрайнего Искусственного Мироздания, известный в реестрах Корпорации, как акционер Эливинер... он останется мертв. Его матрица не найдена в Сети, — закончил следователь. — Вы это осознали? Один из Творцов нашей вселенной умер. Умер последней смертью, навсегда. И именно вы причастны к смерти Бессмертного!

Девушка опустила голову. Не известно от чего, но Катрину, которую не тошнило даже при виде выпущенных наружу полных экскрементов кишок, внезапно замутило, она прикрыла глаза.

Бог Сэт... Услышав его короткое имя, она вдруг вспомнила все. О ужас! Мысли забегали в голове, неожиданно выскальзывая на глаза слезами. Горло сжали спазмы. Похоже, этот грех останется с ней навсегда, внезапно подумалось Катрине. Убить древнейшего из живущих, великого ученого, настоящее божество, одно из немногих существ в этом мире, сохранившее человечность, — осознавать подобное было невыносимо мучительно. И ведь убийца — она!

Уткнувшись в скованные наручниками ладони, Катрина совершенно неожиданно для себя тихонько, почти беззвучно зарыдала. Она плакала навзрыд, сотрясаясь всем телом от

горя и боли утраты. Сэм Эливинер Тивари, он же демиург С. Э. Т., являлся, пожалуй, единственным существом в бесконечном космосе Нулевого Синтеза, которого она могла назвать другом. Понимать подобное было странно и удивительно, но оказалось, что только Господь в окружающем нелепом продажном мире сверхкорпорации смог стать для нее Человеком...

Ирония, вернее злобный оскал судьбы состоял в том, что именно Сэт, бессмертный властитель собственной вселенной, романтик-искатель, безумный художник, добродушный философ стал ее главной, самой знаменитой и самой страшной жертвой. Божество пало от хрупкой девичьей руки? Вывод звучал как фраза из наркотического кошмара — безумно, бредово, но при этом являлся правдой. Ничтожное умение оперировать слабыми электронными импульсами внутри нейрошунта, несмотря на формальную ничтожность и общее презрение к тшеди-электромагнетикам, при надлежащем умении пользоваться, оказалось качеством смертоносным и фантастическим. Зажигать и гасить лампочки? Нет! Она могла гасить жизни технобогов, подключенных к системе хеб-седа. Именно в этом заключалась сила, которую выращивали Рукс и Артели в заштатной школе для шлюх!

Чтобы остановить слезы, Катрина глубоко вздохнула. Теперь она действительно стала «Убийцей Бессмертных», ни больше, ни меньше.

Собравшись, Кэти выпрямила спину и стерла со щек слезы, размазав липкую влагу по прекрасному но немного опухшему от вспышки эмоций лицу.

— Не знаю, сбавит ли это ваш пафос или нет, господин Йенг, — ответила она тихо, — но я убила Сэта не умышленно.

Йенг хмыкнул.

— Анализ НИТ-прокрутки белковых молекул вашего мозга вполне отчетливо воспроизводит все произошедшее на видео, — прокомментировал Йенг. — Если хотите — могу дать ознакомиться.

Не дожидаясь ее ответа, он сделал некий знак, и, повинуясь этому короткому жесту, невидимый Катрине оператор активировал экран. Тот самый, который она сначала приняла за тонированное стекло.

Экран ожил.

Картинки запрыгали на нем. Видеокамера, по всей видимости, располагалась где-то в углу, под самым потолком, и Кэти не видела лиц актеров, играющих в драме. Но лица ей были и не нужны.

Она и так все помнила — там внизу, за закрытыми стальными дверями, стояли двое, он и она. Миллиардолетний Бог Сэт, более известный ей именем акционера Эливинера, и только что рожденная Катрина Бета, агнат, одного месяца отроду — шоколадноволосая красотка с бездонными голубыми глазами. Почти минуту она и Творец Шестимирья просто стояли, беседовали и улыбались друг другу. А затем понеслось — она выхватила оружие и...

— Вот, вот, — комментировал Йенг, — вы сбиваете Эливинера с ног предательским ударом махейра, затем, используя свои способности тшеди, «выпиваете» его душу вместе с секретной информацией, хранившейся в его мозге, затем отправляете добычу на собственный корабль через Сеть, затем берете под контроль машины Шестимирья и приступаете, так сказать, к концу света в масштабах одной звездной системы. Дальше будете смотреть?

Катрина вздохнула. Они беседовали с инспектором недолго, но ярость, охватившая ее всего несколько секунд назад, внезапно спала, сменившись полной апатией.

— Не стоит. Я все помню и так, — едва слышно выдохнула клонированная красавица.

— Ну вот и не отчаивайтесь! — неожиданно улыбнулся Йенг.

Катрина удивленно вскинула глаза.

— Я говорю — не отчаивайтесь, — добродушно повторил следователь. — НИТ-прокрутка передает не только видеокартинку, но и эмоциональную составляющую происходящего. Нам прекрасно известно, что покушение на жизнь Эливинера вы не готовили, а стали всего лишь слепым, бездумным орудием в руках злоумышленников, воспользовавшихся вашим телом, вашим талантом тшеди, а также... элементарным пси-

программированием, которым прошивают разум секс-агнаток в школах для наложниц.

— Так значит... — в голосе девушки шевельнулась надежда.

— Да ни черта еще это не значит! — прервал ее Йенг и принялся загибать пальцы: — Вы по-прежнему остаетесь беглой секс-рабыней — раз. Обвиняетесь в убийстве двух охранников при попытке первого побега — два. Убийстве восьми охранников, двадцати четырех гражданских когнатов и пятнадцати агнатов при удавшемся втором побеге — три. Угоне системного космического корабля «Гоготан» стоимостью более миллиарда кредо — четыре. Убийстве акционера Корпорации Эс Си Рукса — пять. Пособничестве в разрушении, пусть даже бессознательном, шести обитаемых планет кластера Буцефал — шесть. Взрыве двух звезд класс «Джи» солнечного типа — семь. Уничтожении космических линкоров Табу и Экссесс, древнейших в нашей вселенной — восемь. И, наконец, в убийстве акционера Корпорации Эливинера Тивари и еще более двух с половиной миллионов разумных существ, обитающих в его кластере — девять и десять!

Стоит ли говорить, — резюмировал Йенг, — что даже десятой, сотой, да даже тысячной доли из всего перечисленного хватит с лихвой для осуждения вас либо к окончательному стиранию, либо, что гораздо хуже, к вечным мукам в одном из запретных кластеров Корпорации.

— Впечатляющий список, — грустно усмехнулась Катрина.

Йенг издевательски склонил голову.

— Этот список впечатляет не только вас, — заверил он. — Однако, — он снова воздел палец — хочу обратить ваше внимание на следующее. Наиболее ужасающую часть преступлений, сикха, вам инкриминируют «в соучастии». И лично я вижу в деле еще как минимум четырех лиц, кроме вас. Четырех, сударыня! Хотите знать, кого именно?

Неожиданно Кэти снова разозлилась. Ярость «убийцы богов», помноженная на обычное, присущее лорду Катилине боевое бешенство и страстный темперамент секс-агнатки Катрины, ударили ей в голову, как палочки — в барабан.

— А вы бы на моем месте не хотели?! — с гневом прорычала она. — Признаться, вопрос о том, кто стоит за всеми моими злоключениями в вашем трижды проклятом Искусственном Мироздании, вопрос об имени моего Заказчика, мучит мое сердце с момента пробуждения в школе наложниц. Разумеется, я хочу знать, кто меня заказал и кто повинен в смерти Эливинера!

— Я был уверен, что вы ответите именно так.

— О, да что вы?! Так, может, назовете мне имя?!

— Заказчика?

— Да, дьявол вам в душу!

Комиссар мягко рассмеялся.

— Я клон Корпорации, — заметил он, — так же как и вы. Причем тут моя душа? Безусловно, имена возможных злоумышленников я вам назову. Более того, возможно, я смогу предоставить вам личную свободу и спасти от тех ужасающих обвинений, Что на вас висят, но... это зависит, прежде всего, От вас лично. Конкретно — от вашей лояльности к ССБ.

В воздухе на несколько секунд повисло тягостное молчание.

— Что это значит? — спросила наконец Катрина с вызовом, не выдержав долгой паузы. — Я должна что-то для вас сделать?

— Всего лишь помочь мне поймать этих людей.

Катрина стиснула кулаки и резко спрыгнула со своего стула.

— Да я отрою их вам из-под земли! — вскричала она, еле сдерживая клопочущие в глотке эмоции безумного всадника Катилины. — Назовите мне имена, дайте оружие и скажите, где находятся ублюдки! Имена, сикх. Оружие и имена! Все что угодно — за эти две вещи. Вы слышите — все!

Йенг помолчал, любуясь той бешеной энергией и страстью, с которой прекрасная клонированная девица с идеальными пропорциями и ангельским лицом, созданная для

любви и неги, рвется крушить черепа. Он скромно улыбнулся, затем двусмысленно прищурился и молча осмотрел сексапильную блондинку хитрым взглядом с головы до ног. Вверх, вниз и обратно.

— Абсолютно все, сикха? — немного сально поинтересовался Йенг.

«Сикха» смутилась, и вместе с краской на щеках конный сокрушитель гуннов скрылся в глубинах женского мозга. Снова став сама собой, девица возмущенно фыркнула.

— Разумеется, кроме секса, — отрезала она.

— Оригинальная позиция для наложницы, — деланно удивился следователь.

— Какая есть, — ответила Кэти, стараясь не грубить. — Так что с именами соучастников? Оружие мне дадите?

* * *

Йенг нажал на кнопку где-то на пульте за прозрачной стенкой, и электронные наручники на руках Катрины расстегнулись сами собой. Девушка смогла помассировать запястья.

За это время комната немного изменилась. Оказалось, что входом в замкнутый куб целиком служила свободная стена за спиной Катрины, потому и не было видно никаких дверей.

На первой стене висел ложный экран, который на самом деле являлся бронированной, но в то же время эластичной пластиной (именно ее чаще всего атаковали обезумевшие заключенные во время допросов) с вмонтированными в нее точечными видеокамерами.

За второй стеной скрывался истинный ведущий допроса, спокойно наблюдавший со стороны, как несчастные жертвы выплескивают ярость и боль на бесполезное лжестекло.

Третья, как пояснил Йенг, вела в дополнительное помещение, где заключенный, проявивший лояльность к следователям, в промежутках между допросами мог получить возможность сходить в туалет, умыться, поспать в тепле и вообще не видеть вечно вззирающий на него темный стеклянный экран с недоброжелателями.

А вот четвертая стена оказалась входом.

Стеновая панель поднялась, и в комнату вошли два вооруженных охранника, а вместе с ними — третий незнакомый, без оружия, но с подносом. Все трое были почему-то в легких военных скафандрах. На подносе у третьего Кэти увидела десяток добротных бутербродов и воду в тонкой амфоре — узкой, высокой, с удобным горлышком для питья.

Поднос поставили прямо на пол, и служащие удалились.

Стена-дверь бесшумно вернулась на место, вновь превратив комнату для допросов в замкнутый темный куб, но Катрине уже не было дела до стены. Она поставила принесенный поднос на колени и жадно принялась за еду.

Йенг смотрел на это почти священное действие молча, с ярко выраженным познавательным интересом. Столь красивая женщина, столь быстро, столь жадно и столь яростно уничтожающая пищу, встречалась ему впервые за долгую жизнь реинкарнирующегося клона.

Наконец бутерброды были уничтожены, сок выпит, и Кэти села перед прозрачной стеной и скрывающимся за ней Йенгом по-турецки, распрямив и согнув перед глазами инспектора свои длинные обнаженные ноги. Сначала одну — воздев в воздух, потом согнув в колене и сложив, а затем другую.

— Ну что же, — сказал следователь, — давайте перейдем к делу.

Катрина энергично кивнула, соглашаясь. Теперь, когда были сняты наручники, а она — сыта и более или менее разобралась в ситуации, между ними установилось некое подобие «дружеского» паритета.

— Как я уже отмечал, — начал Йенг, — в деле фигурируют, как минимум, четыре злоумышленника, присутствие которых обеспечило атаке на Буцефал убийственную эффективность. Прежде всего, это, собственно, вы сами, Катрина Бета 19-725, клон-

наложница, выращенная два месяца назад из протоплазмы в Высшей клонической школе Шайрона Артели. Это — раз.

Вторым соучастником, — продолжал следователь, — стал известный вам Саймон Рукс, акционер Корпорации, знаменитый на все Искусственное Мироздание специалист по инициации экстрасенсов-тшеди. Так же, как и вы, он не имел мотива для нападения на Буцефал, и, по всей видимости, участвовал в деле исключительно как привлеченный специалист для решения узкой задачи — инициации третьего участника нашего фантастического квартета.

— Не понимаю, — спросила девушка в недоумении, — что значит «инициации третьего»? Он же инициировал меня!

Йенг покачал головой.

— Вы заблуждаетесь, милая Катрина, полагая себя цельной личностью, — ничуть не смущаясь, пояснил он. — Катрина Бета — всего лишь клон с роскошными формами. Красивая, изысканная, необычайно привлекательная секс-агнатка... но не более. Однако то, что скрывается внутри вас, сикха, где-то глубоко под черепной коробкой и в формуле ДНК, есть нечто иное!

«Удивил, — подумала Кэти с ехидной усмешкой. — Да я могу работать пособием по синдрому раздвоения личности». Она вспомнила сидящего в ее черепе катафрактария Аэция Катилину, кавалерийский меч-спату, с рукоятью, украшенной свинцовым орлом, и роскошные луговые травы, вздымавшиеся под крупом огромного жеребца во время конной атаки. Каталаунское поле и море гуннов, мчащихся на остготские легионы...

Йенг уловил ее мысли.

— А еще вы существенно заблуждаетесь, — прокомментировал он, прищурившись, — полагая, что воспоминания, живущие в вашем мозгу о прошлой жизни, есть воспоминания названного мной третьего лица. Каждый программный клон представляет собой сборную солянку из различных комплектов ДНК и ложных комплектов воспоминаний, созданных компьютерной программой. Но не вы! Я понятия не имею, кем вы там мните себя в прошлом, согласно собственной сохраненной памяти выдуманного существа. Но вот кто был в древности носителем вашей матрицы — я могу сказать отчетливо определенно, ибо мои слова подтверждаются не просто человеческой памятью, которая может быть ложной, но данными корпоративных реестров, которые нельзя изменить!

Йенг вдруг наклонился к девушке, сделал загадочное лицо, что смотрелось довольно комично, учитывая его морщины, и торжественно произнес, разведя руки в стороны:

— А сейчас приготовьтесь, сударыня. Ваше настоящее имя, имя страшного существа, что прячется внутри вашей хорошенькой головки, сразившего самого демиурга Сэта, звучит следующим образом: полноправный акционер Нулевого Синтеза, знаменитый охотник на богов из глубокой древности, воспитанник самого Учредителя Искусственного Мироздания, Гордиан Оливиан Рэкс. Или, если проще, Гор. Вы — клон древнего Бога Мести, столь же старого, как и убитый вами Сэт. Именно Гор, вернее, его матрица, спрятанная внутри вашей головы, является четвертым и самым страшным участником преступного квартета!

Катрина нахмурилась. Мысли ее разбегались. Так значит, истребитель гуннов в ней живет не один?

— Гордиан Рэкс... — повторила она, подавляя предательский холодок, пробежавший по спине. — В первый раз слышу это имя, я...

— Ваше собственное имя, — перебил следователь. — Вам должно быть известно, что когда миллиард лет назад Бог Смерти Ан-Нубис сотворил Искусственное Мироздание, в пределы первого созданного Творцом искусственного кластера вступили не только разумные космические корабли и не только роботы-такелажники, что несли на себе оборудование и станки. Вместе с будущим Учредителем корпорации старый гибнущий мир покинула примерно одна тысяча человек, все до единого — мужчины, солдаты. Остальное человечество, согласно дошедшим до нас легендам, было к этому времени уже уничтожено или находилось на грани неизбежной гибели вместе с самой Естественной Вселенной. Эта

тысяча человек стала тем ресурсом, из которого Ан-Нубис смог впоследствии набрать себе помощников на все последующие миллионы лет. Большая часть из «тысячи» беглецов теперь известна в хрониках Нуля под именами богов и полубогов — слуг и товарищей Бога Смерти. Среди них и убитый вами Сэт — Эливинер Тивари, и многие другие акционеры, в том числе живущие по сей день. На сегодня их осталось немного, вероятно, около сотни, может, чуть более. Миллиард лет — все же очень большой срок. Известно, что в первые годы становления Корпорации среди прибывших произошел бунт против власти Ан-Нубиса, и он казнил где-то человек двести из «тысячи». Остальные восемьсот постепенно стали богами или... или тоже были убиты Ан-Нубисом за какие-то преступления.

Важно другое! — Йенг покачал головой. — Весь миллиард лет в Искусственном Мироздании действовало железное правило: статус бога присваивался Ан-Нубисом только тем его товарищам, которые прибыли вместе с ним с самой Древней Земли. Только так! Для «местных», выращенных уже здесь, за весь миллиард лет существования Искусственного Мироздания было сделано только одно исключение... Вероятно, вы уже догадались какое?

Приблизительно девятьсот пятьдесят миллионов лет назад, — голос Йенга стал жестче и тверже, — как раз тогда, когда период становления Корпорации только-только закончился, наш Учредитель, Бог Смерти Ан-Нубис, инициировал некоего уникального тшеди, способного разговаривать не только с человеческим мозгом, но и с псевдоразумом интеллектуальных машин. Он — стал единственным богом, родившемся уже здесь, в Искусственном Мироздании, а не пришедшим с Древней Земли вместе с нашим Творцом в качестве обычного космического пехотинца! Об этом великом тшеди известно довольно мало. Пожалуй, одно только имя... Как вы понимаете, это имя звучит как «Гор». Именно ему принадлежат ДНК и матрица сознания, по которой вас воссоздали! Кроме имени остались немногочисленные, но ужасающие легенды, связанные с его жуткими победами на службе Творцу вселенной и Корпорации. Использовался хапи Гор скрытно и в основном в секретных операциях, под личным надзором его божественного могущества Бога Смерти Ан-Нубиса, Учредителя Нуля... В любом случае, примерно к началу второй сотни миллионов лет существования Корпорации, как и многие другие искусственные «боги», Гор канул в небытие, подвергнувшись самому первому в истории Упокоению. Мы полагаем, что устранение Гора также было инициативой Учредителя Корпорации, которому стало существенно докучать могущество собственного слуги. И вот...

Йенг снова развел руками.

— И что — вот? — переспросила Катрина, сглотнув накопившуюся слюну.

— И вот он здесь! Третий участник вашего преступного квартета.

Катрина нахмурилась. Медленно кивнула.

— Вы полагаете, что я и есть тот самый древний «охотник на богов»? Как такое возможно?

— Предполагать можно разное, — пожал плечами следовательно, — но уверенность есть в одном: для обычного человека создать нечто, подобное творениям самого Ан-Нубиса, невозможно. В этом смысле наш Учредитель настоящий гений, кроме того, другие божества Нуля не имеют его технических возможностей. Вы и Гор обладаете уникальной, единственной за всю историю Корпорации способностью воздействовать на разумные машины, на саму Сеть! Как и у прочих тшеди-электромагнетиков, ваша сила телепата до смешного мала, однако только бог Гор и вы, моя милая Катрина, умудрились использовать этот талант для убийства бессмертных, подключенных к системе промышленной реинкарнации... Следовательно, вы есть либо новое творение Учредителя Нуля, в чем я сильно сомневаюсь, либо клон бога Гора, правда, женского пола, воссозданный злоумышленником по украденной из секретных реестров матрице. Вариантов тут немного, даже если не проводить анализ вашего ДНК. То, что вы ничего не помните о хапи Горе, еще ничего не значит, поскольку личная память Бога Мести наверняка была стерта во время Упокоения. Прошлые подобных существ вплотную соприкасается с тайной бытия Учредителя Нуля, Ан-Нубиса. А тайна Творца — это главная тайна Творения, вы должны это

понимать. В общем, вероятность того, что вы и бог Гор одно и то же лицо, я полагаю равной процентам девятисто пяти. Хотя наверняка никто не скажет, кроме...

Тут Йенг воздел открытые ладони вверх в почти молитвенном жесте.

— Ан-Нубиса? — усмехнулась Катрина. — Учредителя Корпорации?

— Нет, — решительно возразил Йенг почти с божественным восторгом, — кроме сверхтшеди, сидящего, по-видимому, внутри вас... Господа Гора, сударыня, господа Гора!

Квितिование 10 Воскрешение Бога Мести

Искусственное Мироздание. Кластер Седан. Особый центр ССБ Нулевого Синтеза, час спустя

Йенг и Кэти снова сидели один напротив другого. Впрочем, теперь диспозиция была несколько иная. Они находились не в камере для допросов, а восседали на открытой смотровой площадке на самой вершине особого планетоида ССБ, под хрустальным куполом, отделяющим их непокрытые скафандрами тела от бездны космоса — и пили травяной чай. Вокруг, насколько хватало глаз, то есть примерно на несколько километров до близкого здесь горизонта, простиралась стальная гладь космического тела. Гладкая, как лысая голова старика. Сверкающая, как оружейная сталь.

Как уже знала Кэти из своих блужданий в Информационной Сети, в зависимости от функций на просторах Искусственного Мироздания можно было встретить разные виды планетоидов — планетоиды-заводы, планетоиды — военные базы, закрытые научные планетоиды, планетоиды-города, планетоиды-школы и так далее и так далее. Встречались также универсальные планетоиды, совмещавшие в себе функции всех вышеперечисленных учреждений. Они, кстати, были и самыми распространенными в искусственных вселенных. По большому счету даже сами боги-роботы индустриальных систем являли собой точные копии планетоидов, только уменьшенные во множество раз.

Однако внешне все указанные космические тела, вне зависимости от функций, походили один на другой как две капли воды — идеальные шары, разделенные на поверхности на секции различной величины и конфигурации.

Как большинство и других «производственных» объектов Нулевого Синтеза, планетоиды Корпорации внутри были гораздо больше, нежели снаружи, за счёт создания дополнительных объёмов путём искривления пространства. Потому зачастую сравнительно невеликие кругляши, например, промышленных планетоидов могли вмещать в себя титанические заводы и даже огромные рекреационные зоны для работающего персонала. Очень часто эти зоны вмещали целые континенты и океаны, покрытые парками и зонами развлечений.

Все это, прежде всего внутренний объём, превышающий внешние размеры, в полной степени относилось и к планетоиду ССБ. Вот только скрывались внутри его искривленных пространственных линий отнюдь не парки на полконтинента и даже не фабрики и города. Полигоны, закрытые лаборатории, военные гарнизоны, настоящие города, заселенные исключительно агентами, экспертами, специалистами и бойцами служб ССБ, — вот что роилось и множилось в его чреве будто пчелы в улье!

Йенг, как и любой высокопоставленный чиновник Службы Собственной Безопасности Корпорации, имел офис, выходящий окнами не на обширные «внутренние» искусственно увеличенные территории космического шара, а как раз на внешнее, окружающее планетоид пространство, что, собственно, и позволяло ему с Катриной лицезреть за распитием терпкого напитка вполне естественный «пейзаж» планетоида ССБ — бронированную поверхность космической крепости-корабля-завода.

— Итак, — сказала Катрина, отхлебывая из чашечки пряную жижку маленькими

глотками, — с вашего позволения, господин, я резюмирую. В нападении на Буцефал-Шестимирье участвовали четыре преступника. С первым, вторым и третьим мы только что разобрались.

Первый фигурант — я лично, искусственная секс-агнатка, результат программного сбоя — мнимая постельная рабыня, выращенная на основе матрицы древнего мужчины-убийцы, давным-давно павшего от руки Ан-Нубиса.

Второй фигурант — знаменитый специалист по инициации тшеди, молодой акционер Эс Си Рукс, инициировавший в теле клонированной наложницы это древнее существо с помощью, как вы выражаетесь, разработанного лично им и лично для нее телеосинтетического препарата.

Третий фигурант, если его можно так назвать, это, собственно, ожившая матрица Бога Мести, разрушившая Шестимирье под воздействием сокрытой в Катрине Бете пси-программы, а также, скажем откровенно, в силу фундаментального пристрастия древнего бога-палача к разрушению.

И, наконец, некий четвертый субъект, соединивший указанные выше три элемента в единый механизм и заставивший их работать. А имя у этого человека имеется? Как я понимаю, это и есть мой пресловутый «Заказчик»? Тот самый, который «заказал» изготовление Бога Гордиана в школе для проституток?

— Ну, не будем забегать вперед, — Йенг потер плохо выбритый подбородок. — Постараюсь рассказать покороче.

Размышления Йенга

Итак, двадцать восьмого дня месяца фармутин, в школе Артели был создан клон с регистрационным именем Катрина Бета 19-725. У этого клона что-то явно не в порядке с головой — Катрина Бета не терпит пыток и не приемлет обычные для VIP-агнаток сексуальные унижения. Очень похоже на то, что внутри головы длинноногой блондинки сидит мужской разум, или, по крайней мере, мужские воспоминания, для которых пребывание в VIP-школе для промышленных проституток — хуже чем смерть!

В результате уже в последних числах месяца фаменот, спустя всего тридцать один день после инициации, сразу после начала первых «практических» тестов по пси-устойчивости, Катрина Бета совершает невероятное — она сбегает из школы, уничтожив по пути ватагу вооруженных до зубов охранников и свободных когнатов. Очевидно, что мужчина в ее голове сидит не простой, а с некими навыками и определенным складом психологии, сделавшими возможным подобный взрыв насилия.

После побега искусственной наложницы начинается расследование. Полиция выясняет, что побег сопровождался рядом объективно зафиксированных чудес, не объяснимых с точки зрения обычной человеческой логики и физических процессов. Очевидно, что беглянка не просто обладает навыками и психикой профессионального убийцы и опытного палача, но и неким набором уникальных пси-способностей, делающих ее не просто беглой рабыней, а потенциальным кошмаром для всей обитаемой вселенной. Вскоре анализ ДНК подтверждает, что беглянка не просто секс-агнатка, но клон древнего божества, знаменитого тшеди прошлого, сверхэкстрасенса и «палача богов» по имени Гор.

После этого подключается уже ССБ. Моя следственная группа прибывает в кластер Седан, где располагается школа Артели, и узнает уйму пикантных подробностей, которые остались бы нам неизвестны, если бы побег Катрины не сопровождался таким количеством убийств.

Прежде всего, выясняется, что в «деле» замешан знаменитый специалист по инициации экстрасенсов Эс Си Рукс — именно он инициировал дар в несчастной агнатке и именно на его корабле, «случайно» припаркованном на космодроме VIP-школы, она сбежала из кластера.

Далее в заговор оказывается включенным и сам руководитель школы шлюх, шеф

Артели — это вскрывается легко, после первого же допроса. Шеф школы, напуганный угрозами, «сливает» мне информацию, подтвержденную к тому же ментосканированием. Информация более чем проста: настоящим организатором преступления, человеком, создавшим клон господина Гора, является не Рукс и не Артели, — оба просто исполнители, — а некий таинственный Заказчик, имя которого ни тому, ни другому не известно. Эти показания подтверждаются и некоторыми косвенными уликами. Например, электронные письма, которыми обменивались с Заказчиком во время проведения операции Рукс и Артели.

Таким образом, следователи вынуждены признать, что, несмотря на отсутствие прямых доказательств, само наличие четвертого фигуранта является фактом очевидным и неоспоримым. Кроме того, ни у кого из прочих соучастников просто нет мотива для нападения на Буцефал-Шестимирье.

Сидящая напротив рассказчика Катрина чуть подалась вперед и, мило изогнувшись в кресле, подлила себе ароматного чая.

— Мотива не было даже у Эс Си Рукса? — удивилась она.

— Даже у него, — подтвердил нукер Йенг. — Если честно, так же как и вы, я долгое время совершенно искренне полагал, что организатором преступления является именно хапи Рукс, дрессировщик тшеди. Но вскоре от подобной версии пришлось отказаться. Я упорно и долго пытался найти причины, которыми мог руководствоваться создатель экстрасенсов при попытке возродить одного из самых могущественных богов древности. И не находил. Да, конечно Рукс — акционер Нулевого Синтеза, весьма обеспеченный и известный человек. Жаждающий больше славы, больше денег, больше власти, но... что-то здесь не сходилось.

Йенг тяжело вздохнул.

— Понимаете, все тшеди и все демиурги — довольно старые люди. Я знал Саймона в былые дни и могу сказать, что при всей своей известности и профессионализме хапи Рукс, он... как бы это сказать?... Наверное, он слишком легкомыслен для построения глобальных комбинаций и вынашивания столь рискованных и опасных амбиций. Ворваться на своей яхте в неизвестный кластер ради красивой агнатки, расстрелять из главного калибра оборону какой-нибудь союзной планеты, а потом откупаться за это штрафами в суде акционеров — это он может. Но покуситься на убийство одного из создателей Корпорации столь замысловатым способом, нарушить запрет самого Учредителя Нуля, рискуя собственным бессмертием... нет, это не его стиль. Для человека, относительно недавно ставшего акционером Нулевого Синтеза и добившегося абсолютного бессмертия, подобный ход мыслей совсем не свойствен. Это — глупо, бессмысленно! Вечное бессмертие демиурга — слишком ценная вещь, чтобы рисковать им из-за ерунды.

Окончательно подозрения с Рукса спали, когда я переговорил с шефом Артели и тот подтвердил участие в вашем преступном квартете пресловутого Заказчика. Как я уже говорил, Артели был подвергнут ментасканированию, и в одной из найденных в его памяти сцен он одновременно разговаривал как с Руксом, так и с Заказчиком. Сцена не выглядела наигранной. Стало ясно, что, как и Артели, он — всего лишь пешка, исполнитель, не более. Заметьте, самого Артели я к квартету не причисляю, поскольку, — только не пугайтесь, — заказы на изготовление клонов бога Гора были размещены в очень большом количестве частных агнатских школ. Мелких соучастников, подобных Артели, в деле фигурирует очень много! Просто именно в его школе отыскался клон, успешно прошедший инициацию и ставший новым Палачом Богов и Господом Мести — Гором. То есть это вы, Катрина! Артели получил скромный гонорар и, разумеется, не был полностью посвящен в план.

Йенг снова вздохнул.

— Итак, вы сбежали на корабле Рукса — на яхте «Гоготан». Патрульные корабли с Седана гнались за вами, не упуская из вида, также прыгая из кластера в кластер, но, разумеется, перещеголять коллекционный болид в способности открывать нуль-порталы им оказалось не под силу. Все подробности побега мы к тому времени уже изучили, Артели допрошен, и картина, как мне казалось, вырисовывалась достаточно четко. Заказчик выкрал

из правительственных реестров ДНК и матрицу разума господина Гора. Артели вырастил клон по этому ДНК в своей школе, замаскировав древнее божество под роскошную девку, а Рукс — засадил в ее голову саму древнюю матрицу. Вот и все. Но вы сбежали — и им срочно пришлось инициировать ваши способности экстрасенса-тшеди, чтобы вас не убили при побеге. Достаточно просто, как мне казалось. М-да... И тогда, замороженный собственными умозаключениями, я допустил ужаснейшую ошибку!

— Я, как и другие участники моей следственной группы, искренне полагал, что ваш Заказчик, — тогда мы впервые стали именно так именовать для себя неизвестного нам «четвертого» соучастника, — желает просто заполучить господина Гора в свои руки. Заполучить, спрятать, тренировать и только потом — использовать в грязных целях. О том, что для возрожденного бога-убийцы уже готова мишень и план действий, как и о том, что новый клон создавался исключительно для единственной операции — убийства господина Сэта, мы не могли даже догадываться. И вот... время было упущено.

Йенг со злостью стукнул кулаком по столу.

— Когда вы сбежали на яхте, столь явно подставив его хозяина, для нас было очевидно, — продолжил он с плохо сдерживаемой яростью, — что все планы пресловутого Заказчика оказались сбиты вашим случайным побегом. Если бы не этот побег, думали мы, ничего бы не вскрылось. Прибытие Рукса на системном корабле, ваши скачки по новым кластерам — все это всего лишь судорожные попытки Заказчика и Рукса исправить неудачную ситуацию. Мы полагали, что путь «Гоготана» по кластерам Корпорации — это случайный выбор, нить, ведущая в никуда. Что можно было тут сделать? Логика приводила к простейшим выводам:

Первое. Кто-то изготовил клон Гора.

Второе. Этот кто-то пытается вернуть клон Гора себе.

Третье. Пока на хвосте его яхты сидит наш крейсер, к себе в кластер он ее не поведет. Мы либо упустим беглянку, либо поймем ее. Но при этом останемся в полной неизвестности относительно личности Заказчика! И тот, и другой вариант, как вы понимаете, не приемлем для ССБ. Мы оказывались в тупике!

Сдерживая себя, Йенг похлопал руками по подлокотникам кресла.

— И чтобы выйти из него, — продолжил он, — я предложил коллегам сделать единственно возможное, как мне тогда казалось. Я приказал прекратить бессмысленную погоню и не преследовать вас. Чтобы вы потерялись! На самом деле, мы привлекли к делу самый ужасающий в своем всезнании орган Корпорации, превышающий своими возможностями даже службу безопасности! О ком я? Конечно же о службе статистики! Возглавляемые ею структуры, в частности Департамент крупнейших объектов статистического учета, в глубокой тайне даже от Совета Акционеров могут следить за передвижениями судов наиболее богатых акционеров вне зависимости от их местонахождения. В принципе это противозаконно, но более ста тысячелетий назад сам Творец разрешил службе статистики заниматься скрытым слежением за кораблями богов-акционеров в нарушение собственных установлений. Доступ к подобной информации имеет только ССБ, Правительство Нуля, Департамент крупнейших объектов, да сам Учредитель. На всех кораблях с корпусом из ишеда во время производства устанавливаются скрытые датчики, позволяющие такую слежку...

Йенг махнул рукой.

— В общем, не суть важно, — продолжил он. — Одним словом, вы были на крючке. Мы вас вроде бы упустили, и вы могли чувствовать себя в полной безопасности. Казалось, всё в наших руках! До последней минуты я оставался полностью убежден, что, ускользнув от погони, «Москит» направит свой путь к источнику преступления — в кластер Заказчика, из которого можно распутывать клубок далее... Но, как уже было сказано, я чудовищно заблуждался! Вместо кластера Заказчика вы прибыли в Буцефал, кластер Эливинера Тивари, бога Сэта... Конечно, первое, что пришло в голову моим ребятам, это то, что именно старый пердун Эливинер является вашим Заказчиком. Но вот вы прибыли на границу Буцефала и

стали говорить с его хозяином. Я слушал вашу с ним беседу через видеофон и... в мою душу закрались первые сомнения. Вы знаете, иногда в голове, нет, даже в сердце, в печени, рождается совершенно иррациональное, опустошающее чувство страшной, непоправимой ошибки. И вот, когда я прокручивал вашу беседу еще и еще раз, выискивая подробности, это самое чувство стало меня заполнять! Единственное, что рождалось в моем мозге при просмотре — это явное осознание своей глупости. Я ничего не понимал!

Было очевидно, что Эливинеру незачем ломаться перед собственной беглой рабыней, — Йенг вытер платочком проступивший пот. — Стало ясно, что он — *не* Заказчик. Но тогда кто?! Мысль о том, что вы являетесь оружием против самого Эливинера, казалось, уже пришла мне в голову, но... было уже слишком поздно! Осознание вашей истинной миссии пришло ко мне одновременно с криком моего вестового. Он кричал, что планетоид «Эксцесс» прыгнул через нуль-портал внутрь главной звезды Шестимирья, а планетоид «Табу», спустя мгновение — внутрь его звезды-спутника. И все... Грянули ужасные взрывы! Я смотрел на экран, на огонь, пожирающий планеты, и... понимал! Догадки перестали быть нужными, все встало на свои места, головоломка пришла к своему единственному завершению!

— Вы не были избраны, дорогая Катрина, чтобы стать самым сильным слугой у престола таинственного Заказчика. Вы были избраны, чтобы стать палачом Шестимирья, ядерной бомбой, карающим мечом. Воплощенной смертью для целой звездной системы и старейшего из богов-акционеров. Габриэль Елисей Бруно, ваш легендарный Заказчик, зачем бы это ему ни понадобилось, мог торжествовать!

«Габриэль?» — услышав незнакомое имя, Катрина удивленно подняла бровь.

— Я что-то упустил в объяснениях? — поинтересовался Йенг, вновь поднимая кружку и возвращаясь таким образом к чаепитию.

Катрина кивнула.

— Кое-что, господин, — сказала она. — Кто такой этот ваш Габриэль Елисей Бруно?

Квिति́рование 11 **Госпо́дь Геб обожа́ет покер**

Искусственное Мироздание. **Игровой кластер Роза.** **В это же время**

Мигающая надпись гласила: «Г. Е. Б.»

Именно это глупое сочетание букв (впрочем, не более глупое, чем расшифровка имени Г. О. Р. или С. Э. Т.) было начертано над входом в уютный искусственный грот с нефритовыми стенами и потолком из слюды.

Габриэль. Елисей. Бруно.

Фамилия, имя и прозвище.

Надпись была сделана на корпоративном и висела в воздухе. Искристые краски голограммы переливались в брызгах шумящего чуть дальше рукотворного водопада, и журчание ручья, в который он низвергался, падая с высоты почти семи метров из мнимой нефритовой скалы, почти совсем заглушалось этим постоянным, рваным, но, тем не менее, приятным для уха гулом.

Акционер Корпорации Джулиан Ши, один из богатейших богов Нулевого Синтеза, стоял прямо под надписью и недоумевал. То, что он явился сюда столь неожиданно из собственного комфортабельного кластера, проделав путь через несколько десятков вселенных, — уже было откровением. И прежде всего — для него самого.

Он неоднократно слышал об этом месте и всегда снисходительно ухмылялся, крутя пальцем у виска и отзываясь о приходящих сюда глупцах весьма не лестно.

И вот, поди ж ты...

Сейчас он стоял здесь сам.

Джулиан сделал шаг вперед, в глубь грота, и нерешительно снял с головы шляпу. Надо признаться, подобное движение было для Джулиана Ши совершенно не характерным. Бывший глава правительства Нулевого Синтеза, он вообще ни перед кем и никогда головных уборов не снимал, разве что перед Учредителем, Богом Смерти, но то — совсем другое дело, не правда ли?

Рука, казалось, совершила этот кульбит сама, автоматически и совершенно независимо от его мозга.

— Э-э, — услышал Джулиан свой голос словно со стороны, — есть тут кто-нибудь?

И замер от неожиданности. Уж что-что, а вот именно эту банальную фразу в столь загадочном месте он говорить совершенно не собирался. Подпольное казино для мегамиллиардеров, как ему казалось, должно исключать подобный примитив. Перед ним вот-вот должна развернуться бездна порока, а он...

Тем не менее его услышали и отозвались. Из глубины грота, семена ножками, скованными неудобной обувью, выбежали три красивые девушки, облаченные в кимоно.

То, что перед Джулианом появились именно секс-агнатки, сомнению не подлежало. Во-первых, в таких заведениях в принципе могли работать только клонированные рабыни, а во-вторых, на ногах девушек красовались колодки. Да, именно колодки, эта неудобная обувь, предназначенная для изуродования стоп и отработки несчастными невольницами точеной, мелкошажковой походки, молчаливо и безоговорочно подтверждали статус живых фарфоровых кукол. Ни на одну свободную девицу подобную дрянь не надеть — только на программных клонов!

Джулиан хмыкнул — к агнатам он относился снисходительно.

Девушки, подбодренные улыбкой гостя, подбежали к нему с трех сторон и окружили заботой. Одна вежливо потянула из рук неожиданно снятую им шляпу, вторая стянула с плеч пиджак, третья приняла чемодан. Затем та, что оказалась чуть дальше от Джулиана, протянула руку вперед, указывая маленькой ладошкой на мостик под водопадом. Губы ее растягивались в улыбке, однако глаза оставались почти безжизненны.

За мостиком и за водопадом, после массивной и грубой каменной арки, открывающей вход в искусственной нефритовой скале, оказался еще один зал, оформленный также в виде грота. По краю грота протекал ручеек (очевидно, тот же, прорвавшийся под скалой), а в центре поблёскивало водной гладью небольшое озерцо с четырьмя мостиками, ведущими с разных сторон к широкой тростниковой беседке.

Акционер Корпорации Джулиан Ши решительно двинулся вперед по ближайшему мостику.

В беседке его ждали трое, вернее, если быть точным, четверо. Трое людей сидели за столиком в расслабленных позах, а четвертый стоял перед ними, подобострастно склоняясь. Очевидно, подумал Джулиан, тоже агнат, а значит — не в счет.

Первый из сидящих за столиком не выделялся ничем. Разве что щеточкой усов, топорщившейся под маленьким, пипеточным носом.

А вот второй и третий вызвали у демиурга смущение. На первый взгляд они казались близнецами, похожими как две капли воды. Высокого роста, с мощными подбородками, но при этом почему-то с вполне интеллигентным взглядом, они походили на братьев-близнецов, рожденных в одной утробе. Но Джулиан, столько лет отвечавший за политику клонирования в Корпорации, конечно же знал, что это не так — перед ним сидели клоны. Когда натуральная оболочка бессмертных начинает стариться, они меняют ее на новую. Некоторые, как тот, уса́тый, с пипеточным носом — из случайного каталога. А вот эти двое — явно из дизайнерских мастерских. Вернее, из одной и той же мастерской, а совпадение, вероятно, случайное.

С другой стороны, может, в этом есть некий тайный смысл?

Могущественный и богатый демиург пожал плечами...

Отличались близнецы только цветом глаз и, разумеется, одеждой.

Тот, что сидел справа, был сероглаз и носил тройку с галстуком, а тот, что слева, — блистал из-под бровей изумрудами и кутался в свитер.

«Усатый» был в очках и в гавайке, несмотря на кондиционер. Впрочем, все это, конечно, мелочи.

— Мое имя Джулиан Ши, — властно произнес демиург и бросил на стол конвертик с распечаткой вызова, — вот письмо. Хозяин кластера пригласил меня сюда на Игру. Габриэль Елисей Бруно, демиург Нуля, бывший хилиарх Флота, если не ошибаюсь. Кто из вас хапи Бруно? Я хочу его видеть!

Близнецы молча переглянулись.

Усатый медленно достал сигарету, столь же неторопливо щелкнул простой стальной зажигалкой и закурил. К удивлению Джулиана, на вопрос ответил именно он — самый неброский и непривлекательный из всей четверки, включая раба.

— Мистер Габриэль Бруно — это я, — процедил усатый, глотая дым. — Но можно просто Габриэль. Вам, Джулиан, — можно даже Геб. Присаживайтесь. И раздайте нам карты.

Его высокопревосходительство Джулиан Ши, бывший глава правительства Нулевого Синтеза и потомственный архонт Корпорации, хотел вспылить (с чего это какой-то мелкий акционершник, даже не член Совета, заговаривает ему зубы?), но почему-то послушно сел, взял со столешницы колоду карт (она лежала как раз с его края столика) и начал молча ее тасовать.

От этого простого действия мозг бессмертного демиурга просто поплыл, поверженный удивлением почти что в ступор. Ши никогда не отличался покладистым характером. Как оставаясь на вершине власти, так и после своего позорного отлучения на 394-м году собственного правления, он разговаривал с людьми властно и жестко, почти грубо, делая исключения только для лиц, выше его по статусу. Таковых во всем Искусственном Мироздании было только четверо. Нынешний глава правительства Тэдди Октавиан, сменивший на этом посту самого Джулиана. Бог Смерти и по совместительству Учредитель Нуль-Корпорации Ан-Нубис Хептиамент (старый ублюдок, где он сейчас интересно?). Да древний старик Эливинер, недавно скончавшийся при таинственных обстоятельствах. Был еще страшный четвертый, очень пугавший его субъект, известный в хрониках под прозвищем «палача», но тот давно пребывал в могиле...

Однако, чтобы какой-то рядовой демиург посмел с ним так разговаривать без риска тут же получить словесную оплеуху от разгневанного мультимиллиардера и бывшего распорядителя вселенной, такого не бывало. Джулиан с усилием открыл рот, чтобы выдать из себя гневную отповедь, как внезапно спина его покрылась испариной от осознания еще одного сногшибательного факта — он мастерски тасовал карты!

Дьявол, он никогда не умел делать ничего такого, а сейчас вертел колодой, словно жонглер! Ловкость рук была просто потрясающей, учитывая, что в покер он играл всего пару раз в своей очень длинной бессмертной жизни. Покер? При чем тут покер? Дьявол, да что здесь происходит?!

С явным усилием Джулиан моргнул. Руки слушались плохо, видимо — от нахлынувшего волнения, но карты мелькали как живые. Явно происходила какая-то чертовщина!

Быть может, гипноз? Внушение? Однако аппарат для регистрации пси-волн, который он носил на поясе вот уже добрую сотню тысячелетий, аппарат, надежный как смерть, да простит меня Ан-Нубис, упорно молчал, тихо попискивая в его шунте едва слышным зуммером. Это значило, что активных тшеди в помещении нет. Но что же тогда за мистика?

— Вы, Джулиан, зря нервничаете, — неожиданно заявил Габриэль и братски похлопал экс-главу правительства по плечу, — сыграем сейчас, не волнуйтесь. Много времени это не займет.

— Но я не умею! — взвизгнул Джулиан, окончательно запутавшись. — С чего вы решили, что я стану с вами играть в этот дурацкий покер? Да, и почему покер?

— Бог мой, — совершенно искренне всплеснул руками его собеседник, то ли констатируя статус мистера Ши, то ли взывая к истинному Господу, как к высшему духовному судье, — вы ведь сами раздаете на покер. Почему я знаю? Давайте-ка я лучше вам представлю наших компаньонов по партии.

Он ткнул рукой в «близнеца» слева, и тот слегка приподнялся.

— Это шеф Артели, — сказал Габриэль, — руководитель одной из лучших в Искусственном Мироздании школ наложниц. Те три девки, что встретили вас на входе — его изделия. Он сам их проектирует, сам производит, сам дрессирует (тут Габриэль рассмеялся) и сам проверяет качество. Иногда. Не так ли, любезный господин Артели?

— Ну, — протянул Артели довольно мерзким голоском, совершенно не сочетавшимся с его героической внешностью, — не совсем. Три девушки, которые обслуживают нас сегодня, это не только изделия моей школы. Это — моя личная собственность, я выкупил их у заведения, которое имею честь возглавлять всего лишь в качестве коммерческого директора. Теперь они предназначены не на продажу а, так сказать, для собственного удовольствия. Надеюсь, сегодня, хапи Джулиан, они вас удовлетворят.

— Ладно, — скучающим жестом Габриэль прервал речь владельца фермы по клонированию проституток, — хрен с ними со шлюхами. В прямом смысле. Позвольте представлю вам, Джулиан, второго моего гостя. Уверен, вы с ним знакомы. Если не лицо, то уж имя-то его вы точно знаете. Итак, перед вами знаменитый в определенных кругах Эс Си Рукс, собственной персоной. Слыхали? — Он наклонился к раздающему карты Джулиану и доверительно прошептал: — Знаете, несмотря на внешность, столь схожую с шефом Артели, он работает в совершенно иной сфере. Эта сфера деятельности должна сильно интересовать вас с учетом происходящих событий. Разве нет? — и он снова откинулся на спинку кресла.

Мысли Джулиана лихорадочно заскакали. Он ни черта не понял из того, что прошептал ему Габриэль, но осознал, что сказано было нечто очень важное. Нечто, способное объяснить ему суть происходящей нелепицы. С огромным усилием, подавляя растущее где-то внутри сопротивление, он смежил веки — они пока слушались его в отличие от рук, ног и остальных частей тела. О, Иешуа, лишь бы слушался еще и разум!

Тьма заслонила все. Где-то за гранью ощущений ему что-то вещал Габриэль, мерзко смеялся шлюховод Артели, басил баритоном непонятный Рукс. Джулиан уже не слушал, он — погружался в себя.

Как и всякий бог-акционер, Джулиан сам являлся тшеди. Причем довольно мощным, с точки зрения формального количества тепловой энергии, способной к пробуждению от пси-волн, порожденных его многомиллионлетним разумом.

Джулиан был пирокинистом — «Огненным Божеством», человеком-звездой. Когда-то эта способность, столь пригодившаяся Корпорации в годы беспутного «бунта богов», помогла ему выслужиться перед старым уродом Ан-Нубисом и продвинуться к вершинам власти. Она также весьма развлекала его подданных позже, когда он, уже смещенный с поста властелина Мироздания, стал богом только для жителей своего кластера, заслуженным ветераном, пенсионером и уважаемым демиургом Нуля. Однако сейчас...

Одной из неотъемлемых способностей тшеди была способность чувствовать других тшеди, по крайней мере в моменты, когда этими другими использовалась их сила. Но сейчас Джулиан не чувствовал ничего. Действительно — это была чертовщина, нечто невозможное и необъяснимое с точки зрения науки! Необъяснимое в отличие от самих способностей тшеди, о которых «мистер Ши» знал почти все.

За сотни тысяч лет жизни он видел множество тшеди-экстрасенсов, причем очень часто они стояли с ним по разные стороны баррикад. Следовательно, он множество раз оказывался в ситуациях, потенциально куда более грозных, чем эта. Он приучился чувствовать опасность и всегда выходил сухим из воды. Войны, мятежи, восстания государств — союзников Корпорации, все случалось в его долгой бессмертной жизни. Но вот чего не случалось — это игры в покер. И трех вялых уродов, играющих с ним партию в то самое время, когда он сам не в силах произнести и двух слов.

Пот, покрывший кожу, стал просто ледяным, Джулиан задрожал. Как и всякий тшеди, он почувствовал вдруг приближение смерти. Ощущение это еще не сформировалось в его сознании окончательно. Но мозг кричал ему: мы в капкане!

В то же мгновение последняя карта, брошенная его ловкой, но совершенно непослушной рукой, упала на стол.

Габриэль Бруно заворочался на своем роскошном диване, а шеф Артели звонко хлопнул в ладоши. Три девушки, услужливо подбежав к беседке, начали раздеваться, отработанными грациозными движениями скручивая с себя намотанную одежду, шелковое белье и прозрачные, почти не видимые чулки.

На банальное раздевание это не походило, скорее на танец, но, тем не менее, Джулиан неожиданно почувствовал пробуждение вожделения. «С чего бы?» — удивился он, так как реакция тела представлялась странной: эмоции и биохимия подчинялись ему абсолютно, как и прочим властелинам Искусственного Мироздания, — так оружие подчиняется нажатию на спусковой крючок. Движение воли пробуждало его гормоны в любое время, в любой ситуации, и это же усилие воли могло их пресечь. Бессмертные демиурги считались совершенными существами, контролировавшими свои эмоции настолько, насколько это вообще возможно для человека.

В душе Джулиана заворочался гнев — значит, эти люди подчинили не только его тело, но и синапсы! От захватывающей его волны ярости он задрожал. Бывший главный администратор вселенной до сих пор не понимал, что происходит, и совершенно не отдавал отчета своим действиям. Но самое страшное заключалось в другом: он не знал, зачем потенциальным злоумышленникам понадобилось его подчинять таким нелепым образом, даже если у них и появилась подобная возможность. Жизнь бессмертных была именно такой, как назвалась, — это была жизнь бессмертных. Ни Джулиана, никого другого из демиургов, включая сидящего напротив Габриэля, убить было невозможно. В случае смерти шунт, закрепленный в голове каждого из них, тут же передавал матрицу мозга в космос, на спутники, а те, в свою очередь, — в Сеть Корпорации, из которой уже невозможно ни стереть эту матрицу, ни уничтожить. Сеть слишком велика, информация дублировалась в слишком большом количестве хранилищ. Матрица поступала в палаты хеб-седа, и новое клонированное тело принимало в себя память мертвого богача — мертвец воскрешался.

То, что делали сидящие рядом с ним идиоты, было бессмысленным и потому пугало больше всего.

Ну что же, у него есть козыри на этот случай!

Ноготь демиурга нагрелся, и под ним заискрило пламя. Никто из сидящих за столиком, разумеется, не заметил этого. Все оказались слишком поглощены лицезрением «фарфоровых» агнатов.

Рабыни тем временем закончили раздеваться. На всех трех остались лишь россыпи бриллиантовой крошки, сверкающие на атласных, почти идеальных телах искусственных наложниц отраженным светом. Кожаные ошейники на лебединых шеях и серебряные кольца в ушах и в носу дополняли возбуждающую картину.

Если бы в этот момент каким-то чудом злобная умница судьба перенесла в этот зал из Центра ССБ несчастную Катрину Бету, то та бы охнула от удивления.

Три клонированные красавицы показались бы ей определенно знакомыми — перед пресыщенными мужчинами танцевали Эффи, Лилит и Роксана — ее старые подруги по прайду и... по несчастью, которое объединяет в Нулевом Синтезе всех программных агнатов-клонов.

Троица танцевала. С начала завораживающего выступления прошло уже минут десять или пятнадцать, но Джулиан не замечал времени, кольца в носиках девушек покачивались от движений. Их пляска казалась странным, жреческим ритуалом, завораживающим зрителя изысканностью и внезапностью поз, стремительных па и групповых комбинаций, обращаясь то вальсом листвы, вздернутой с земли порывом ураганного ветра, то скачущим пламенем. Пламя!

Ноготь заискрился сильнее. Сделав над собой очередное усилие, демиург отвел руку за спину. Гнев для него всегда был тем чувством, которое, в отличие от большинства знакомых ему людей, не застилало глаза, не лишало разума, а делало только более хладнокровным — и сильным. Гнев обрушил на Демиурга свой вес, словно тяжеленный молот, и потому дрожь в его руках внезапно погасла, разум стал чистым и гладким, как лабораторное стекло, сознание обратилось в прозрачную леденящую воду на дне колодца. Спокойно и отрешенно, словно медитирующий Будда, бывший повелитель вселенной сжал свой кулак. Огненный палец — спрятался в закрытой ладони...

Танец закончился. Три девушки застыли на вытянутых носочках, воздев руки вверх.

— *Tadmor!* — произнес Артели, и танцовщицы, сраженные пси-приказом, застыли на месте, а затем, спустя секунду, обрушились на пол — на колени, послушно скрестив за спиной запястья и уронив головы.

Джулиан, как и любой демиург, властелин миллионов агнатских душ, прекрасно разбирался в подобных командах. «Тадмор» означало покорность. Агнатки были не просто рабынями тела. Они были рабынями своего мозга, изнасилованного наукой. Их разум, память, рефлексy оказались прошиты особой программой, превращавшей девушек в подобие механических резиновых кукол, абсолютно послушных своему господину. При слове «Тадмор» они опускались на колени и складывали руки за спину. В такой позиции, если хозяин не разрешал им подняться, они могли находиться сутки, недели и месяцы — до смерти от голода или жажды, не в силах подняться, даже если пища или вода стояли всего лишь в полуметре. Их кандалами служил собственный разум.

Пси-приказы исчислялись миллионами отдельных команд и комбинаций — даже Джулиан при всем своем титаническом возрасте не знал их все.

Высокие груди вздымались, жадно глотая воздух. И, пожалуй, сейчас, когда команда произнесена, это действие оставалось единственным из того, что могли они сделать — дышать, жить, моргать глазами, отвечать на вопросы, ожидать новых команд.

— *KalTarrash!* — произнес Артели.

Это значило — «спать!». Три девушки мягко опустились на пол. Сознание их погасло. Обнаженные ноги раскинулись в стороны, томные губы на опрокинутых навзничь лицах полураскрылись. Внутри поблёскивали влажные языки. Веки подрагивали — это сознание пыталось вяло сопротивляться принудительному усыплению. Мгновение — и девушки валялись уже бездвижно перед своим властителем и его гостями. Лишенные как воли, так и одежды...

— Хороши, не правда ли? — снова обратился к своему гостю Габриэль. Видимо, внезапное спокойствие Джулиана не прошло для него незамеченным. — Пусть поспят. Им не зачем слышать наши разговоры. Все, что нужно, фиксируется вон там, — он показал рукой на спрятанные в уступах нефритовой стены точки видеокамер. — Приступим?

— Уже, — сказал кто-то за Джулиана. Его губами и его языком, вытолкнув воздух из его легких. — Играем в «стад» или в «холдер»?

— «Дро покер», — ответил Габриэль, прищурился и обнял губами сигару.

— Так просто? — спросил рот Джулиана.

Господин Бруно улынулся.

— Разумеется, — прокомментировал он. — У нас ведь тут все по-семейному, как на встрече старых друзей. Впрочем, если смотреть с другой стороны, все не так просто как кажется. Вы слышали о ставках, принятых в нашем клубе?

— «Все или ничего», — сказал рот, видимо, имевший доступ к той информации, которую видели глаза Джулиана. «Все — или ничего» — так было написано в том письме, по которому он прибыл сюда.

— В закрытом покерном клубе для демиургов, — продолжил независимый рот, — играют до конца.

— Верно, — спокойно прокомментировал Геб, — Вы ставите на кон все свое состояние, а я — все свое, о чем мы немедленно подпишем юридическое соглашение. Вот

бумаги. Разумеется, игра была бы неинтересной, если бы на кон ставилось все и сразу. Поэтому мы берем в качестве начальной ставки сумму в один триллион кредо — примерная стоимость одного искусственного кластера Корпорации. Игра, таким образом, будет идти «на миры», я бы даже сказал на «вселенные», ибо один кластер может вмещать несколько звезд и планет. Для клуба демиургов, создателей частных вселенных, такая ставка — на созданные ими миры — более чем логична, вы не находите? Далее ставки удваиваются до величины взятого победителем «банка», затем еще раз, затем еще. Как бы там ни было, утром один из нас уйдет отсюда нищим. А другой — невысказанно богатым. Впрочем, каждый из нас уже невысказанно богат, так что... удвоение или утроение состояния вряд ли что-то существенно изменит. Это все адреналин, вечный поиск сильных ощущений, который так мучает всех бессмертных...

— Хорошо, — сказал рот Джулиана, а правая рука, — та, что без ногтя и пламени, послушно пододвинула к себе контракт и широким росчерком подмахнула бумаги, — тогда вот мои условия. Чтобы не терять времени и не затягивать противостояние, предлагаю упростить игру. В колоде пятьдесят две карты, из них четверым игрокам роздано по пять листов. Ставка озвучена. Делаем один круг торговли, затем меняем несколько карт, делаем ставки, вскрываемся. Партия сыграна. Победитель забирает банк. Затем — следующая игра. Подойдет?

— Так быстро? — удивился Артели голосом плохого актера. — Впрочем, если вы настаиваете, то извольте.

От гнева Джулиан начал задыхался. Внешне этого не было видно — он задыхался там, в глубине мозга, однако чувства не обманывали старого демиурга. То, что здесь происходило, выходило за все возможные рамки. Он никогда по-настоящему не играл в покер, не разбирался в комбинациях, а уж слов вроде «дро», «стад» или «холдер» не слышал вообще никогда за миллионы лет — сфера его забот и работы оставалась слишком далека от игровых развлечений, — он не мог ничего подобного даже произносить! Однако камеры над нефритовым уступом все видели ясно. Похоже, Джулиан понял, к чему клонится этот «розыгрыш».

Три дня назад он находился в собственном кластере на одной из своих роскошных планет. Развлекался с собственными секс-агнатками, охотился в лесах на собственных агнатов-гладиаторов.

Какая-то мелкая частная почтовая служба доставила ему приглашение от хапи Бруно. Джулиан рассмеялся, когда прочитал письмо. Бруно был слишком молод, мелок и неизвестен, чтобы на прямую переписываться с такими, как он, столпами Корпорации. Джулиан уже хотел выбросить письмо в мусорный ящик, когда услышал собственные слова: «Отправляемся!» — и слуги бросились исполнять.

Давления на волю не было. Прибор, фиксирующий пси-воздействие тшеди на мозг, молчал. Удивленный Джулиан списал свой неожиданный приказ на игру собственной раздувшейся от безделья скуки, и — отправился сюда. В сопровождении флота и с многочисленной охраной, способной на атомы растереть этот несчастный игровой кластер, если повелителю хоть что-нибудь не понравится.

Но... по трапу он сошел один, велел закованным в скафандры бойцам свиты оставаться на корабле, а флот отослал домой. Рядом не осталось никого из слуг и защитников. Один, как старый безумный волк, он вошел сюда, в это здание под землей, один зашел в подземелье Геба и вот один сидит напротив троицы заманивших его ублюдков. Как волк? Скорей — как старый баран! Он пригнан сюда на закланье! Кулак сжался сильнее. Огненный палец впился в плоть. Ну что же, посмотрим...

— Итак, господа, первый круг, — сказал тем временем его рот, совершенно независимо от потуг разума, — моя ставка озвучена — триллион кредо. Что далее?

— Принимаю, — ответил Геб.

— Принимаю — сказал Артели.

— Отвечаю, — произнес Эс Си Рукс.

Безымянный раб, все это время согнутый в полупоклоне, разумеется, молчал.

«Кстати о Руксе», — внезапно подумал Джулиан. Из того, что подчинялось самому Джулиану, а не таинственной силе,двигающей его губами и языком, еще оставалась память. И потому память работала не переставая, перебирая тысячи фактов, заполнявших извилины бессмертного демиурга.

Эс Си Рукс. Файл досье предстал перед ним словно на экране:

«Эс Си Рукс, специалист по инициации тшеди-экстрасенсов. По версии «Си-Ай-тшеди-католоджи», лучший специалист Искусственного Мироздания в классе экспериментальной инициации».

Джулиан задрожал — разгадка оказалась довольно простой. Так вот в чем дело! Вы ребята экспериментируете здесь с пси-волнами, используете тшеди-гипнотезеров для воздействия на мозг игроков? Ладно, ладно, дайте только выбраться... Но почему аппарат-то молчит? Сломался или чем-то заглушают?

— Поднимем? — снова спросил его «рот».

— Легко! — вскричал Геб, как будто в азарте.

— Два триллиона? — уточнил рот.

— Отвечаю!

— Еще ставка?

— Еще три триллиона?!

— Ну, если вам не слабо...

— Принято!

— Принято!

— Принято!

Все трое кивнули. Джулиан в это время попытался унять свои взбесившиеся язык и губы, а когда не получилось, то хотя бы подавить дыхание — не дышать, но не тут то было. Слова вылетали сами.

— Удваиваю! — услышал он собственный голос еще раз.

— Не по правилам.

— А кто возражает?.. Вы?

— Я нет, — мотнул головою Габриэль. — Если никто не против, то удвоение принимаем.

Никто против не был.

— Удваиваю сам! — воскликнул тогда Геб.

— Пас, — сказал шеф Артели.

— Пас, — подтвердил Эс Си Рукс.

Теперь их осталось двое. И шесть триллионов кредо, судьба которых висела на комбинации пяти карт. Целых шесть искусственных вселенных, огромных миров...

— Вскрываемся!

Ловким движением, не привычным для его сильных, но совершенно не приспособленных к труду, а уж тем более к фокусам рук, Джулиан развернул на столе палитру цветастых листов.

И вздрогнул. За все время игры он мимоходом бросал взгляды на свои карты, однако плохо разбираясь в комбинациях покера, воспринять их достоинство с мимолетного взгляда не успевал — уж слишком поглощало все его внимание бешеная словесная скачка на повышение ставок!

Но сейчас, даже полный профан, он понял, что только что совершилось.

Перед ним был «вил» — простейшая комбинация из низких карт, разобраться в которой был в состоянии даже он.

Двойка, пятерка, тройка, четверка, туз.

На столе было разложено его сокрушительное фиаско.

Ухмыляясь, Геб развернул свои карты. Комбинация также была не из лучших. Всего лишь «пайр», то есть пара:

Две девятки, туз, валет и четверка.

И все же — результат для всех был очевиден. Великий Джулиан Ши проиграл...

* * *

Четыре часа спустя демиург Нуль-Корпорации, создатель кластера Тайра, состоящего из десятка искусственных звезд и сотни планет, один из богатейших акционеров Искусственного Мироздания, а также глава правительства Нулевого Синтеза в отставке по имени Джулиан Эдмунд Ши, медленно поднялся из-за стола.

Богатейшим, впрочем, он уже не был. Все, что оставалось сейчас в его собственности, висело на нем самом — дорогой костюм за двенадцать талантов, часы за пятьдесят талантов, мокасины за сорок тысяч душ, и старинный бластер пистолетного типа с рукоятью стоимостью душ двадцать. Дороговизна часов объяснялась как количеством украшавших их бриллиантов, так и древностью — Джулиан хвастался иногда, что с несколькими реставрациями и заменой частей на точные копии из божественного металла часы ведут свой рабочий путь едва не с Древней Земли... Пистолет, пистолет... «Ведь я вооружен, — вдруг подумал Джулиан, — Более того, я был вооружен все время пока шла игра!» Эта мысль почему-то сильно его смущала...

Усиленная работа мозга, как видно, отразилась на его лице. Настолько, что Габриэль, взглянув на удрученное лицо его превосходительства бывшего главы правительства, игриво рассмеялся. Смех был радужным, искристым как у ребенка.

— Да не печальтесь вы так! — воскликнул он, как будто читая мысли ободранного им мультитриллионера. — Вы же демиург, бывший глава правительства, ваше имя известно каждому школьнику агнату. Вернете вы свои деньги!

— И раньше, чем вы думаете, — злобно проскрипел Джулиан, ворочая губами как многокилограммовыми бревнами, поскольку взбунтовавшийся рот и язык все еще слушались его плохо. — Я не вполне понимаю, что тут произошло, но прекрасно осознаю, что по собственной воле на такие ставки я играть с вами не стал бы! Это подлог.

Рот слушался плохо, но все же слушался. Как только был пройден последний круг последней игры, давление на его разум ослабло. Джулиан чувствовал это. Он снова мог быть собой!

— Да что вы? — отозвался на его фразу Габриэль. — Вы же сами играли на повышение, Джулиан. Вон, все записано на камеру. К тому же есть свидетели. К чему эти ссоры?

— И вы хотите сказать, что на меня не оказывалось воздействие? Да у вас тут, я уверен, весь кластер кишит тшеди-экстрасенсами! Я был главой правительства, надеюсь, вы не забыли это! И я отлично помню доклады сотрудников ССБ о том, что творится в некоторых частных кластерах демиургов! А этот... этот ваш Эс Си Рукс. Вы хотите сказать, он тут просто так! Да от него несет присутствием тшеди за километр!

— У вас на поясе аппарат, сударь, — как ни в чем не бывало, парировал Геб. — Помните? В своем пригласительном письме я специально просил вас его привезти. Аппарат исправен и должен фиксировать воздействие пси-волн. Можете проверить, заказать экспертизу, но лучше — поверьте мне на слово, ибо я знаю, о чем говорю. Никакого псивоздействия не было. Волны не зафиксированы, потому что их нет. Это факт!

И он показал пальцем на маленькую коробочку, закрепленную на поясе бывшего акционера. Нервно подергивая губой, Джулиан сорвал короб с пояса. Постучал ногтем по скрытым тугим клавишам интерфейса, осмотрел миниэкран. По всему выходило, что Геб прав — машинка работала как часы — исправно. Значит — пси-волн во время действия игры действительно не зафиксировано. Ни гипноза, ни иллюзий, ничего. Но каким образом тогда возможно то, что совершилось?

Удвоивший свое состояние акционер Нуль-Корпорации Габриэль Елисей Бруно тем временем встал и прошелся меж спящих обнаженных агнаток, которые все это время так и

валялись на полу в бесстыжих позах.

— Тшеди у меня есть, я не спорю, — заявил он Джулиану совершенно спокойным тоном, — и хапи Рукс здесь, разумеется, не случайно. Он помогает мне в ряде... в ряде личных проектов. Однако к нашей сегодняшней игре господин Рукс не имеет ни малейшего отношения. Не верите? Если хотите, мы можем проверить исправность вашего прибора так сказать на практике. Саймон, будьте любезны, пригласите сюда моих мальчиков.

Рукс щелкнул пальцами и по этому едва слышному, учитывая размеры искусственного грота сигналу, в помещение вбежали двое. Тоже в ошейниках, полуголые и тоже с кольцами в носу.

«Агнаты!» — прорычал про себя Джулиан.

Первый агнат был мальцом лет десяти — хрупким и тонкокостным. Второй выглядел старше, но также — не более чем юнец, возрастом, может, лет пятнадцать. Оба живо подбежали к Габриэлю, семеня ножками точно так же, как за несколько часов до этого делали уснувшие рабыни, и, пав на колени, облобызали Габриэлю обувь. Именно так — облобызали, почистили языками, а не просто прикоснулись к ним кожицей губ. Джулиан скривился и почувствовал, что сейчас его затошнит — он терпеть не мог подобных варварских унижений агнатов. Мальцы тем временем встали и уставились на Джулиана тупыми ничего не выражающими глазами. Взгляды их казались взглядами слепых: зрачки глядели в одну точку, не отрываясь. Точкой было — солнечное сплетение Джулиана Ши.

— Первый, покажи ему! — скомандовал Геб.

Первый из мальцов, что постарше, чуть поднял ручонку. Карты взлетели над столом и завертелись, построились в хоровод. Затем, вместе с картами вверх вспорхнул стол, он оторвался от земли на несколько сантиметров и сделал плавный круг вокруг своей оси — так плавно, что напитки, стоящие на столе почти не покачнулись.

— А теперь второй, — снова попросил Геб, — давай!

«Второй» — десятилетний мальчонка — развел руки в стороны ладонями вверх.

Карты, кружившиеся уже у самого лица отставного властелина вселенной, внезапно исчезли, затем появились вновь. Стали прозрачными, затем снова — плотными, как обычно. А затем незаметно, так резко, что глаз не успевал следить за изменениями, на них стали меняться картинки. Туз сменился дамой, валетом, королем, тройкой, пятеркой.

Огромным усилием Джулиан справился с охватившим его волнением и посмотрел на свою ладонь.

Сорванный с пояса аппарат сейчас выл и стenal, перемигиваясь всеми огнями. Пси-волны наполняли помещение от пола до потолка!

— Я мог бы обыграть вас, Джулиан, с помощью моих мальчиков довольно легко! Первый манипулирует предметами. Второй, как вы поняли, создает иллюзии. Однако это не засчиталось бы мне в качестве официальной победы. Пси-воздействие во время игр запрещено! Контракт, подписанный вами перед началом игры, был бы недействительным. Именно поэтому я и попросил вас взять с собой на игру детектор.

Он ткнул рукой в визжащий на ладони Джулиана прибор.

— Кроме того, — продолжил Габриэль, — моя честность подтверждается видеозаписью и свидетельством двух других игроков. Вы сами приехали на мое приглашение, сами отослали свою охрану и консультантов, сами играли на повышение ставок и сами проиграли, в конце концов! Все честно!

— Но я же чувствовал! — прорычал Джулиан. — Я же чувствовал давление на свой мозг вполне отчетливо. Мой рот говорил совсем не то, что я хотел сказать, мои руки делали то, что я вообще никогда не умел!

— Вот именно! — воскликнул Габриэль. — Вот именно — ваш собственный рот и ваши собственные руки, хапи. Вернее — уже не «хапи», а «сикх». Скажите спасибо им — собственным непослушным органам... Ну достаточно. Выключите камеру!

Артели дал знак одному из слуг, и камеры отключились. Впервые с того момента, как Джулиан Ши вошел в этот зал, все снова стали самими собой. Он мог управлять своим

телом, а прочие — не играли дешевый спектакль.

Габриэль осклабился. Артели нервно теребил карман дорогого хитона. Эс Си Рукс отвлеченно наблюдал за золотыми рыбками, что плескались в искусственном ручейке. Искусственные клоны-экстрасенсы по-прежнему сверлили солнечное сплетение Джулиана мертвыми взглядами. Спящие голые агнатки по-прежнему валялись на земле. Раб над столиком по-прежнему оставался согнут в полупоклоне. Воздух над беседкой застыл, словно превратившись в густой кисель.

— Признайтесь, Джулиан, вы проиграли, — заявил Габриэль, совсем другим тоном, нежели тот, который он использовал последние четыре часа. Голос его стал груб, невежлив. Он общался с Джулианом теперь как палач общается с жертвой — как будто бы с мертвецом. — Того, что мы записали на камеру, того что зафиксировал ваш прибор вполне хватит для доказательства моей невиновности. Все остальное — бред. Вы стали нищим, мой старший, великий друг. Вы, бывший наместник Искусственного Мироздания, теперь ничто, просто прах!

— И вы думаете, вам это сойдет с рук? — Джулиан осклаился, как раненый тигр. — Как только я выйду отсюда, мне будут не нужны ни доказательства вашей виновности, ни показания моего прибора. Это какой-то фокус. Неужели вы действительно решили, что, придумав эту глупую шутку с неработающим детектором, сможете уничтожить меня. МЕНЯ! Джулиана Эдмунда Ши! Архонта, экс-главу правительства Корпорации?! Да я сотру вас в порошок без всяких доказательств. Моих связей, преданности и могущества моих друзей мне хватит, чтобы покончить с вами, милостивый государь! Вы зарвались, Габриэль, вы просто зарвались!

В ответ Геб скромно пожал плечами.

— В вашем воодушевляющем монологе... сикх, есть один момент, который я нахожу очень существенным для дальнейшего развития ситуации. Знаете какой? Вы сказали — «как только вы выйдете отсюда!». А вот выйдете ли вы? Я прекрасно осознаю ваши возможности бывшего главы правительства, и, поверьте, на одно лишь отсутствие доказательств я ставку не делал! Выход там, мой дорогой гость. Ну?! Выходите!

— Только после вас!!!

Величественным, но резким жестом, Джулиан выбросил левую руку вверх!

Самыми опасными ему представлялись, конечно, тшеди.

«Первый» рухнул первым — сраженный потоком пламени, вырвавшимся из руки! Жар был столь сильным, что «первый» даже не загорелся — он просто обратился в прах, в тлеющий уголь, едва напоминающий своей формой человеческую фигуру. В гроте мгновенно стало ужасно жарко. Поверхность ручья, которой бешеный поток ревущих огненных языков коснулся лишь самым краем, испарился с густым белым паром, обдав стоящих в беседке противников горячей волной.

«Второй» юный тшеди пытался сопротивляться. Реакция его была просто великолепной. Окружающий мир — исчез. Перед глазами Джулиана разверзлась бездна, а ноги — рухнули в пропасть. Из тьмы, поглотившей мир, появилась зубастая пасть — чей-то чудовищный лик, очевидно, его личное, Джулиана, воплощение ночных кошмаров и детских страхов. Но Джулиан рассмеялся — иллюзии его не пугали! Тот, первый тшеди мог быть на самом деле опасен — мог метнуть стол или что-то иное в голову демиурга, мог просто поднять и стукнуть Джулиана о каменный пол. Создание же иллюзий — всего лишь ничемный фокус!

Развернувшись в чреве бездны вокруг собственной оси и просто не глядя на пронзившие его фантомные стрелы, летящие камни, монстров и прочую ерунду, которой оперировал «второй», чтобы напугать Джулиана, бывший глава правительства Нуля просто опалил пространство перед собой потоком всепожирающего огня.

Бездна и лик чудовища — мгновенно исчезли в небытие. Джулиан снова находился перед беседкой в искусственном гроте для закрытых картежных баталий. Вот только беседки уже не было — дымил лишь обугленный остов. Не было и маленького «второго» тшеди —

его тело медленно оседало на землю в виде пепла и обратившихся в угли костей.

Мгновением позже, с брызгами и фырканием, творец экстрасенсов Эс Си Рукс выпрыгнул из воды — по всей видимости, он спасся в ручье от пламени Джулиана. Артели, лишившийся половины лица, с которого свисали теперь пропеченные лохмотья мяса с золотистой корочкой, катался по земле и иступленно кричал от боли. Агнатки, лежащие на полу, а потому не задетые пламенем, как и прежде, валялись, раскинув ноги. Даже близость смерти не могла их пробудить, не могла побороть пси-команду.

И только Габриэль, оказавшийся в момент схватки чуть в стороне от огненной атаки, стоял с невозмутимым видом. На губах его играла презрительная усмешка, в зубах — тлела пожеванная сигара. Похоже, сукин сын был ничуть не испуган! Джулиан уже поднял руку, чтобы спалить его к чертям собачьим вместе с Руксом и спящими агнатками, как вдруг осекся. Тон, в котором Геб обратился к нему, совершенно обескураживал.

— Бластер, мой господин, — сказал организатор безумного покера, — на вашем поясе висит лучевой пистолет. Я всегда восторгался способностями некоторых тшеди к пирокинезу. Но к чему здесь эти игры с огнем? Спалили мне беседку... Моих мальчиков можно было убить, элементарно пристрелив их из бластера, как собственно, и делали предыдущие игроки на вашем месте. Кстати, и «первый» и «второй» уже клонируются, через полчаса они будут воскрешены.

Джулиан медленно опустил глаза вниз. И действительно, ведь все это время с ним его был пистолет! Древняя «правительственная модель, тип 1», поступившая на вооружение задолго до появления моды на наручные эстиметы, в отличие от современной «правительственной модели, тип 2», выпускалась в форме обычного пистолета с рукояткой и стволом, а не в форме элегантной перчатки. Когда-то этот тип пистолета считался лучшим ручным оружием, из когда-либо созданных человечеством. Но суть заключалась в ином — с бластером на поясе любой уличный бомж по уровню смертоносности становился ровней «огненному богу» Джулиану Ши. Заряженный активированный бластер вполне способен заменить его «боевой палец». Конечно, способности Джулиана к пирокинезу уникальны, среди безоружных людей — он просто бог, ангел, дьявол, дух пламени. Однако банальный лучевой пистолет гарантирует почти тот же уровень смертоносности. И что это, в душу мать, значит? То, что Гебу плевать на его способности?!

Джулиан поднял глаза в предвкушении самого страшного. В конце концов, подумал он, ему нужно просто выйти отсюда. Просто выйти и добраться до корабля. А дальше — посмотрим.

Он развернулся, чтобы сделать шаг к выходу, и... никуда не пошел. Развернулись — только корпус и голова. Ноги остались на месте.

Габриэль расцвел наглой рожей.

— Я могу объяснить, почему не работает ваш аппарат для пси-волн, — заявил он, смеясь. — Пси-волны фиксируются, если экстрасенс воздействует на удаленный объект. Один из моих воспитанников научился делать уникальную процедуру — переселять свою матрицу в другого человека. Он не воздействует на вас снаружи, он — внутри вас! Так что в данном случае аппарату просто нечего фиксировать — внешнего воздействия нет. Процедура на самом деле знакома любому жителю Корпорации — это обычный хеб-сед, но с единственным отличием! Когда происходит хеб-сед, аппаратура реинкарнации помещает чужую матрицу в голову свежесозданного клона, лишённого как личности, так и памяти. А в нашем случае мой раб поселился в вашей голове, оставив вашу личность не тронутой. Отсюда и результат — он контролирует ваше тело, но вы все помните и осознаете. Кстати, когда вы умрете, разум «наездника» благополучно вернется в собственное горбатое тело. Всего лишь.

Воздух залило тишиной. Выдержав ужасную паузу, за которую стуки сердца долбились об его ребра разрушительным чугунным тараном, Джулиан Ши захрипел.

— Вы убьете меня? — сквозь разливающийся по членам ужас спросил он.

— Ну что вы, — махнул рукой Габриэль, — какая банальность! Разумеется, ни я, никто

из моих слуг вас и пальцем не тронет! Это вы тут устроили огненный бал... Нет, я вас не убью. Я даже не буду видеть, как все это произойдет. Все сами, мой друг, своими руками!.. В соседнем гроте по-прежнему включены камеры и нет никого из моих слуг. Мой горбун стоит там на балконе. Он вам поможет.

Нога Джулиана сделала шаг вперед. Затем еще один, и вот уже все тело быстро засеменило к выходу из грота. Горбун? Шея еще слушалась демиурга, и он отчаянно завертел головой. В окружавшем пейзаже чего-то не хватало. Вот лежащие навзничь агнатки, вот из воды выкарабкивается мокрый, как гусь, Эс Си Рукс. Артели — затих, возможно, издох и уже хебсидируется где-то... Габриэль — ухмыляется, тшеди — «первый» и «второй» — мертвы. А где же слуга, тот, «четвертый», согнутый в полупоклоне все время, пока они играли? Его не было здесь. Где горбун?!

Он ждал его на балконе.

Ноги вынесли Джулиана из игрового зала через массивную каменную арку — в первый нефритовый грот, через который он вошел в клуб несколькими часами раньше. Ноги остановились. Камеры висели тут повсюду — под потолком, на стенах. На высоком балконе, куда не доставал их немигающий, беззвучно записывающий все происходящее взгляд, стоит одинокий горбун, скрюченный в полупоклоне ничтожный раб. Властелин, поселившийся в его мозге. Глаза агната оставались закрыты — и, правда, зачем они ему? Ведь он смотрит глазами захваченного им тела!

— Как и во всех казино, — услышал он чьи-то слова прямо внутри своего мозга, — в «Клубе демиургов», в стенах которого вы только что проиграли свое состояние и жизнь, работает поле угнетения. Это поле подавляет энергетическую систему некоторых электронных устройств. Однако наше поле — особое. Оно подавляет электронные системы выборочно. Ваш бластер, в частности, находится в рабочем состоянии. Давайте возьмем его в руки.

Джулиан нервно облизнул внезапно ставшие очень сухими губы.

Независимо от мозга, рука потянулась к поясу и достала оружие.

— В гроте не работают приборы, связывающие вас с глобальной Сетью, — продолжил внутренний голос, — в том числе нейрошунты, хранящие вашу матрицу на случай случайной смерти. Здесь, господин, вы отрезаны от системы хеб-седа. И если умрете, эта смерть будет навсегда. Создание подобных систем подавления разрешено законом, ведь это частный кластер. К нам в гости приезжают разные люди, многие из них тшеди, с разными способностями. Пирокинез, поверьте, не самый опасный из них. И вы не первый, если вас это успокоит. Наши гости — игроки, игроки иногда проигрывают. Участь проигравших печальна...

Большой палец бывшего главы правительства коснулся предохранителя. С легким щелчком, тот сдвинулся вниз. Тонко пискнув, «правительственная модель» мигнула детекторами заряда — пистолет изготовился к стрельбе.

Джулиан тихо заплакал.

Кажется, будучи бессмертным, он должен был панически бояться смерти, но почему-то давно ее не боялся. Плакал Джулиан не из страха, а от досады. Миллионы лет не могли закончиться настолько банально и глупо. Настолько... бессмысленно ради всего лишь мошенничества, ради презренных денег.

Холодный ствол бластера коснулся его виска.

Слезы потекли по щекам ручьем. Плечи грозного демиурга задрожали как у обиженной девушки. Наверное, те, кто будет потом просматривать записи камер, и вправду решат, что он сошел с ума, проиграв все свое состояние...

Палец коснулся спускового крючка.

Сквозь щемящее чувство досады, сквозь осознание собственной глупости, сквозь ненависть к Бруно и обиду на дуру-судьбу глаза Джулиана уперлись в самое первое, что он увидел, войдя в этот грот.

«Габриэль Елисей Бруно», — горела надпись над входом.

Имя убийцы сверкало, искрилось и отражалось в глазах его жертвы.

Ослепительно яркий луч лизнул вспотевший висок павшего демиурга и... тут же вырвался тонкой ниткой с другой стороны головы.

Имя убийцы стало последним, что увидел великий Джулиан Ши в своей долгой и, как ему казалось, бессмертной жизни.

Квितिование 12

Йенг говорит

Искусственное Мироздание. Возврат.

Кластер Седан. Особый Центр ССБ

Агнатка пожала плечами.

— Понятно, — сказала она, поставив кружку с чаем на стол, — но от чего вы решили, что именно Габриэль Бруно является моим Заказчиком?

Йенг усмехнулся.

— Нить логики тут проста, — ответил он. — Вернитесь на три месяца назад и подумайте сами. Внести ясность в дело могли только три человека — Артели, Рукс и вы сами. Но Артели ничего не знает, кроме того, что получил деньги за создание некоего странного клона по переданной ему матрице. Рукс пал от вашей руки на яхте «Москит» и хотя он наверняка воскрешен, — мы понятия не имеем, где можно его найти. А вы — сбежали. Все! Три нити обрублены, свидетелей не осталось. Тогда мы стали просто вычислять всех лиц, кто мог бы иметь мотив для убийства господина Сэта. К сожалению, к числу субъектов, готовых на все, чтобы заполучить Галерею Сандара, можно отнести почти всех более-менее старых акционеров Нулевого Синтеза — что-то около пяти-семи миллионов индивидов. Просчитать их всех конечно же было невозможно.

Тогда, — продолжил Йенг, — я решил подойти с несколько другой стороны. Конкретно — изучить контакты Рукса за последние несколько месяцев. Но и тут мы зашли в тупик. С большинством своих заказчиков Рукс лично не встречался, а общался с ними через Информационную Сеть. Через Сеть Рукс принимал заказы, через Сеть он получал за них деньги... Существовало всего несколько человек, с которыми Рукс умудрился встретиться лично. Среди них был и пресловутый Габриэль Бруно. Собственно, личное общение Габриэля с Руксом ничего не доказывало, скорее наоборот. Поскольку большинство настоящих заказов согласовывалось Саймоном через Сеть, можно было допустить, что Саймон и Габриэль встретились друг с другом не по делу, а по каким-то иным причинам, например, по дружбе. Тем не менее тень подозрения на мистера Бруно пала. Эта «тень» подкреплялась еще одним соображением. Задолго до инцидента в школе Артели Габриэль Бруно уже был замечен ССБ в выращивании особого рода тшеди и в нескольких странных махинациях в сфере игрового бизнеса.

— Даже так? — удивилась Катрина.

— Даже так, — подтвердил следователь. — Подробности я с вашего позволения упушу. Коротко могу сказать одно: мысль о возможной причастности Габриэля к делу о сбежавшей секс-агнатке сразу запала мне в душу, поскольку за этим субъектом я уже давно и пристально наблюдал.

Катрина хмыкнула, длинным пальцем растерла на столе несуществующую пылинку.

— Я очень уважаю человеческую интуицию, — заметила она после этого, — но мне кажется, что одних подозрений в таких делах маловато. Обобщая, можно сказать следующее: вы и понятия не имеете, кто является Заказчиком на самом деле. Есть некий акционер по имени Габриэль Бруно, «очень плохой» по определению, поскольку он (опять же — вероятно) замешан в других подозрительных делах. И поскольку он априори представляет собой зло, вы подозреваете его бездоказательно. Я права?

Смуглое лицо Йенга стало похоже на восковую маску.

— Не совсем, сударыня, — ответил он.

— И где же загвоздка?

— В опыте, — пояснил Йенг. — У вас его нет, а у меня — можно черпать лопатой, простите за неудачное сравнение. Дело тут не просто в интуиции. Как человек, раскрывший множество сложных махинаций в сфере безопасности Корпорации, хочу вам сообщить банальную истину: большинство удачных разоблачений начинается с интуитивных подозрений. Практически не существует серьезных, продуманных преступлений, которые можно раскрыть, идя по следам. Я говорю вам это как нукер с более чем четырехсотлетним стажем. Почти всегда, когда мы в конечном итоге берем преступника, мы начинаем не с улик и доказательств, а с бездоказательных теорий и допущений, с анализа возможных мотивов подозреваемых лиц... Ошибаемся, конечно, случается. Но без этого нельзя. Иногда ошибаемся, но чаще — побеждаем. Вы понимаете?

Он снова подлил ей чаю.

— Моя убежденность в причастности господина Бруно основана не только на подозрениях в совершении им других нарушений. Могу заявить, что в некотором смысле Габриэль — это одно из проклятий Корпорации. Древнее имя Габриэля Елисея Бруно звучит как Геб, что тоже — аббревиатура. И ваше определение его как носителя «априорного» зла — весьма точная характеристика.

— Вы серьезно? — фыркнула Кэти.

— Серьезней не бывает! Даже в правительстве Корпорации не имеют понятия об истинном возрасте Габриэля и его связи с очередным в этой истории давно умершим божеством. Только в ССБ такие вещи известны наверняка. Габриэль — это Геб. Пятьсот тысячелетий назад, то есть относительно недавно, если речь идет о возрасте акционера, тайком от общественности Господь Геб возрожден после Упокоения.

— Еще один Бог? — грустно усмехнулась Катрина.

— Еще один, — согласился Йенг. — Но вы ведь осознаете, что божественные эпитеты, традиционно применяемые к некоторым наиболее старым акционерам Корпорации Нулевого Синтеза, совершенно лишены того мистического содержания, которое вкладывали в подобные слова наши предки? Божественность древнейших акционеров — это дефиниция их могущества, а вовсе не признание за ними сверхъестественного статуса настоящего Божества. Великий Ан-Нубис, как известно, был христианским римлянином-византийцем и носил крест, что, впрочем, совсем не помешало ему назваться Богом перед своими созданиями самолично. Кстати, со всей убежденностью могу сказать, что древние Божества, имена которых присвоены ровесникам Учредителя и ему самому, если они, эти божества, когда-то реально существовали, на самом деле не могли даже сравниться по мощи с величайшими из современных акционеров-богов!

— Да бросьте! — мотнула головой Кэти, пытаясь воскресить в памяти некоторые, встречавшиеся ей во время блужданий по Сети религиозные тексты. — Если не ошибаюсь, определение Бога — это «вечность», «всезнание» и «всемогущество», три знаменитых «В». Кто из ваших хваленых акционеров Нуля может похвастать подобным?

— А кто не может? — парировал Йенг. — По сути каждый из них фактически вечен, фактически всемогущ и обладает фактическим всезнанием. На практике это означает, что благодаря веб-седу демиурга-акционера невозможно убить, демиург-акционер способен творить миры по своему усмотрению и в пределах сотворенного им мира, населенного агнатами, способен властвовать совершенно бесконтрольно. Что же касается всезнания... Возможности акционеров по доступу к Сети огромны. В отличие от обычных когнатов, творцы собственных миров могут узнать почти все, для них закрыты только файлы Учредителя да некоторые частные информационные галереи других акционеров, подобные Библиотеке Сандара. В Сети нет ограничений для владельцев акций Корпорации!

— И все же их мощь не абсолютна, — возразила Катрина. — Вот, например, вы утверждаете, что боги-акционеры бессмертны. Однако совсем недавно я лично видела

смерть старейшего из них, Эливинера. Вы говорите, что боги-акционеры всезнающие. Однако смерть Эливинера была продиктована как раз тягой некоего акционера к запретным знаниям, разве нет? И, наконец, вы утверждаете, что боги-акционеры всемогущи. Но и это ерунда! Я говорила с Эливинером и знаю, что даже обладатель собственного закрытого мира, огромного состояния и миллиарда лет жизни существовал в вечном страхе перед нападениями на свой кластер. Для всемогущего божества страх неприемлем, согласитесь.

— Ну что же, — вздохнул тогда Йенг, — попробую убедить вас по-другому. Три знаменитых «В» Бога, о которых вы упомянули, в той или иной степени применимы только к одному существу, не так ли? К АБСОЛЮТНОМУ БОЖЕСТВУ! А существование двух или более абсолютных божеств невозможно по определению, акционеров же в Корпорации на данный момент при 10 в 1.000.000.000.000.000 степени кластеров существует не более миллиарда человек, то есть ничтожно мало по сравнению с остальным населением Корпорации, но все же больше, чем один. Верно? К тому же из названного миллиарда на звание Божества претендуют не более десятка оставшихся в живых спутников Ан-Нубиса, то есть наиболее старые из акционеров, ровесников Учредителя, уроженцев Древней Земли, видевших само Сотворение Искусственного Мироздания. Демиург Рукс, например, Божеством не считается и божественного имени не имеет. Демиург Бруно, напротив, считается божеством и зовется Гебом... Таким образом, мы приходим к достаточно простой схеме: Абсолютное Божество, обладающее тремя «В» в полной степени, существует в единственном числе, — резюмировал нукер. — Это сам Учредитель Нуля, именуемый нами Богом Смерти Ан-Нубисом, а прочие акционеры — всего лишь его подобия. Можете называть их ангелами, спутниками и слугами Бога, но по мне — они больше похожи на безумных и пресыщенных языческих божеств. Злобные, сильные, могучие, но, конечно, не всемогущие, не вечные и не всеблагое. И, разумеется, не всезнающие, а часто — вообще ограниченные и бездушные ублюдки, несмотря на свой возраст. В этом смысле убитый вами Эливинер был уникальным акционером Нуля. Э-э... я бы назвал его... «гуманным», да простит меня Бог. Тот, который Иешуа, разумеется, а не...

— А вы хорошо его знали? — перебила Катрина.

К ее удивлению, Йенг немного смутился.

— Иешуа?

— Нет, Эливинера.

— В отношении обоих, — ответил следователь, — я только знакомился со служебным досье. Оно впечатляет, особенно у второго. Однако даже Сэт-Эливинер по сравнению с Гебом покажется вам ребенком. Если позволите, я расскажу вам, много времени это не займет.

ГОСПОДЬ ГЕБ (рассказ Йенга)

Габриэль Елисей Бруно родился около пятисот тысячелетий назад в закрытом кластере Пелла от одного из богов-акционеров и клонированной секс-агнатки. Изначально Геб представлял собой совершенно непримечательного молодого человека, унаследовавшего от отца (кстати, вскоре умершего последней смертью) только хорошую внешность, умственные способности и отменное здоровье. Из состояния предка ему не досталось ничего, но бессмертный папаша, скончавшийся всего триста тысяч лет спустя после рождения отпрыска, то есть очень скоропостижно, устроил сынка на правительственную службу в Департамент геноцида. Последнее обстоятельство встречается довольно редко, обычно боги-акционеры не проявляют заботы о своих детях и оставляют их в качестве агнатов при себе в частных кластерах.

Между прочим, по одной из версий, муслировавшихся некогда в штабе ССБ, выходило, что отец Гэбриэля — это сам Учредитель, бог Смерти Ан-Нубис, скрывавшийся в то время под личиной молодого акционера.

На тот момент я не знал, правда ли это. Я ведь инспектор ССБ, а не провидец. Но версия звучала и казалась вполне вероятной. Известно ведь, что свою вечность Творец мироздания коротает преимущественно под чужим именем. Претворяясь то малоизвестным акционером, то преуспевающим когнатом. Лишним фактом, подтверждающим эту версию, являлось и то, что отец Габриэля скончался почти сразу после его рождения, очень рано для акционера. Объяснений этому могло быть два. Первое — его психика вследствие индивидуальных особенностей оказалась слишком слаба для бессмертия, второе — это и был сам Учредитель. Ему надоело жить в данной конкретной личности, он убил себя и воскрес в каком-то другом теле.

Но вернемся к Габриэлю.

После его устройства на правительственную службу все пошло по накатанному. Обычная история преуспевающего карьериста, которому помогает простейшее обстоятельство — собственные способности и трудолюбие. После окончания спецкурсов Кадрового Департамента выяснилось, что Габриэль — тшеди, причем отменного уровня. А для сильных тшеди-экстрасенсов, как вам известно, в Нуле открываются захватывающие перспективы.

Отработав на Нуль-Синтез несколько предписанных контрактом десятков тысячелетий, Габриэль становится акционером и выходит на пенсию. Далее — также стандартно. Он копит деньги, делает удачные вложения, обрастает акциями Корпорации. На удивление прочих, более старых демиургов-акционеров, Габриэль оказался очень целеустремленным, вдумчивым и осторожным волчонком. И на сегодняшний день, как я уже упоминал, является одним из наиболее богатых существ Искусственного Мироздания.

Только спустя несколько тысячелетий мы поняли, что имеем дело вовсе не с юным удачливым акционером, а именно с воскрешенным Господом Гебом — одним из сподвижников Ан-Нубиса, существом столь же древним как Сэт-Эливинер, как вы и... бог мести Гор. Разумеется, это всего лишь гипотеза, теория, она до сих пор не имеет твердых доказательств, однако наши эксперты по «божествам» древности утверждают, что этим гипотезам стоит доверять. Мы опираемся на множество косвенных признаков, таких, например, как особенности личностного психотипа, манеры речи, привязанности к общим знакомым и старым контактам, поведения, мимики, множества различных совпадений в других областях, а также склонности Габриэля к некой старинной символике, присущей древнему, давно успокоенному господу Гебу...

Конкретно замешан он вот в чем. В недавно открывшихся казино его частного кластера Роза, который вам вскоре придется посетить, по очереди проиграли свое состояние, а потом застрелились несколько известнейших акционеров. Явных доказательств причастности Габриэля к этим убийствам и нет, но... есть элементарная логика!

Мы полагаем, что на Габриэля работает несколько Других, подобных вам сверхтшеди, способных на сознательное перемещение своей матрицы разума в головы других людей. Вероятнее всего — это дети, мальчики и юноши от семи до девятнадцати лет. Более старших он попросту убивает. Геб старается изображать из себя полового извращенца, причем иногда — весьма схоже. Однако на самом деле психически он вполне здоров. Слухи о его предосудительной ориентации — это только причина повсюду таскать с собой супертелохранителей, на вид — постельных мальчиков-агнатов, а на самом деле — ужасающих тшеди, пожалуй, самых страшных в Искусственном Мироздании.

В казино, как я понимаю, происходит следующее. Один из его мальчиков-тшеди заранее переносит свою матрицу сознания в мозг «носителю» — богачу-акционеру, избранному Гебом в качестве жертвы. Это что-то вроде хеб-седа, вот только разум «наездника» пробуждается не в теле свежесвыращенного клона без памяти и личности, а в тело полноценного разумного человека. Происходит классическая реинкарнация, переселение душ, но без специальной аппаратуры, без компьютеров и без машин! Разум тшеди перемещается в голову к жертве и, таким образом, приборы не фиксируют внешнего пси-воздействия на мозг жертвы.

Затем Геб приступает к игре. Жертва играет, причем обычно сама настаивает на высоких ставках. Проигрывает, затем выходит из зала, по собственной воле отключается от системы хеб-седа и простреливает себе голову из пистолета. Схема — проста до гениальности! Геб получает денежки и — не получает проблем. Ни с мщением ободренных до нитки «носителей», ни с полицией — ведь доказать ничего не возможно! Он специально фиксирует эти «игры» на видеокамеры. Разум тшеди-наездника после смерти носителя переносится обратно в тело дрессированного мальчонки. Идеальное преступление!

— А что же происходит с памятью и разумом самого носителя? — прервав монолог собеседника, спросила Катрина.

— Раз хеб-сед отключен, при выстреле в голову мозг разрушается, и личность гибнет, — спокойно ответил Йенг. — Жертва умирает последней смертью, без шанса на возрождение.

— Но это же... настоящее убийство!

— Именно, сударыня. Мы давно привыкли, что живем в мире без смерти. Каждый умерший воскрешается в палатах хеб-седа. Все убитые вами на Буцефал-Шестимирье, кроме «стертого» Эливинера, будут возрождены. Рукс, убитый вами на «Моските», также оживет, если уже не ожил. И только в случае с казино Габриэля воскрешения жертв не произойдет. Лучшие люди, прославленные и древнейшие из жителей Искусственного Мироздания, умирают в кластере Геба окончательно и навсегда. Я бы назвал это «Убийством» с заглавной буквы. Последней и истинной смертью для вечного бессмертного существа! Вы понимаете теперь, в чем состоит опасность Габриэля для нашего привыкшего к хеб-седу общества? Геб — единственный за последние тысячелетия подлинный убийца!

Йенг развел руками.

— К сожалению, — продолжил кривоногий следователь, — у нас нет серьезных доказательств, свидетельствующих о причастности Геба как к делу о пробуждении бога Гора, так и к делу о самоубийствах богов-акционеров в его казино, кроме самой логики событий. А одной только логики для закона явно не достаточно.

Он поставил пустую чайную чашку на стол.

— Но у логики есть одна потрясающая особенность, — продолжил Йенг, скрестив руки на колене. — Логика не всегда основана на фактах. Иногда, она эти факты порождает самостоятельно!.. Вот подумайте, мы не знаем точно, что Габриэль и Заказчик агнатки Катрины — одно и то же лицо. Но что знает сам «Заказчик»? Еще меньше, чем мы!..

Заказчику известно, что ССБ идет по его следу... Заказчику известно, что Правительство Корпорации весьма насторожено постоянными сообщениями о гибели бессмертных акционеров в его игровом кластере... Заказчику известно, что его план — с убийством Эливинера и похищением Галереи Сандара — вполне удался. Эливинер мертв, Галерея скачана, сам кластер разрушен. Но знает ли он, что случилось с созданным им «орудием преступления»? С секс-агнаткой Катриной, несущей под черепом матрицу бога Гора?.. Нет!

В момент, когда взорвалась вселенная Эливинера, когда взрывная волна накрыла кольцо Галереи, в которой вы находились, в кластере уже не осталось наблюдателей. А значит Геб не может быть уверен ни в чем!.. И что он сделает, если вдруг обнаружит вас живой и здоровой? Задающей вопросы, ищущей его в собственных частных доменах? Привлекающей к нему внимание ССБ?

Вспомните подробности, кластер Буцефал погиб второго дня месяца тот. Смертоносное излучение помчалось от взорвавшихся звезд. От момента первого взрыва до уничтожения кольца Галереи и Катрины Беты, находившейся в ней, должно пройти всего две с половиной минуты. Могла ли агнатка Катрина успеть скрыться из кластера за это время?.. Логика говорит — не могла, так как ближайший портал находился от входа в Галерею слишком далеко... Но гипотетический Заказчик не был там в эти две с половиной минуты. И не может быть уверен, что беглянка Катрина не вызвала к себе какой-нибудь системный корабль из тех, что болтались на месте орбиты сгинувшего Табу. Что он не смогла разобраться в

системе космических координат для бегства, не смогла открыть портал в безопасный кластер с помощью такого корабля и просто не смогла выжить. Особенно — учитывая ее способности сверхтшеди. А уж если она смогла сбежать с Буцефала, то перед ней разворачиваются грандиозные перспективы. Катрина Бета — это пси-оператор с уникальной способностью воздействовать на компьютеры. И теоретически, вернее — очень теоретически, если бы вы были знакомы с принципами нашей финансовой системы, вы могли бы залезть в любой уличный комп на одной из союзных планет, зарегистрироваться в качестве свободной когнатки под другим именем, открыть на свое имя счет и перевести на него деньги как опытный хакер. Я понимаю, что практически это не возможно, ибо кроме способностей воздействовать на компы нужно еще и иметь хоть малейшее представление об особенностях нашей регистрационной и банковской систем, но... кто может быть в этом уверен на все сто процентов? Во всяком случае — не Заказчик.

А теперь представьте, — Йенг возбужденно потряс руками, — мы знаем, где сейчас находится хапи Габриэль Бруно. Эти сведения — не секрет. Игровой кластер Роза, его постоянная и бессменная резиденция. Следовательно, как компьютерный взломщик его местонахождение может знать и Катрина... Мы высадим вас прямо у него перед носом, понимаете?! Мы высадим вас с банковской карточкой, подложной, разумеется, но сделанной достаточно хорошо, чтобы местные охранники не обнаружили вас раньше нескольких дней, а то и недель. Мы высадим вас живую, здоровую, сильную, безоружную, но с некоторым количеством денег и информации. Также — изобразим со своей стороны ваш вялый поиск по всем кластерам Корпорации. Допустим, объявим вас в розыск вместе с Артели и Эс Си Руксом. Если Заказчик — Габриэль, что он станет делать? Он клонет. Не может не клонуть!

Катрина шумно выдохнула — она уже всё поняла.

— Полагаю, ваш мультимиллиардер просто пришлет меня где-нибудь в подворотне, — произнесла она грустно.

— Господа Гора? — инспектор фыркнул. — Вы конечно же не читали отчет о своих физических возможностях, но поверьте, ДНК этого ужасающего божества Корпорации подразумевает под собой не только талант экстрасенса. Ваши мускулы налиты силой, а кости по своей крепости могут сравниться с броней космических экзоскелетов. Выносливость — почти абсолютная. Вы можете пробежать без воздуха десятков километров! Люди вам не соперники.

— Странно, но когда охранники в Высшей школе Артели лупили меня ногами, я этого не чувствовала.

— Как и способности тшеди, физический потенциал клона требует инициации. Специалисты из ССБ, конечно, не так опытные в этом деле, как Саймон Рукс, но, полагаю, мы справимся.

Он снова порылся в кейсе и бросил на стол маленький пластиковый пакет. Если бы на этот раз в комнате каким-то безумным чудом появился шеф Артели, он бы тоже вскрикнул от внезапного узнавания.

На столе лежала тонкая химическая пластинка.

— Если мы договорились, сикха, — пояснил Йенг, — прижмите это к шее, и через двенадцать часов вещество впитается в вашу плоть. Еще через шесть часов кости затвердеют, а мышцы приобретут крепость стали. Вы сможете жонглировать тоннами железа, сжимать ладонью броню скафандров так, чтобы металл «протекал» у вас меж пальцев. Как и положено истинному господу Гору, вы станете почти божеством!

Почти божеством...

Внезапно Катрина вздрогнула от страшной догадки.

— А если... а если ваш Габриэль и есть сам Творец вселенной, сам Учредитель Корпорации? Бог Смерти, скрывающийся под тайной личиной? Вы говорили, что такой вариант возможен.

Йенг посмотрел на нее и сдержанно рассмеялся.

— Ну, — сказал он, — такой вариант возможен. Однако есть единственный способ

выяснить это наверняка... Нужно его взять!

— Да вы с ума сошли! Взять? самого Творца? Это же просто безумие!

— Ну что вы, сикха, нисколько. Во-первых, это наша работа, наш долг, возложенный на ССБ им самим. Так на что ему обижаться? А во-вторых, в прошедший миллиард лет подобные разоблачения Творца Мироздания в чужом обличье случались неоднократно. И более того, я даже знаю человека, который однажды проделал с учредителем Корпорации подобный финт — а именно выследил, поймал и раскрыл личину. Он сидит сейчас прямо передо мной. Еще чаю?

Катрина смутилась.

— Нет, спасибо. Как я понимаю, сикх, вы имеете в виду меня?

— Агнатку Катрину? — выдохнул Йенг. — Да ну, что вы! Я говорю о доисторическом Горе, спящем у вас в голове. О Господе Горе! Да уж... В каком-то смысле ваш Заказчик и нанятый им Саймон Рукс сделали для истории Искусственного Мироздания настоящий подарок. Не так уж часто наших современников навещают древние, упокоенные Учредителем божества.

С лукавой улыбкой на устах Йенг торжественно кивнул.

— И все же у меня есть сомнения в способности противостоять столь богатому и могущественному демиургу, как Габриэль Бруно, в одиночку, — возразила, тем не менее, Кэти. — Вы сказали, что высадите меня у него под носом. Что, прямо в частном игровом кластере?

Йенг рассмеялся.

— Нет, разумеется, — сказал он. — ССБ не имеет доступа к частным кластерам акционеров. Мы высадим вас на Дуате, чтобы не возбуждать лишних подозрений. Вам там легче будет затеряться. Дуат — это современное название столицы Корпорации, известной ранее как Кинополь. На Дуат вы возьмете билет на обычный пассажирский рейс и отправитесь на Розу своим ходом, как турист и потенциальный игрок. На Розе свяжетесь с моим связным, адрес я вам укажу. А там посмотрим. В конце концов, единственное, что нам нужно — произвести сканирование мозга Габриэля. Я сам это сделать не могу — запрещает закон. Однако если это сделает беглая агнатка... Понимаете? Если вам удастся захватить Габриэля, добиться от него признаний пыткой или же вскрыть его мозг путем ментосканирования, то я, опираясь на ваши показания, смогу добиться от Эклесии разрешения на официальное ментосканирование. После чего мы сможем начать нормальное уголовное преследование Божества согласно нормам закона. Вот, собственно, и все. Наш с вами план достаточно прост и реален. А значит — осуществим.

— Конечно, если допустить, что беглая наложница сможет захватить в плен могущественного мультитриллионера, а потом еще и добиться от него признания.

— Бросьте, вы знаете, на что способны. Главное — доберитесь до Розы, а там мой связной окажет вам всю возможную поддержку. Кстати, на Розе находится Эс Си Рукс, а также ваш бывший дрессировщик Артели. У вас есть редкий шанс увидеть всю троицу. С Гебом вы не знакомы, но Рукс и Артели, надеюсь, будут рады такой встрече.

Катрина хмыкнула и посмотрела на свою маленькую ладошку, на тонкие, ухоженные женские пальцы. В сочетании с новенькой перчаткой бластера-эстимета, подумала она, эти пальчики смотрелись бы просто великолепно.

«Не знаю, как Геб или Рукс со шлюховодом Артели, а вот бог Мести Гор будет точно рад встрече, — заключила она, — уж это наверняка».

Искусственное Мироздание. Возврат. Море. Примерно восемь пятнадцать утра

Бог Гор...

Господь Гордиан Оливиан Рэкс, демиург, экстрасенс, коллекционер. Древний бог из древнего времени.

Катрина смотрела на себя в маленькое зеркальце из сумочки и не находила ничего, что напомнило бы ей это грозное имя (между прочим — мужчину), спрятавшееся где-то за бриллиантами чарующих женских глаз.

Годиан Рэкс, сверхтшеди с уникальными способностями. Полубог, ближайший сподвижник Учредителя, родившийся около миллиарда лет назад и, возможно, лично знававший великого Эливинера Тивари в дни его беспутной молодости.

Ну, хорошо, — решила она, — допустим, это я. Что дает указанное умозаключение? Только то, что с головой еще хуже, чем предполагалось вначале. А кто тогда Катилина, высокий седой кавалерист с палахом на коне? Выдумка? Бред изнасилованного медиками мозга? Очередной комплекс воспоминаний для наложниц?

Нет, матрицы пожилых, могучих и злых рубак-фехтовальщиков не подходят для черепных коробок постельных прислужниц. Девушка огляделась по сторонам. Солнце уже поднялось значительно выше. На набережной по-прежнему было пока немногочленно, однако по линиям асфальтированных воздушных трасс замелькали летающие, скользящие автомобили. Насколько Катрина помнила из описаний Мерелин, старшей подруги по «школе для шлюх», внутри больших городов существовал запрет на свободные полеты. Летающие машины передвигались по городам планеты-куба по линиям-трассам и только за пределами городской черты, или Агоры, как везде традиционно назывался деловой центр каждого гигантского жилого квартала, они могли активировать гравитационные двигатели.

Ладно, подумала Катрина. Копание в себе и анализ местных технических достижений, судя по всему, стоило отложить на потом. В перспективе задача стояла довольно простая. По заданию Йенга ей нужно найти того, кто все это устроил, и предъявить счет. А там, возможно, после получения новых данных и вопросов станет меньше, если они вообще останутся.

Прежде всего решения ждали банальные бытовые текущие проблемы. Перед тем, как отправиться на бой, ей следовало обеспечить свои тылы. Добраться до места, снять комнату, найти оружие, прощупать обстановку. Да боже мой! С пятьюдесятью тысячами душ в кармане, впервые оказавшись в большом городе в теле роскошной длинноногой и обеспеченной (что важно!) девицы, надо хотя бы познакомиться с местной жизнью. То, что она, вернее кавалерист Катилина, помнил о мире гуннов и Каталаунского поля, однозначно подсказывало ей, что жизнь в родном и, возможно, выдуманном мире была довольно примитивна по сравнению с местными ультратехнологичными реалиями.

Ни небоскребов, ни летающих машин, ни тем более, космических путешествий ее родной мир не видел. Как там говорила ныне мертвая подруга Мерелин? Жизнь в Корпорации сладка? О да! Ее ждут изысканные химические наркотики, и захватывающие мнемofilмы, и умопомрачительные путешествия по фантастическим паркам развлечений, занимающим по полконтинента каждый. И невероятные блюда в экзотических ресторанах, и невероятные зрелища в немыслимых шоу. И кончено же секс, секс, секс...

Впрочем, последний элемент мечтаний в теле человека противоположного пола представлял собой несколько сомнительное развлечение. Или уже нет? Или «пока» нет? Или наоборот «да»?

Красавица помотала головой. После беседы с Йенгом полковник панцирной кавалерии лорд Флавиус Аэциус Катилина стал восприниматься беглой секс-агнаткой кардинально иначе. Теперь девушка была уже совершенно уверена, что она, Катрина Бета 19-725, — это не кавалерист Катилина. И что вообще, она — не «он» в смысле половой принадлежности. Все чаще и чаще Кэт думала о Катилине как о ком-то другом. Все-таки тело — сильная штука, и оставаться шестимесячным мужчиной, находясь в женском теле более полугода, было... очень сложно, тем более, если тело — такое. Роскошное, сильное, натянутое, как струна. Тело пантеры из африканских саванн, тело тигрицы из таежных далей. Кошка — это была она!

Собрав сумочку, бывшая наложница поднялась и только сейчас поняла, что пока она сидела на скамейке и размышляла, диспозиция существенно изменилась. Молодняк,

скупавший на дальней скамье, слегка активизировался. Шумно протопав мимо нее (видимо, решимости задирать красивую девуцу у сопливых отроков не хватило) и откровенно раздев ее взглядом пяти пар накачанных то ли пойлом, то ли дурью, то ли бессонницей глаз, они остановились через скамейку, напротив любующейся морской далью пары. Любовнички уже закончили тренировку губ и просто сидели, о чем-то шушукаясь... Да, там тоже была девушка, перед которой пятеро бездельников в возрасте полового созревания могли испытывать робость. Но там был и парень, которого можно...

— Развлекаемся? — спросил парня в лоб ближайший из «молодых». — Деньги есть?

— Отвали, — сказал парень спокойно, как будто по-прежнему посматривая вдаль. Но Катрина видела, что спина и руки обреченного на избиение горемыки напряжены. Краем глаза он следил за движениями хулиганов, но ничего не предпринимал. Да и что он мог сделать? Сразу заехать ближайшему в лоб? Пожалуй, это была бы самая верная тактика, хотя она вряд ли бы повлияла на результат.

Почти непроизвольно Катрина прищурилась и сделала что-то внутри своей головы. Что-то естественное, легкое, как порхание ресниц. Мир плавно погрузился в красное. Как и тогда, в Шестимирье, обслуживающие этот мир машины вспыхнули алыми цветами, просвечивая сквозь асфальт, сквозь камень, сквозь небо, посылая ей немыслимо быстрые сигналы, отчеты, рапорты о своей бесконечной и кропотливой работе. На большой глубине, в земной тверди, под набережной работал генератор, производящий электричество для зажигающихся здесь на ночь фонарей. Компьютеры машин, мчащихся по трассам-линиям, приветствовали ее грустно, как бы извиняясь за то, что уезжают куда-то, но в то же время — готовые в любое мгновение прекратить свой бег, презреть на запреты и, наплевав на сидящих внутри хозяев и водителей, примчаться к ее ногам. Над головой, в небе, в космосе заиграли двоичным кодом компьютеры космических кораблей. И даже орбитальные сателлиты, вытянувшись перед Хозяйкой, как юные, вышколенные гардемарины — в струну, отрапортовали, что готовы развернуть могучие жерла своих орудий, нацелив их хоть на город, хоть на самих себя!

Кэти качнулась. Ощущений было слишком много, чувство реальности почти оставило ее мозг. Много! Нужно меньше... Отстав от орбитальных спутников и генераторов под землей она сконцентрировалась на ближнем окружении. Так, хорошо. Что мы видим?

Шунты у пятерых задир и пары, которая выбрана жертвой, оказались вполне обычные. Перед ней на набережной стояло семеро когнатов. Пятеро — действительно представляли примитивный молодняк, в возрасте от четырнадцати до девятнадцати лет, но довольно рослых, а две жертвы являлись полноценными когнатами возрастом... У парня возраст подходил где-то под сто сорок — сто пятьдесят лет, на вид — что-то около тридцати, очень молодой и, видимо, недавно реинкарнировавшийся. Молодец, — прикинула Катрина, — головастый и работающий, если всего в сто пятьдесят сумел накопить на хеб-сед.

А вот девушка оказалась на самом деле юна. Не клон, рождена естественным образом от когнатов-родителей. Возраст — двадцать пять с небольшим. Обычная для этих мест пара, можно сказать — «одного возраста», равная. Молодой, самостоятельный когнат после первой реинкарнации и свободнорожденная девушка до хеб-седа. Сколько их таких здесь? Миллионы? Миллиарды? Ах да — почти восемьсот триллионов...

Удар! Не выслушав до конца ответ своей жертвы, молодой «отрок» с размаху заехал собеседнику ногою в лицо. Тот попробовал уклониться, но сидя, у него ничего не получилось. Нога порхнула мимо переносицы и попала в плечо. И далее — понеслось! Спутница несчастного в ужасе закричала. Буквально в следующую секунду толпа подростков сшибла молодого когната наземь и принялась ожесточенно лупить ногами по корпусу и лицу. Когда девица бросилась к ним разнимать, один, самый горячий, оттолкнул ее грубо, с силой. Девчонка полетела в сторону и, ударившись о скамью, оставила свои попытки и теперь только причитала, валяясь на земле.

Катрина не спеша встала и направилась к дерущимся. Стройные загорелые ноги легко несли ее над землей как статуэтку из пены, как воздушную тень, как листок на ветру.

Хрупкие пальцы собрались в маленькие, острые кулачки. Керамические костяшки этих маленьких «кулачков» настолько тверды, что смогли бы проломить бетонную стену. Синтетические мускулы, способные швырнуть в воздух лектику или рвать в клочья сталь, каменными жгутами вздулись под нежной, холеной кожей. Микророботы «скоропеи», излечивающие рваные раны от пуль за несколько секунд, покинули лимфу и сплошным потоком хлынули в ее кровь. Монстр изготовился к боине. Всего несколько шагов и...

Она сработала молча.

Когнаты. Ничтожества. Слабые кости, слабая мускулатура. Слабое сердце, слабые легкие. Нет выносливости, нет силы. Первый подросток рухнул наземь, даже ничего не поняв. Она проломила ему череп ударом колена с лету. Второго подняла над землей одной рукой и обрушила со всей мощью своей сжатой ярости на скамью, поперек спины.

Р-раз — и с хрустнувшим позвоночником он рухнул к ее ногам. Еще двоих она схватила за лица, пальцами охватив виски, и, не обращая внимания на удары, которые они наносили ей в лицо своими более длинными, чем у нее, руками, сжала кисти в кулак. Два черепа лопнули под ногтями. Пятый, тот самый, что начал драку, раскрыл в удивлении рот, затем молча, без единого звука, в полнейшем ужасе бросился бежать.

Катрина втянула воздух. На ум пришли прыгающие картинки. Глазго Деморти, высокий «псевдогоунн», тоже когнат из школы наложниц, избивавший ее точно так же, как эти пятеро только что ни в чем не повинного парня. Чуть наклонившись, Катрина выдрала из земли двухметровую чугунную скамейку с дощатым покрытием и метнула ее как копье вдогонку убегающему подонку. Тихо крикнув, тяжеленный предмет ударил несчастного в спину, собрав позвонки как костяшки бухгалтерских счетов, и юноша, коротко кувырнувшись в воздухе, с размаху воткнулся головой в асфальт.

Все, более никто не двигался. С момента ее вмешательства прошло едва ли более пяти-семи секунд. Пять секунд — и пять трупов.

Избитый когнат смотрел на нее, собравшись в комок, — молча и не моргая. А его девушка сидела на земле и от страха вообще не дышала. Кровь стекала по ее грязному, разбитому лбу.

Увидев на девушке кровь, Катрина автоматически стерла красную юшку со своего лица. Ушибы и порванная кожа после неумелых ударов сопротивлявшихся ей подростков исчезали с потрясающей скоростью — прямо на глазах.

— Идите домой, — сказала она когнатам, криво усмехнувшись. — Гулять по набережной одним в такое время опасно.

Парень среагировал первым. «Молодец!» — снова отметила для себя Кэти. Схватив в охапку пребывавшую в шоке подругу, он припустил что есть мочи в глубь парка, к трассе, подальше от трупов и их страшного палача.

А «палач» еще раз втянула в легкие пьянящий аромат моря, насыщенный к тому же дурманящим запахом крови от пяти тел, распластавшихся под ногами.

«Добро пожаловать в будущее! — сказала она себе. — Добро пожаловать, господь Гор!»

Квитирование 13

Добро пожаловать, хапи Гор

Искусственное Мироздание. Столичный кластер Дуат. Город Кинополь. Космопорт 201-й береговой зоны

Три дня спустя титанический город-куб сверкал перед беглой наложницей и воскрешенным Господом всеми своими огнями. Катрина возлежала в роскошном кресле туристического лайнера, уносившего ее в загадочную космическую пустоту. Сумочка девушки покоилась на сдвинутых коленях, металлическая карточка лежала в сумке. В

первые минуты пребывания синеглазой красавицы на борту космического челнока, этого изумительного конгломерата высоких технологий и комфорта, ее маленькое сердечко птички-агнатки трепетало от волнения и восторга. Бывать на громадных космических судах ей до этого не доводилось, а лайнер превосходил размерами памятную девице яхту «Гоготан», как минимум, в сотню раз. Наверное, поэтому — а других причин не имелось — сев в кресло, Кэти радовалась как дитя. Вскоре, впрочем, ее сердце успокоилось, и мысли вошли в привычную «практическую» колею.

В иллюминаторах гигантского лайнера по мере подъема на высоту открытия нуль-пространственного портала сменяли друг друга великолепные виды. Она видела гигантские трансконтинентальные трассы для лектик, зеленые пятна национальных парков и невероятные жилые массивы из небоскребов, похожих с такой невообразимой высоты на щетину из немыслимо тонких, длинных иголок, вздымающихся на десятки километров в небо. Среди жилых массивов затерялась Набережная Зона, в которой всего восемь часов назад она так славно оторвалась, угробив пятерых в сущности не заслуживших такой участи подростков.

В момент драки ее захватила эйфория, и хапи Гор, обитавший в глубине мозга, искренне радовался выпущенному пару и той бешеной энергетике, которую получает всякий убийца, прикоснувшись к смерти другого человека, а тем более — к пяти смертям. Однако, спустя уже десять минут, древний бог отошел в сторону, и ее стало просто мутить и выворачивать наизнанку от услужливо подсовываемых памятью картинок изуродованных подростковых тел.

Убравшись с набережной, девушка исторгла все, что имелось в желудке (в основном желчь), под кусты парковой зоны и поспешила в ближайшее пустующее кафе. Там Кэти быстро прошла мимо зазевавшегося охранника, нашла туалет, умылась и, как могла, привела себя в порядок. Затем, по логике вещей, агнатке следовало бы убраться из микрорайона, пока полиция не обнаружила трупы, но... Катрина чувствовала себя слишком уж отвратительно, чтобы действовать логично. Отдышавшись и удостоверившись, что явных следов преступления, а именно крови, обломков костей и кусков мозга под ногтями и в волосах у нее нет, она прошла в мокром от активных гигиенических процедур платье в зал, села и потребовала меню.

Здесь подавали мучные лепешки, рыбу, зеленый чай и мороженое.

Заставив себя поесть и при этом несколько раз чуть не исторгнув все съеденное обратно, девушка снова вышла в город.

Солнце искрилось над растрепанной головой. Искусственный ветерок, прогоняемый через город гидрометеорологической системой, шевелил на ее теле тонкое платье-хитон. Каблучки сандалий задорно стучали по мостовой. Если забыть, отгородившись стеной безразличия, о только что совершенных убийствах, жизнь, безусловно, налаживалась, входя в привычную для рядовых когнатов-обывателей колею. До отлёта лайнера Катрину отделяло еще целых семь часов, а потому красавица совершенно не торопилась.

Йенг объяснил ей, что район Кинополя, в котором будет высажена Катрина Бета — уже не агнат, но донукер Службы Собственной Безопасности, — расположен недалеко от местного космопорта, собственно, и являвшегося первой целью новоявленной шпионки. Катрине необходимо было добраться туда, приобрести билет и дожидаться вылета. А за имевшееся свободное время немного осмотреться и свыкнуться с новым качеством свободного гражданина Нуль-Корпорации.

Именно этим, собственно, девушка и занялась, причем с невероятным энтузиазмом. Еще бы, ведь потрясающе красивую девушку, совершенно юную, всего двух месяцев от роду, в первый раз в жизни оставили свободной в огромном кипящем городе. Улицы столицы вселенной, вернее — столицы мириадом вселенных, шокировали Кэти, буквально переворачивая душу бывшей рабыни и изменяя все представления юной красавицы о действительности. Впервые в жизни Катрина почувствовала, что Корпорация Нулевого Синтеза — не только частные кластеры демиургов и закрытые дрессировочные школы для

проституток, но просто невероятно огромный мир, населенный сотнями тысяч рас, состоящий из неисчислимого количества рукотворных, но при этом безграничных пространств, населенных бесчисленными человеческими и нечеловеческими народами.

Тем не менее в три пятнадцать по полудню она оставила изучение фантастических дикивинок города и направилась к метро, а в три сорок пять прибыла в космопорт. В четыре ровно билет лежал у нее на ладони...

Уже в четыре тридцать она была в воздухе и смотрела на «Собачий город» открытыми от удивления глазами ребенка. Что и говорить, столичный космопорт впечатлял даже больше, чем шумные улицы и небоскребы!

Назвать космопорт просто «столичным» у Кэти не поворачивался язык: общее количество космопортов только на поверхностях Кинополя не поддавалось исчислению. Развернувшееся перед ней скопище строений, коммуникаций и обширных посадочных площадок являлось лишь ближайшим и, безусловно, самым главным космопортом Нуль-Корпорации в данной конкретной секции городской застройки — не более того. Заурядное положение космопорта отражалось даже в его названии — официально он именовался как «космопорт береговой зоны № 201». И от того Кэти еще более поразила немыслимая, захватывающая дух архитектура этого ультратехногенного места.

Небоскребов вокруг космопорта не имелось. Но умопомрачительные линии для перемещений воздушных судов петляли тут всюду, покрывая небо над головой изысканным и завораживающим глаз рисунком. Там и тут без видимой на первый взгляд логики вздымались стремительные пики стальных исполинов — то были наблюдательные башни диспетчерских служб. Расположенные несимметрично, они образовывали Дикий рисунок, перекрывая обзорными зонами всю территорию между взлетно-посадочными площадями.

А территория эта казалась просто бескрайней. Во всяком случае Кэти не заметила, как потерялись из виду башни оставленного ею города и весь вид от горизонта до горизонта (а горизонты здесь, на «прямой» планете, располагались головокружительно далеко) заполнили идеально ровные плиты взлетных полос. Впрочем, оказавшись непосредственно на поверхности таких плит, которые покрывали не только территорию для взлета лайнеров, но и прилегающие к пассажирским терминалам участки, Кэти поняла что слово «плиты» к такому покрытию совершенно неприменимо.

Территория космопорта оказалась выстлана идеально ровным дорожным пластиком, утыканным по всей поверхности мелкими резиновыми шипами и магнитными таблетками, разбросанными замысловатой вязью, способствующей устойчивости перемещающихся по нему транспортных средств. А «плиты» были просто нарисованы (а также пронумерованы и раскрашены) для более точной ориентации прибывающего транспорта.

Не меньше, чем искусственное покрытие грунта, Кэти поразили и сами перемещающиеся по этому покрытию от залов ожидания до посадочных терминалов мобильные транспортные средства. В большинстве своем их представляли хорошо знакомые ей по побегу и кластеру Буцефал лектики или, по-местному, «космомобили» различных размеров, форм, видов, моделей и комплектации.

Удивительным было то, что тут они не летали, а просто ездили по земле, паря над ней не более чем в нескольких сантиметрах от идеально гладкой поверхности пластикового магнитно-шипастого покрытия. Летать на территории космопорта категорически запрещалось.

Линии трасс, ни вызывавшие у Катрины во время путешествия на фляервагоне — гигантском космомобиле, предназначенном для массовой перевозки пассажиров, — ничего кроме абстрактного восхищения, оказались предметом донельзя приземленным: то были нити для скольжения частных лектик. Свободное парение запрещалось еще на расстоянии трехсот километров от зоны космопорта, и именно там, а иногда и ранее, вытягивались в воздух разлапистые концы магнитных дорожек. Свободно парящие космомобили «прилеплялись» к ним и далее уже организованно, с определенным интервалом прибывали к пропускному пункту космопорта (вернее к двум сотням КПП этого титанического

терминала) в порядке строгой очередности. И только там, уже съехав с транспортных воздушных нитей, могли скользить по земле.

Доставка «прилепленных» лектик от границы космопорта до КПП шла под контролем единого компьютерного диспетчера — сев на линию, водитель уже не мог управлять собственной машиной. То же самое происходило и после контрольного пункта — прибывшие лектики не могли взлетать, не могли превышать скорость и только скользили в пределах определенных парковочных зон.

Познакомившись со всей системой, Катрина только пожала плечами. Понятно, что подобные меры приняты исключительно в целях безопасности граждан-когнатов. Достаточно было представить себе миллионы космомобилей с опаздывающими пассажирами, без всякого порядка скользящими с небес на поверхность, чтобы отказаться от самостоятельного управления собственной машиной, согласиться со всеми ограничениями и довериться компьютеру диспетчера. Впрочем, «угнетение» летающих аппаратов ничуть не мешало комфортному перемещению по колоссальной территории. Очередь космомобилей по линиям двигалась быстро, да и линий имелось предостаточно — сотни, если не тысячи. Целыми снопами транспортные нити втыкались в тот или иной терминал.

Сами терминалы являли собой гигантские раковины-купола. Не просто купола, а именно «раковины» — в них можно было опознать улиток, мидий, тетраципанов, знакомых Катрине Бете по энциклопедиям глобальной Сети, и даже гигантские коралловые заросли. Под куполами скрывалось все, что могло потребоваться — просторные торговые центры, игровые залы, роскошные холлы ожидания, головокружительные стрелы лифтов, сауны и бассейны, тренажерные клубы, детские парки, экзотические скверы, музеи, антикварные лавки, электронные библиотеки, сетевые салоны, апартаменты с секс-агнатками и, конечно же, предприятия общественного питания всех мастей, от быстрых кафетериев до шикарных ресторанов.

От подобного многообразия у девушки закружилась голова, однако она сдержалась. Посмотрев на карточку пластикового билета, длинноногая красавица направилась в сторону нужного ей терминала. Хотя «направилась» — было бы говорить неверно. Учитывая полное отсутствие на территории космопорта частных транспортных средств, тут действовали два способа перемещения пассажиров.

Во-первых, флаервагон — приземистая, комфортная, но вместительная лектика огромных размеров, снующая меж удаленными терминалами и рассчитанная на одновременную перевозку почти сотни человек. Во-вторых, знаменитые пешеходные «автодорожки», по которым Катрина стала кататься с истинно провинциальным восторгом.

Дорожки петляли как горки в парках для развлечений, по прямой, и вниз и вверх, местами превращаясь то в эскалаторы, то в воздушные мостики. Они разветвлялись и сходились, раздваивались на горизонтальные или вертикальные потоки, расширялись, сужались, ускорялись и замедлялись. Встав на основную дорожку, которая по периметру опоясывалась весь доставшийся Катрине круглый корпус-ракушку для пассажиров (диаметром более трех километров), можно было добраться куда угодно — почти на любой уровень. Стоило только шагнуть в нужном месте, перейти на нужное ответвление, эскалатор или вовремя сойти и воспользоваться лифтом. Кэти занималась этим почти минут двадцать — не столько из-за сложности транспортной задачи (везде висели схемы дорожек, да и сама конфигурация огромного здания оказалась достаточно проста), сколько из-за желания порезвиться.

Наконец, посмотрев на часы, она одернула себя и, встав на соответствующую дорожку, двинулась на выход из гигантской ракушки и далее — к посадочному терминалу на взлетную полосу.

На взлетной полосе возле посадочного рукава ее ждал еще один шокирующий сюрприз. В небе над головой (хотя на самом деле, как минимум, километрах в пяти над ней) парила ослепительная радуга. Почему-то (возможно, из-за угла зрения, а возможно, просто из-за невнимательности или удаленности) при полете к космопорту Кэти не заметила эту

оптическую иллюзию.

Радугой назвать это можно было, конечно, лишь номинально, из-за множества цветных линий. По форме же многокилометровая голограмма напоминала скорее перевернутый веник и сияла десятками цветов и оттенков — каждый рукав имел собственный цвет, переливающийся и искрящийся в вечернем небе. Это развернулись перед Катриной так называемые «направляющие» на взлет — лазерные линии для координации движения стартующих кораблей.

Как и в случае с лектиками, использование воздушного пространства над космопортом оказалось строго регламентировано не только для мелких космобилей, но и для космолайнеров, военных и пограничных судов, роскошных яхт демиургов. Взлетали четко, по графику, с интервалом в пять — десять секунд. На взлетные полосы, расположенные от соответствующего «ракушечного» терминала не по прямой, а «ромашкой», выходили сразу сотня-другая лайнеров. Становились каждый на свой цвет и свою взлетную «световую» линию, а затем взлетали «по радуге» — метров пятьсот ровно, с небольшим углом в небо. И сразу резко вверх, почти вертикально, прыжком вырываясь в стратосферу.

ПЕРЕГРУЗОК, конечно, никто не испытывал — в момент взлета и максимальных ускорений на борту лайнеров действовали гравикомпенсаторы. В результате «прыжок в небо» для большинства взлетающих оставался практически неощутим — только легкое парение и стремительное изменение видов в иллюминаторе.

Отвлечшись от восхищенного лицезрения исчезающего в белесой облачной дымке столичного космопорта, этого чуда архитектуры и технологии, Кэти невольно вспомнила свой последний перед посадкой разговор с Йенгом.

Разговор был предметный.

По словам Йенга, кластер Дуат, или же город Кинополь, являлся столицей Искусственного Мироздания в течение более чем миллиарда лет. Собственно, слова «Дуат» и «Кинополь» были по факту идентичны, хотя и отличались по смыслу. «Дуатом» назывался — столичный кластер, то есть главная вселенная Нуль-Корпорации, а «Кинополь» — столичный город. Объяснение идентичности обоих слов заключалось в том, что почти все пространство кластера Дуат занимал единственный город Кинополь — самый большой населенный пункт, когда-либо построенный в Нулевом Синтезе.

За время существования «вселенной-города» ССБ Корпорации провело в нем бесчисленное количество операций. При этом Служба десантировала своих агентов только в столичном кластере. Объяснялось это легко: безусловно, Искусственное Мироздание огромно, число кластеров неисчислимо, однако население отдельных кластеров было относительно невелико. Согласно рассказу Йенга, все Искусственное Мироздание состояло из 4-х групп пространственно-временных ячеек, которые наука Корпорации именovala «изолированными вселенными» или «кластерами нуля».

Первую категорию составляли своего рода «обычные кластеры», те, что создавались богами-роботами для расселения на них когнатов — свободных граждан, уже окупивших свое первичное воскрешение, бог-робот творил вселенную, создал в ней галактики и галактические скопления, звезды, планеты, расселял по планетам семена органической жизни. Затем «ускорял» в кластере время до появления первых людей, корректируя то там, то тут ход истории, чтобы все цивилизации на всех планетах пришли к железному веку примерно в одно и то же время.

Затем кластер присоединялся к Корпорации и время в нем «выравнивалось» с остальными — эта система уже была знакома Кэти по рассказам все той же Мерелин. Все проживающие на планетах человеческие особи в момент присоединения кластера к Нулю фиксировались в Сети и получали свой индивидуальный номер. После чего оставалось только зарегистрировать пребывающие и покидающие кластер корабли и также людей на них. Выходило, что глобальная Сеть в любой момент знала, сколько и каких людей проживает в данный момент в данном кластере. Следовательно, посадка там агента оказывалась принципиально невозможна. Вернее, агента можно там выбросить с корабля, чтобы он жил

один в тайге или в пустыне, но существовать нормально он там просто не смог бы. Не мог купить себе еды, не мог арендовать дом — ведь для этого нужно иметь расчетную карту Нуля и свой индивидуальный номер регистрации в Сети. Как только ближайшая камера в метро или роботизированный продуктовый магазин обнаруживал человека без регистрации, его сразу же хватала местная полиция, которую конечно же никто не информировал о проведении секретных операций.

Вторую категорию миров составляли так называемые «правительственные миры». Закрытые ячейки, подобные тому, в котором они с Катриной находились сейчас: кластер службы собственной безопасности, а также кластеры-школы, в одной из которых Кэти были изготовлена, кластеры-тюрьмы, в одну из которых она могла попасть в случае провала миссии, а также кластеры-резервации, куда сгонялись расы чужих. Регистрация агента в таком кластере считалась тем более невозможной по понятным причинам. В правительственных кластерах проживали только служащие Нуля, а также промышленные рабы-агнаты, репатриированные чужие и так далее. Лишних там не было и по определению быть не могло.

Третью категорию кластеров представляли «частные домены», так называемые миры-дворцы демиургов, богов-акционеров Корпорации. Ситуация в них существовала та же, что и в «правительственных» кластерах. Хотя частные кластеры часто очень велики и вмещали сотни, даже тысячи звездных систем, в них проживали обычно только слуги и рабы демиургов. Появление незарегистрированного когната в таком «замкнутом» месте обнаруживалось очень быстро. Ведь демиурги не были стеснены в финансах, и это значило, что у них имелись системы безопасности подчас даже лучше, чем у армии Корпорации и самого ССБ.

В итоге оставалась последняя категория кластеров, представленная в ближайшей подмножественности именно столичным миром. То были кластеры-города. От перечисленных трех категорий «городов» отличались следующим. И в частных, и в правительственных, и в «обычных» кластерах действовала четкая система регистрации всех прибывающих и всех покидающих их субъектов. Но внутри чудовищных по размерам космических городов ее не существовало! Объяснялось это тем, что слишком многие демиурги — акционеры бессмертной Корпорации часто вели двойную жизнь, меняя тела и путешествуя под псевдонимами. Для этого они нуждались в месте, помимо своих частных доменов, где бы не действовала система всеобщей регистрации. Именно по требованию акционеров в городских кластерах не фиксировались прибывшие и оставившие его люди. В каком-то смысле фиксация все равно проводилась — пассажиров регистрировали при посадке в космопорте, в гостинице регистрировали постояльцев и так далее, однако общей системы в городах-вселенных не существовало. Все базы данных велись отдельно и могли быть доступны только Учредителю, его правительству и, разумеется, Йенгу и его ребятам, то есть скромным работникам службы собственной безопасности Нуль-Синтеза. Но ни один подкупленный полицейский, ни один журналист не мог ничего узнать о прибывшем в столицу инкогнито акционере.

Кроме того, существовали и технические ограничители. В городе Дуат-Кинополь, например, проживало восемьсот триллионов в двенадцатой степени человек, а протяженность города превышала четыре световых года! Даже течение времени здесь существенно различалось в разных кварталах, что уж говорить о системах учета. Регистрация прибывших и покинувших город, даже если бы она и существовала, была бы очень затруднена.

Йенг и Кэти решили использовать именно эту особенность столичного кластера — самого большого из всех городов-вселенных. Кэти получит карточку регистрации, решили они, поддельную, но вполне добротную сработавшую, чтобы ее не вычислили в течение достаточного времени. Нейрошунт Катрины заменят, чтобы видеокamеры и системы регистрации шунтов в метро и на улицах не определяли девушку как беглую. После этого Кэти высалят в столице, и отследить ее в Кинополе не сможет никто!

Тогда, в тренировочном центре ССБ, обсуждая этот вопрос, Катрина согласилась с доводами старика Йенга. Дослушав собеседника, она закрыла глаза и представила себе столичный кластер Дуат. Город-куб размером в четыре световых года.

Столичный кластер Дуат. Город Кинополь. Стратосфера над верхним уровнем куба

В данный момент представлять себе Дуат-Кинополь уже не имело смысла. Гигантский куб висел прямо перед глазами девушки. Массивная туша «Собачьего города» проплывала в иллюминаторе вверху и немного слева — чудовищный мир-столица Корпорации Нулевого Синтеза заслоняла собой даже бездонные небеса. Кэти мысленно присвистнула...

Кинополь на самом деле напоминал собою гигантский куб, с длиной грани, превышающей четыре световых года. Разумеется, охватить такое расстояние взглядом было совершенно не реально, но Кэти знала о размерах мира-столицы из информационных справочников для свободных когнатов. Глаза видели единственную бесконечную ровную плоскость, уходящую в пустоту. Агнатка вглядывалась в размытую границу света и тьмы, до рези в глазах, но идеальная, казалось, даже загибающаяся вверх светящаяся поверхность исчезала в стремительно темнеющей бесконечности — туда, где уже невозможно было ничего различить. Сколько хватало напряженного прищура грань светилась, а далее тонула в черной бездне...

Но даже видимой части мира-столицы с избытком хватало для впечатлений. Казалось, полкосмоса над головой Кэти просто вырезали огромными ножницами. Идеально ровная бесконечная плоскость давила своим чудовищным масштабом, до дрожи в пальцах, до изморози в плечах. Абсолютно искренне Катрина Бета призналась сама себе, тряхнув шоколадными волосами, что даже слова «поразительно», «сногшибательно» и «невероятно» не в силах описать ее ощущений от лицезрения самого большого из когда-либо существовавших человеческих поселений.

Длина, которую солнечный луч проходит за четыре человеческих года, — это немыслимое расстояние. Когда на одной грани мира-столицы рождался человек и отец подкидывал ребенка в воздух, лучи света слизнувшие картинку с маленького сморщенного лица, доносили это изображение до конца другой грани города только спустя тысячу пятьсот дней!

О массе самого большого во вселенной космического тела Кэти даже не спрашивала. О чудовищной гравитации — тем более. В мире, где промышленными предприятиями создавались сами вселенные, наполненные галактиками и звездами, вопрос гравитации на поверхности гигантского куба не являлся серьезной проблемой. Сколько бы ни весил Кинополь — килограмм человеческой плоти всегда будет здесь килограммом, и не на крупицу больше! Между тем одними размерами и стандартной гравитацией на поверхности при чудовищной общей массе особенности величайшего города Искусственного Мироздания отнюдь не исчерпывались. Куб Кинополя состоял из последовательных этажей-каркасов.

Первый кубический каркас, самый нижний и меньший из всех, оплетал своими многокилометровыми секциями сухую поверхность мертвой звезды — гигантского потухшего шара из спекшихся вулканических слоев, ничтожную по сравнению с размерами невероятного города-куба. Однако каждый последующий уровень над мертвой звездой и над первым кубическим каркасом был выше и больше предыдущего ровно на тысячу километров.

Вот так, увеличиваясь с каждым разом на тысячу километров в высоту, ширину и длину, кубические каркасы оплетали себя один за другим, устремляясь по трем осям пространства в немыслимую даль. Миллиард лет назад бог Творец с глупым именем Ан-Нубис разбил поверхность верхнего кубического каркаса на множество квадратинок-кварталов, диаметром с одну астрономическую единицу каждый. Над каждым квадратом висело Солнце — настоящая искусственная звезда, только квадратной формы, — гигантский

термоядерный реактор, освещавший столь же гигантский жилой квартал под собой.

Где-то в глубине машинной памяти глобальной Сети хранилась цифра, отражающая число постоянных жителей «Собачьего города». Но вслух оно никем не произносилось, поскольку слова «триллион» и «биллион» были не в силах показать ту колоссальную множественность человеческих душ, что нашла себе пристанище за кубическими стенами столицы всего человечества.

Путешествуя по Сети, сугубо теоретически Катрина знала, что где-то в пределах фантастического Искусственного Мироздания есть такой город. Но видеть его и знать оказалось суть разными вещами. Восторги гордость наполнили вдруг душу Катрины. Гордость не собой — кроме убийства добрейшего из богов-акционеров ей пока нечем было гордиться, — но гордость за свою расу, за Человека, способного на такое... И даже старый наездник Катилина в темных глубинах мозга согласно кивал. Его, отмороженного рубаку, видевшего лишь полчища гуннов и полуразрушенные города в дни стремительного угасания Римской империи, очень радовало величие цивилизаций. И только бог Гор молчал, занятый, очевидно, какими-то своими, ведомыми только ему, божественными мыслями.

Катрина печально прислонила голову к иллюминатору.

Все это было прекрасно — современные технологии, гигантский космопорт и белоснежный туристический лайнер, уносящий ее в просторы искусственного космоса. Она улыбнулась, снова смежила веки, и грезы заполнили ее разум. Кэти представился белый песок и пенистые волны, набегающие на пляж бесконечно прямой 201-й набережной зоны. А рядом с ней, в роскошных креслах космического лайнера сидели такие же похожие на нее люди. С закрытыми глазами они грезили о чем-то своем, возможно, тоже о белом песке, о теплых морях неизвестных миров, о шикарных отелях и развлечениях, которым нес их межкластерный попрыгун.

Квитирование 14 Бегущая по ветрам

Борт лайнера Аякс-Космобус. Линия Дуат-Роза. Транзитный дрейф по кластеру Шакрам

От грез Кэти внезапно отвлек динамик, мурлыкавший приятным девичьим голоском:

— Уважаемые господа! Мы благодарим вас за то, что вы воспользовались услугами компании «Аякс-Космобус». До посадки в космопорте кластера Роза осталось семь часов. В данный момент наш лайнер проходит по окраине кластера Шакрам. Расчетное время до очередного нуль-квитирования — сорок пять минут. Спасибо за внимание!

Кэти полулежала, уютно развалившись в кресле. Длинные ноги были укутаны в плед, на лице застыла счастливая мина космической туристки. Однако вопреки расплывшимся в улыбке губам мысли девушки, как это ни странно, после сообщения динамика вдруг завертелись немыслимо далеко от вопросов туризма. «Шакрам, Шакрам, — подумала девушка. — Какое-то странное слово...»

Несмотря на пребывание в «прыжковом» режиме и стремительную скачку по кластерам, в «Аякс-Космобус» оказывали услугу прямого подключения к Информационной Сети — платно и для желающих. А посему, чтобы отвлечься от беспокойных мыслей, Катрина Бета заплатила нужную сумму и заказала себе названную услугу.

Спустя минуту, оторвавшись от иллюминатора, в котором уже ни черта невозможно было разглядеть кроме черноты беспроглядной ночи, и, прикрыв глаза длинными ресницами, она рыскала посредством шунта по информационным сайтам Корпорации. Информации тут было много — больше, чем способен вместить человеческий мозг. Даже при той скорости, с которой Кэти могла просматривать данные, для того чтобы проштудировать хотя бы новую информацию, накопленную Сетью Искусственного Мироздания всего лишь за только что

прошедшую минуту, потребовались бы десятилетия, ведь Искусственное Мироздание теоретически почти не имело границ, а бесконечность, даже со словом «почти» — довольно объемная штука.

Но Кэти штудировала пласты сведений вовсе не глазами. К услугам клиентов Сети существовали многочисленные программы-поисковики, послушные и умные. Они-то и подсказали Катрине верное направление для поисков. И сейчас, слушая текущие новости из удаленной системы, мозг Кэти просто «плыл» от удивления. Даже здесь, в Информационной Сети, беспокойство не спешило ее оставить.

Картинка, невидимая для прочих, транслировалась прямо на зрительный нерв, и девушка в данный момент видела перед собой не какие-то размытые образы, как во время галлюцинаций или сна, а четкую широкую рамку, в которой менялось яркое и совершенно непрозрачное видеоизображение.

Агнатка смотрела на него и не дышала. В виртуальной рамке экрана с разных ракурсов прокручивались записи с военных судов, заснявших трагедию в совершенно не знакомой Катрине звездной системе Ольменат кластера Шакрам, обозначенной регистрационным номером 670. Если Сеть не ошибалась (а она никогда не ошибалась), кластер был именно тот, в котором сейчас скользил их лайнер в ожидании, пока прыжковые двигатели накопят достаточно энергии на открытие очередного нулевого лифта. Собственно благодаря такому транзиту через Шакрам и стал возможным доступ к местному новостному каналу — в противном случае поисковик разместил бы этот канал одним из последних в списке полученной по запросу информации, на сотом, возможно — на тысячном месте...

Удивительно, но то, что Катрина слушала сейчас, буквально терзало бывшей наложнице слух. «Шакрам», — прибывшее неизвестно откуда, это слово помнилось ей, она знала его, помнила звучание! Внезапно, картинка пылающих планет и погасших звезд сгнула и на экране появились розовощекие, подтянутые телеведущие: женщина и мужчина.

Женщина, ослепительная красавица, судя по фигуре — бывшая актриса или секс-агнатка, а ныне — преуспевающий журналист, восторженно улыбалась. Катрина не вполне понимала почему, ведь речь шла об ужасающей катастрофе. Возможно, подумала она, девица просто демонстрировала белоснежные зубы.

Мужчина, подтянутый брюнэт, вел себя серьезней, но тоже выглядел не слишком удрученным смертью ста миллионов жителей шестьсот семидесятой системы.

Новости были «местными», хоть и передавались на весь огромный кластер Шакрам — стандартную «штампованную» вселенную, включающую миллиард галактик, сто миллиардов звездных скоплений и триллион звездных систем, — так, кажется, сообщил ей информационный справочник. О количестве планет этого маленького, «местечкового» и совершенно провинциального кластера Кэти старалась вообще не думать — она не знала даже цифры, способной описать их число. И потом, сколько бы ни было там планет, на кубе Кинополя местные новости все равно бы не показали — подобных Шакраму вселенных слишком много в Искусственном Мироздании.

— Как вы поняли по показанным ужасным кадрам, — сказала женщина-телеведущая, — мы возвращаемся к описанию катастрофы, вот уже более четырех месяцев являющейся событием номер один для всех новостных каналов нашей галактики и, пожалуй, всех ближайших галактических скоплений кластера Шакрам.

— Однако сегодня, — присоединился к ней диктор-мужчина, — мы покажем вам не только старые видеозаписи о трагедии системы Ольменат, которые уже стали достоянием телевизионных архивов и позором департамента Нуля по чрезвычайным ситуациям. Через минуту мы услышим шокирующий прогноз ученых по поводу того, как повлияет это событие на будущее кластера — прежде всего нашей родной шестьсот семидесятой системы и, конечно, нашей любимой планеты-сферы Торватин.

— С места событий, — сказала женщина, — наш специальный корреспондент Тутмос Химон. Тутмос, вам слово!

Экран мигнул.

Катрина увидела перед собой вылизанный бытовыми роботами борт корабля и на нем с дальнего ракурса перед широким окном выше человеческого роста — стройного молодого человека в пожарном сферообразном прозрачном шлеме и бронированном скафандре спасателя.

— Спасибо, Неферта, — сказал специальный корреспондент, также обращаясь к журналистке по имени. — Катастрофа в системе Ольменат действительно ужасна. Однако, по прогнозам ученых, в ближайшее время нас ждут еще более печальные события, если правительство Корпорации не предпримет усилий для их предотвращения.

— Простите, Тутмос, — спокойно улыбнулся брюнет-телеведущий, совершенно не прореагировав на зловещий смысл заявления его коллеги, — но, может быть, вы напомним нам последовательность событий? К сожалению, не все телезрители смотрели прошлые передачи.

— Конечно, — кивнул Тутмос, — давайте вспомним. Итак, самая знаменитая катастрофа нашего кластера произошла третьего дня месяца тот текущего года. На расстоянии двух астрономических единиц от печально известной ныне шестисот семидесятой системы, знакомой нашим зрителям под названием Ольменат, открылись два чудовищных межпространственных нулевых лифта, перенесших в кластер Шакрам две взорвавшиеся звезды вместе с куском пространства и распространившейся в нем взрывной волной потрясающей мощи и силы. Если выражаться точнее, обе звезды были перенесены первым нулевым лифтом, второй лифт перенес только пустое пространство того же объема. Но это детали, которые вряд ли интересуют кого-то, кроме ученых. Главное состоит в другом.

Согласно данным журналистского расследования, проведенного нашим каналом, времени на эвакуацию имелось предостаточно. Для того чтобы преодолеть расстояние в пять астрономических единиц, взрывной волне потребовалось шесть дней. За этот период можно было вывезти все население системы до последнего человека. Однако, как часто случается, бюрократическая система Корпорации сработала отвратительно. Девяносто планет системы Ольменат оказались пожраны ужасным космическим взрывом! Почти сто миллионов человек скончались в огне глобальной катастрофы вместе со своими мирами. Часть людей спаслась на коммерческих и частных судах, и теперь, лишенные крова и средств к существованию, эти несчастные составляют огромную армию беженцев, заполнивших соседние звездные системы. Такова последовательность событий. Неферта?

— Тутмос, скажите, а что, по мнению ученых, послужило причиной этой страшной катастрофы?

— Сказать наверняка сложно. Взрыв, по словам ученых, не имеет источника. Он просто возник ниоткуда. Я знаю, это звучит невероятно, но данные приборов подтверждают версию яйцеголовых. Третьего дня месяца тот, ровно четыре месяца назад, в точке-источнике взрыва не было ничего кроме космической пустоты. Затем, почти мгновенно, в обширном секторе пространства, имеющем примерно форму цилиндра, возник космический взрыв! Там ничего не взорвалось, взрыв просто возник из пустоты, причем на стадии, когда взрывная волна уже достигла радиуса двадцати пяти астрономических единиц от воображаемого источника. Понимаете? Если судить по внешним признакам, речь идет об очень масштабном квитировании, вернее, о двух последовательных квитировании, примерно одинаковых по объему. Разумеется, подобная версия абсурдна, поскольку ни один корабль мира не способен породить нулевой лифт такого размера и мощи. Сравнить случившееся можно разве что со взрывом гранаты, который внезапно, как в кино, остановили, аккуратно перенесли в другой кадр и вновь включили воспроизведение. Вот только граната у нас получилась немного... апокалиптическая.

— Спасибо, Тутмос, — кивнула ведущая. — Безусловно, все, что вы рассказали, очень интересно и конечно же очень печально. Однако каковы прогнозы ученых по поводу последствий от этих взрывов? Угрожает ли опасность нам, жителям Торватина?

Тутмос горестно вздохнул, красивые глаза его сделались необычайно блестящими, а

брови поднялись «домиком».

— К сожалению, да, Неферта, — печально провозгласил он. — Как ни горько мне об этом говорить, но прогнозы ученых не утешительны. Скорость распространения первой волны взрыва практически равна скорости света. Тяжелые ионы и радиация распространяются в пространстве медленнее, но все равно немногим уступают световым лучам. Логика ученых проста. Расстояние, отделяющее Ольменат, от шестьсот семидесятой системы, то есть от нашего с вами дома, составляет примерно один световой год. Расстояние до соседней системы Сохо — три световых года — или один парсек. До чуть более удаленной системы Кальбу — восемь световых лет. Все эти миры находятся теперь в зоне риска.

— Возможно, это прозвучит грубо, — опять подал свой уверенный голос телеведущий-мужчина, но судьба «более удаленных» систем, в частности Кальбы и Сохо, наверняка волнует наших зрителей меньше, чем будущее родного Торватина. Расскажите нам о нас! Торватин — ближайшая к Ольменату система и возглавляет только что озвученный вами список риска. Что случится, когда пройдет этот световой год и взрывная волна катастрофы обрушится на головы? Каковы комментарии ученых по этому вопросу, Тутмос?

— Прогнозы ученых не слишком обнадеживающие, — Тутмос, казалось, стал очень серьезен. — Во-первых, с момента катастрофы прошло уже более четырех месяцев и до истечения «года» осталось не так уж и много. Когда пройдет этот срок, границ нашей звездной системы достигнут первые «лучи» световой энергии от взрыва. Затем — радиация и сами остатки взрывной волны. Последствия...

— Боже мой! — перебила Неферта, ее испуг выглядел почти естественно, — Тутмос, вы пугаете наших зрителей такими мрачными прогнозами. Неужели мы все погибнем и нас ожидает судьба системы Ольменат?

— Ах... да, Неферта. И — нет, судьба системы Ольмената нас, конечно, не ожидает. Шестьсот семидесятая оказалась совсем рядом с зоной, в которой квитирировался космический взрыв. Взрывная волна рассеивается в пространстве и, преодолев такое расстояние, будет, разумеется, значительно слабее. Ни разрушение, ни испарение в пламени катастрофы, как это случилось с планетами Ольменат, нам не грозят. Но ничего хорошего от столкновения с остаточными явлениями столь масштабного космического бедствия ждать не приходится. Нас ждут радиоактивные дожди, серьезное изменение климата, вызванное радиацией, возможно, смещение магнитных полюсов планет, вызванное гравитационной отдачей и, как следствие, множественные геологические и климатические катастрофы. Вулканы взбесятся, волны цунами покроют побережья континентов. Возможно, на некоторых планетах сместятся климатические зоны. Экологическая катастрофа, гибель сотен видов животных и растений, не приспособленных к жизни в другом климате, — это уже мелочи. Нас, несомненно, ждут страшные времена. Таков печальный прогноз ученых. Неферта?

Некоторое время Неферта тупо молчала. «Какой глупый мальчик», — подумала она, а режиссер программы в это время названивал редактору новостного канала и готовился обматерить сосунка на экране, который сеет своими идиотскими заявлениями панику среди населения. Наконец красавица открыла рот. «Малыш, — подумала она, — просто падок на сенсации. Нужно сместить нить репортажа в более светлое русло, и все».

— Ну что же, — девушка повернулась обратно к зрителям и блеснула своими чудесными зубами, — таков не утешительный прогноз ученых. Однако мы уже привыкли постоянно бояться их шокирующих предсказаний, не так ли? Мы, конечно, понимаем, что все сказанное — всего лишь предположения. На самом деле ситуация не так уж и опасна... Тутмос, скажите, как оценивают вероятность будущей катастрофы присутствующие на вашем исследовательском корабле представители страховых компаний? Вероятно, два-три процента, не более? Это наверняка ниже, чем возможность попасть в аварию на наших улицах.

«Малыш», однако, намека не понял.

— Неферта... Каких еще аварий? По словам исследователей, прогноз рассчитан

математически очень точно. Первая волна радиации обрушится на планеты Терраната уже этой осенью, если быть точным — где-то в двадцатых числах месяца пайнет. Что же касается поведения страховых компаний, то я намеренно о них не сказал, чтобы не пугать наших зрителей. После ознакомления с отчетом страховщики оперативно сворачивают дела. Это предупреждение как для частных лиц, так и для планетарного правительства. Нужно готовить население к эвакуации, причем срочно. Нужно бежать!

Неферта поперхнулась репликой и представила свое увольнение. Вместо кресла телеведущей — постель гаремной наложницы-агнатки и еще пару тысяч лет бессмертного рабства.

— Но неужели нет иных вариантов? — выдохнула она, трижды прокляв прямой эфир. — Если не ошибаюсь, долгое время ученые надеялись, что при прохождении взрывной волной газовых туманностей, разделяющих наши системы, энергия взрыва будет поглощена рассеянной космической пылью. Максимум, что нам грозит, — разряженный поток элементарных частиц, который поглотят атмосферы планет. Разве нет? — она спросила почти с надеждой. — Тутмос, отвечайте же, не молчите!

Ответил тот медленно, видимо, и сам уже догадался, что сморозил лишнее. Однако отступать было некуда, и молодой человек решительно продолжил:

— Да, Неферта. Учитывая, что инцидент, подобный совершившейся на Ольменате катастрофе, возник впервые за всю историю кластера, окончательный ответ на то, поглотится ли энергия взрыва или нет — может дать только практика. Именно ради ответа на этот практический вопрос, а если хотите — вопрос выживания, страховые компании и Департамент космических исследований нашего кластера и организовали совместную экспедицию, откуда я веду репортаж. Сейчас, по прошествии четырех месяцев, ученые говорят однозначно — энергия взрывной волны и смертоносное излучение поглощены лишь частично. Волна катастрофы обрушится на наши сто сорок миров в ближайшие месяцы. Нас всех ждет смерть, а затем, после воскрешения в палатах бессмертия Корпорации — тысячелетнее рабство до полной отработки реинкарнации. Нас всех ждет смерть. Вы еще не поняли этого? Бегите!!!

В это мгновение режиссер наконец-то дозвонился до редактора и, получив добро от начальства, рубанул информационный канал. Изображение исчезло.

Борт лайнера «Аякс-Космобус». Салон когнат-класса. В те же мгновения

Испуганно моргнув, Кэти отключилась от всех каналов Сети, заблокировала нейрошунт и некоторое время просто лежала с закрытыми глазами, анализируя ситуацию. Внезапно прерванный репортаж по неизвестной причине задел ее за живое. В нем присутствовало нечто... волнующее, причем не только загадочное слово «Шакрам».

Это волнующее нечто вертелось на языке, плясало на самой границе мыслей. Внезапно на волне размышлений Катрина Бета вспомнила последний разговор с Йенгом, который вовсе не ограничивался их «планом» и беседой о кластере Дуат. В гладкой, почти вылизанной картинке, нарисованной следователем к собственному вящему удовольствию, имелся определенный изъян — Катрина чувствовала его если не подсознанием, то собственными трясущимися поджилками. Но какой?

Лайнер прыгал сквозь кластеры уже три часа кряду, и другим пассажирам, не подключенным к глобальной Сети, было невообразимо скучно, а сложный, насыщенный событиями и крутыми поворотами сюжета видеофильм, крутившийся в спинке впереди стоящего сиденья, — какой-то сериал, набивший ей оскомину еще в агнатской школе, не вызывал у девушки ничего кроме раздражения. Подобной дряни Кэти с подругами по «женскому прайду» насмотрелась вдоволь.

«Эх, — с горечью подумала беглянка, — где сейчас они? Мерелин, Эффи, Лилит и Роксана? Моя гаремная «пятерка»? Время в школе подходило к выпуску и, наверное, —

заклЮчила красавица, — в данный момент подруг готовят к финальному тестированию и распродаже через аукционы...

Мысли о бывших подружках-клонах неожиданно расстроили Кэти и на радость перегревшейся нервной системе отвлекли от вопросов, вызванных непонятным репортажем из кластера Шакрам. Слишком сильно их совместное, пусть краткое, но пропитанное ужасом проживание в школе Артели напоминало ей о прошлом рабском статусе. Что бы ни ждало ее впереди, даже смерть, заклЮчила она, в любом случае это будет лучше, чем дрессировка в классах для секс-агнаток.

Обнадежив себя подобными, определенно философскими размышлениями, Катрина Бета вздохнула и усилием воли заставила мозг вернуться к прерванному анализу воспоминаний, а также к «текущим» вопросам — к собственному спасению, к воскрешенному господу Гору, спрятанному в голове, к заданию ССБ... Но при этом, ступив на старую, заезженную дорогу, мысли потекли по какому-то новому руслу. И неожиданно, как обычно и случается с внутренними откровениями, красавица осознала, что именно беспокоит ее в недавно просмотренном репортаже.

Ее взволновал взрыв кластера, пожравшего Ольменат. Резко набрав в воздух легкие, Кэти сжала свои маленькие кулачки...

Взрыв возник в кластере Шакрам точно третьего дня месяца тот — в день, когда она уничтожила вселенную Эливинера!

Искусственное Мироздание. Игровой кластер Роза. В это же время

Сняв шляпу, господин Саймон Рукс быстро вошел в комнату, служившую ему в местной резиденции Габриэля кабинетом. Сжал и разжал кулаки, сел на кресло и постарался успокоиться.

С каждым днем Габриэль Бруно все больше и больше его раздражал. Сдержанный на людях, Саймон старался реагировать спокойно на постоянные выпады господ Геба в его сторону, на визги в сторону Артели и общую нервную обстановку, царившую в их ограниченном преступном сообществе. Но когда Саймон оставался один, напряжение проступало даже в каменных рефлексх создателя тшеди.

В конце концов, бог Геб всего лишь Заказчик, — подумал Саймон, — а он, Эс Си Рукс, кстати, тоже почти что бог, — всего лишь нанятый специалист. Божественность их обоих была относительной и технической, но, честное слово, не стоило так орать друг на друга!

Ситуация, которая начала развиваться как новый, весьма выгодный с коммерческой точки зрения заказ, постепенно заводила Рукса все дальше и дальше по наклонной доске — в пропасть, именуемую уголовным законодательством Корпорации «организованным преступным сообществом», совмещенным с «террористической деятельностью», «нелегальным производством клонов-экстрасенсов» и прочими прелестями, за которые в совокупности грозило одно — окончательное стирание.

Вспомнив два этих коротких слова, хапи Рукс зримо вздрогнул. Слишком молодой для акционера Нуля, он добивался своего высокого социального статуса очень сложно и тяжело — через агнатство в одном из планетоидов, через работу вольнонаемного когната в Кадровом Департаменте, через собственное сначала скромное «дело» — к повсеместной славе изготовителя тшеди и первым триллионам кредо, посыпавшихся на его банковский счет сразу после первых удачных инициаций.

Несмотря на кажущуюся эксклюзивность своей профессии и приписанную ему славу авантюриста, охотника за агнатками, любителя горных лыж и мордобоя, Рукс был скорее ремесленником, чем сорвиголовой. Он любил свою работу, разбирался в ней и умел ее делать. Он умел делать тшеди, не более того!

Именно за это ему платили. Что же касается всего остального — включая развеселые приключения на бордельных планетах, участие в гонках, драки в кабаках и ссоры с другими,

более старшими, демиургами, то это, скорее, было вызвано влиянием его относительной молодости (всего 600 лет), чем дурного характера и отсутствия воспитания.

Однако сейчас все складывалось по-иному.

Габриэль нанял Рукса, чтобы инициировать уникального тшеди. О том, что это будет именно мертвый бог Гор из далекого прошлого Искусственного Мироздания и вселенских войн периода «охоты на богов», Рукс понятия не имел. Так же как не имел понятия, для чего именно понадобился Гебу этот ископаемый монстр.

Мертвое тело Эливинера — Сэта жгло Руксу душу как раскаленное шило — обнаженную плоть. Угрызения совести мучили и терзали его. Еще бы, в Мире-без-смерти совершить истинное убийство было чем-то сродни продаже души сатане, более страшного нравственного падения в Искусственном Мироздании Корпорации Нулевого Синтеза даже по определению не существовало.

Если бы Саймон знал, что его столь изысканное, столь тонкое, столь изящное ремесло будет использоваться для банального убийства хозяина карманной вселенной, ограбления и разрушения самого частного кластера, он никогда бы не стал работать на Геба.

Но сейчас, по здравому размышлению, выхода просто не оставалось. Рукс увяз в поганом деле по самую голову, выше уже некуда. Единственное, что можно было тут сделать, — завершить начатое и распрощаться с Габриэлем. Навсегда!

Рукс решительно поднялся с кресла, намереваясь, как делал каждое утро, сесть за рабочий стол и снова начать зондировать новостные каналы, но внезапно внимание его привлек странный шаркающий звук. По коридору, соединявшему его временный «кабинет» с прочими гостевыми комнатами, кто-то медленно шел.

Шел, с каждым шагом приближаясь к его личной комнате.

Конечно же хапи Рукс узнал эту шаркающую походку. За месяц, проведенный в кластере Роза, он запомнил ее хорошо. И научился бояться. Бояться не слишком сильно — такие, как Рукс, не боялись практически ничего. Но вот именно этот звук — тихое поскребывание стертой каучуковой подошвы по полированному ясеневому паркету — заставлял его нервы растягиваться в стальную струну, а зубы — сжиматься то ли в тошнотворном презрении, то ли в хищном оскале.

Спустя несколько мгновений в дверной проем ввалился Габриэль Елисей Бруно, лично, собственной усатой, немного полной, небрежно выбритой персоной. Шаркающие ноги переступили порог. За Гебом семенил шеф Артели.

Артели — точная копия Рукса, был выше Габриэля почти на голову и на сажень шире в плечах. Однако впечатление пара производила вполне определенное — на коротких шаркающих ножках вышагивал всемогущий хозяин и повелитель, а в высоком мускулистом теле спортсмена и красавца семенил, полусогнувшись, его пришибленный страхом слуга.

«Ну что же, — сказал себе Рукс, — вот и весь их поганый «прайд» в сборе». И тема для сегодняшнего разговора, похоже, ничуть не будет отличаться от предыдущей.

— День добрый, мой дорогой Саймон! — воскликнул Габриэль прямо с порога. — Вы опять прячетесь от нас с Артели у себя в номере. Вижу, пытаетесь отработать заплаченные мной деньги. Ну, как успехи?

С этими словами Геб с фальшивой улыбкой ткнул в стоящий на столе компьютер Саймона, тот самый, за который Рукс так и не успел присесть.

— Никак, — спокойно ответил Рукс, хотя и чувствовал себя неловко, как пойманный школьник. — Пока никак. Однако если вы, хапи, продолжите беспокоить меня визитами, постоянно отрывая от работы, то, клянусь честью, мы ничего не найдем.

— Для человека, клянущегося честью, — неожиданно укоризненно заявил Габриэль, — вы, мой друг, слишком плохо отрабатываете свой контракт. Я крайне недоволен результатами. За ту сумму, которую я вам плачу, можно купить себе кластер, а уж пару тысяч агнаток, таких как Катрина Бета, подавно.

Саймон пожал плечами. Геб попал в точку, ведь, несмотря ни на что, Рукс испытывал перед нанимателем некоторые угрызения совести — платил тот действительно щедро, а

выполненная Саймоном работа оказалась сделана не слишком удачно, учитывая, что обнаружить Катрину — главного свидетеля совершенного преступления и объект его инициации, им так и не удалось. Однако Геб обманом подвел его к самой черте закона, за которой начиналась пропасть, и это, как казалось Руксу, компенсировало все остальное.

— Так покупайте, — ответил он холодно, с явным вызовом в голосе. — Могу даже посоветовать вам пару закрытых аукционов. Там отличные девушки, прекрасно дрессированные и к тому же — недорогие. Адреса вам назвать? Правда, не уверен, что агнатки для секса заменят вам беглянку Катрину.

Геб недобро прищурился.

— Не заменят, — ответил он, блеснув крепкими кривыми зубами — разумеется, не заменят. Но я вижу, что вы сим фактом не слишком удручены. Из чего можно сделать вывод, что вы не вполне осознаете исходящую от Катрины опасность...

— Да бросьте, — перебил Саймон с искренним раздражением, — кому, как не мне, знать весь ужас, который может испытывать человек, ставший врагом для сверхтшеди. Большинство инициированных мной экстрасенсов не слишком-то меня любят. Но, как видите, я пока жив и здоров.

— Пока, — уточнил Геб с довольно подлой гримасой, — пока живы и пока здоровы!

— Угрожаете?

— Констатирую.

Рукс в ответ смерил своего нанимателя бесстрастным взглядом, неопределенно покачал головой и все-таки подошел к компьютеру. Кисть руки легла на изображение застывшей над столом виртуальной перчатки, и разумная машина ожила. Двумя движениями большого пальца Рукс активировал интерфейс Информационной Сети, и посреди комнаты, между полом и потолком, появилось знакомое всем жителям Корпорации изображение главной страницы СИНК.

— Ответ на ваш вопрос весьма сложен, — сказал Саймон, не прекращая вертеть руками в виртуальных перчатках. Картинка, повинаясь этим коротким скупым движениям, плясала под его ладонями. — Однако сложность эта связана вовсе не с отсутствием рвения с моей стороны, а недостатком вводных данных, необходимых для поиска. Как вам известно, убийство господина Сэта и разрушение кластера Буцефал произошло более четырех месяцев назад, третьего дня месяца тот текущего года. Все это время патрули ССБ не давали мне возможности осмотреть место трагедии. Сразу после взрыва крейсера «безопасников» установили карантинную зону вокруг Буцефала. Ситуация изменилась только двадцать часов назад. Патрульные корабли убрались вон и мои роботы-наблюдатели впервые за четыре месяца смогли свободно пробраться в эту вселенную. Однако это мало что изменило.

Вот посмотрите! — воскликнул Рукс, указывая на виртуальный экран. — То, что вы видите перед собой, это изображение Буцефала, заснятое сегодня одним из моих поисковых зондов. Как видите, от цветущей некогда мини-вселенной осталось совсем немного... А вот перед вами другое изображение Буцефала. Оно заснято четыре месяца назад с монеры «Гоготан» шефом Артели как раз в момент начала взрыва. Как видите — разница налицо. Как будто бы сняты две совершенно разные системы. Но перед вами один и тот же кластер! Первое фото сделано в первые секунды катастрофы. Второе фото — тот же ракурс, но спустя четыре месяца, двадцать часов назад. Вы замечаете что-нибудь интересное?

Габриэль дернул усом, заинтересованно подошел к Руксу, встал от него справа и послушно взгляделся в голограмму. Действительно, в совпадении-отличии фотографий было что-то невероятно загадочное. Нечто, не соответствующее обычному развитию событий в «нормальной» физической среде.

Спустя мгновение Геб понял, что именно. На обеих фотографиях осталось запечатлено огромное кольцо Галереи, из-за которого собственно и начался весь сыр-бор с оживлением Господа Гора и покушением на Эливинера. Кольцо-сокровищница было объединяющим элементом обеих картинок, его изображения там и там, практически не отличались ни цветом, ни степенью светоотражения, ни даже положением в пространстве.

На обоих снимках кольцо выглядело как новенькое.

Отличия фотографий сводились к единственной вещи. На первом фото сияли, разлетаясь в пространство огромные звездные взрывы и надувшиеся пузыри уничтоженных пламенем звезд и планет. А на втором от взрывов не было и воспоминаний. Даже газопылевого облака, которое обязано остаться после разрушения столь массивных космических тел, не существовало. Только кольцо Галереи — огромное и сверкающее. Разрушения, казалось, совсем не задела знаменитый Гавгамел...

Руки Габриэля предательски потеплели. Чудовищный взрыв, разметавший на атомы планеты Шестимирья, должен был снести и кольцо-музей, но на обеих фотографиях Гавгамел выглядел абсолютно целым!

И где, черт возьми, то огромное количество материи, которое должно остаться на месте разрушенных звезд и планет?

Габриэль поднял бровь и удивленно посмотрел на Саймона Рукса.

— Именно, — подтвердил Саймон, кивнув. — Энергии взрыва нет. Внутри кольца абсолютная пустота. Само кольцо цело, хотя его должно было порвать на молекулы, а внутри кольца — почти чистый вакуум. Там нет даже пыли, кроме той, которую занесло из космоса за четыре месяца. Гигантская масса атомов и элементарных частиц, которая должна была остаться после взрыва двух звезд и тринадцати планет, исчезла, как будто ее никогда не существовало. Поразительно, правда?

— И куда же все делось? — нервно переспросил Геб. — Вы нашли объяснение этому загадочному феномену?

Не отвечая, Рукс вытащил руки из виртуальных перчаток и звонко щелкнул пальцами. Почему-то ему захотелось пить. Бытовой робот выкатился из прикрытой шторкой ниши, подскочил к холодильнику, налил хозяину ледяного морса из дозатора, а затем, подрабатывая сервоприводами, поднес запотевший бокал к создателю тшеди.

Хапи Рукс взял и с удовольствием отхлебнул напитка.

— Хотите? — спросил он у Габриэля с наглой рожей, явно растягивая время.

Тот безразлично мотнул головой. Губы содержателя казино для самоубийц-демиургов сложились в презрительную усмешку. По его личному, а значит, единственно верному во вселенной мнению, прислуживать настоящему демиургу могли только люди — агнаты, когнаты, слуги — не важно. Использование роботов выглядело в глазах Геба элементарно пошло. Кроме того, Рукс сознательно игнорировал его вопрос — просто хам!

Апартаменты Эс Си Руксу были предоставлены просто роскошные и, разумеется, с рабынями — как для услуги, так и для секса. Но Рукс отказался. В рабочие поездки он брал с собой только пару бытовых роботов, которые и составляли его постоянную команду. Обстирывали, обглаживали, прибирали, готовили и, по всей видимости, охраняли. «Любовь к роботам, — подумал Геб, — ей-богу не доведет это хамское отродье до добра».

Стоящий рядом с Гебом шеф Артели, давно уже мучимый жаждой, скромно помялся с ноги на ногу, явно обозначая свое присутствие. Но Саймон ничего ему не предложил — он не любил шлюхофермеров, хотя и пользовался иногда услугами самих «шлюхоферм». Во всяком случае снисходить до того, чтобы давать заводчику секс-агнатов пить из своих бокалов, Саймон не собирался, чтобы не выбрасывать потом посуду.

Наконец Рукс торжественно допил, вручил пустой бокал роботу и снова щелкнул по одной из клавиш. Картинка на голоэкрane сменилась. Теперь, вместо разрушенного кластера Буцефал перед гостями Рукса предстала панорама иного мира. А в центре панорамы, неподвижной с такого огромного расстояния и в таком огромном масштабе, — расцвели цветки двух гигантских взрывов. То продолжали разлетаться в пространстве две взорвавшиеся звезды Буцефала.

— Перед вами увеличенный вид с орбиты звездной системы Терранат, кластера Шакрам Искусственного Мироздания, — сказал Рукс. — Объяснение феномену, который спас кольцо Галереи и выбросил в другой кластер взорвавшиеся звезды Буцефала, кажется мне достаточно очевидным, однако пока, до окончательной проверки, я озвучивать его не

стану — слишком уж это объяснение кажется невероятным. Но саму исчезнувшую материю и разлетающийся в пространстве взрыв мы отыскиали. Для этого понадобился простейший запрос в Сеть о необычных космогонических явлениях, случившихся в Искусственном Мироздании за последнее время. Извольте видеть, взрывная волна из частной вселенной Сэта каким-то немыслимым образом оказалась перенесена сюда — через границы времени и пространства, в далекую провинциальную вселенную. Возможно, речь идет о нулевом квитировании, — самом масштабном квитировании за историю Искусственных Вселенных.

Саймон пожал плечами.

— За минувшие четыре месяца взрыв разросся, — продолжил создатель тшеди, — его излучение потеряло силу и интенсивность, температура и давление взрывной волны существенно снижены. Однако ареал катастрофы стал просто колоссальным. Диаметр взрыва превышает сейчас одну треть светового года. Новейшая история Корпорации не знает более масштабной трагедии. Насколько мне известно, взрыв уже пожрал одну из ближайших звездных систем. А очень скоро уничтожит еще одну, соседнюю. В общем... если что-то и осталось от Буцефала, то искать это что-то нужно здесь. Других зацепок у нас пока нет.

Демиург-акционер Габриэль Бруно мрачно кивнул. История с неуничтожимыми планетами-кольцами и космическим взрывом, мгновенно перенесенным из одного кластера в другой сквозь стены времени и пространства, ему явно о чем-то напомнила.

Вставив в рот наркотическую сигарету, он глубоко затянулся и выдохнул густой терпкий дым.

Борт лайнера «Аякс-Демархия». Салон когнат-класса. В это же время

В иллюминаторе за бортом переливалась в космосе гладь нуль-портала. Как всегда в таких случаях, при приближении к искривленному пространству голову немного закружило. За бронированным стеклом тьма сменилась неярким светом. Катрина знала — примерно через пять минут туристский лайнер приблизится к нуль-порталу, запустит «прыжковые» двигатели и окажется в новом кластере, а Шакрам за стеклом исчезнет. Но Кэти уже не следила за видами. Гораздо более процесса пространственных перемещений ее занимали собственные ничтожные думы — девушка мучительно размышляла.

В свой последний день пребывания в тренировочном центре Службы Собственной Безопасности — последний день перед высадкой — они с нукером Йенгом сидели в тире. Кэти целилась, стреляла, ждала, пока вылезут новые мишени, крутила в ладони бластер, — но не наручный эстимет, а старую «правительственную модель, типа 1» — со стволом, спусковым крючком и рукоятью. За дни тренировок легендарная модель пистолета-наладонника стала для девушки привычным оружием. Служащих ССБ обучали пользованию старой «правительственной моделью» не случайно. Наручные эстиметы применялись служащими Корпорации, однако на Союзных планетах военные почти повсеместно использовали старый, немодифицированный ручной вариант бластера. До высадки оставалось всего ничего, однако даже последние минуты Йенг старался использовать по полной программе. На этот раз и без того фантастически владеющую своими реакциями Катрину заставляли пристреливаться к движущимся мишеням. Острота зрения и координация у беглянки оказались потрясающими — она срезала крылья электронным мухам одним выстрелом бластера, почти не глядя. Но, конечно, дело заключалось не только в остроте зрения.

В последний день Йенг загрузил в голову Катрины множество программ, одна из которых, насколько девушка могла судить по бегло просмотренному списку загрузки, носила название «Беглая стрельба из пистолета. Тренировочный курс — четыре тысячи часов».

Четыре тысячи часов! Цифра звучала фантастично — в реальной жизни Катрина ни за что не сумела бы потратить такую прорву времени на упражнения с бластером, ее просто сморила бы скука. Отработав стрельбу в реале всего за один получасовой сет, она

подтвердила сама перед собой «программную» натасканность. Задача у «отработки в реале» имела единственная: убедить «запрограммированного» стрелка, что четыре тысячи виртуальных часов, которые содержатся в его памяти, — настоящие. Что в реальном бою рука не дрогнет, а глаз не подведет.

Автоматическими движениями (как полагалось по окончании стрельбы) Кэти вытащила отработанную обойму, полностью разобрала бластер на части, тут же молниеносно собрала и вставила новую обойму — все это заняло у нее не более двух секунд. Движения рук девушки были настолько быстры, что почти не улавливались человеческим глазом. Затем она отложила «правительственную модель» на специальный резиновый коврик, на самом краю столешницы, демонстрируя тем самым тренеру, что урок завершен.

Йенг-тренер удовлетворенно кивнул, но Кэти, в отличие от него, оказалась удовлетворена не вполне.

— Можно отвлеченный вопрос? — поинтересовалась клонированная красавица, тряхнув волосами.

Йенг молча пожал плечами — по всей видимости, это означало «да».

— Как мне удалось спастись во время взрыва кластера Буцефал? — спросила агнатка. — Вы утверждаете, что ближайший портал находился очень далеко от меня, а времени оставалось две с половиной минуты. Как?

Йенг бесстрастно покачал головой.

— Вас настолько интересуют подробности? — следователь поджал нижнюю губу, — Ну что ж... Когда звезды кластера взорвались, времени оставалось мало, и мы с ребятами решили рискнуть. За кластером следило несколько кораблей ССБ. Два из них, самых мощных, я избрал для спасательной операции.

— Первый корабль открыл свой портал прямо в ад, в точку перед одной из взлетных площадок кольца Галереи, на которой за час перед этим высадились вы с Сэтом-Эливинером и свитой, — начал объяснений нукер. — Второй корабль открыл портал обратно за пределы Буцефала, в ближайший безопасный кластер... Таким образом, накапливать энергию для двух последовательных нуль-порталов нам не пришлось. Две гигантские, воистину космических размеров, взрывные волны спешили к нам с разных сторон кластера, — и мы очень торопились! Промчавшись над кольцом на армейских катерах, мы отыскивали вас теплосканером и вскрыли броню кольца бортовым оружием. Воздух покинул помещение, и вы скончались. Затем, мы вынесли ваш задохнувшийся и обмороженный в вакууме труп наружу. На борту поместили в регенерационный комплекс и оживили. Вот и все.

— Вот и все, — повторила Катрина задумчиво.

Признаться, рассказ маленького смуглокожего инспектора заставил ее внутренне содрогнуться. Перед глазами мелькнуло видение собственного замороженного при абсолютном нуле трупа, взорвавшиеся от давления артерии и вены, выдавленные наружу глазные яблоки. Капли крови, кружащиеся вокруг маленькими шариками. И кожа, от холода твердая, как камень. Пожалуй, было, за что сказать Йенгу спасибо — за жизнь, например.

— Спасибо, — бесстрастно произнесла она.

— Пожалуйста, — мило улыбнулся Йенг и, взяв бластер с резинового коврика, выстрелил по мишени сам. Луч выбил десятку...

Вспоминая эту беседу, Кэти, не отрываясь, вглядывалась в иллюминатор. Там, за бронированным стеклом, медленно раскрывались крылья космического портала.

В тот раз Йенг соврал.

По его собственным словам, шансов на выживание практически не имелось. Шансы ничтожны настолько, что и Рукс и Габриэль почти на сто процентов уверены в ее смерти. Однако сейчас она сидит в кресле элитного лайнера и, значит, — определенно жива.

Шепот Йенга до сих пор отражался в ее ушах.

«Промчавшись на катерах над кольцом, мы отыскивали вас теплосканером, вскрыли броню кольца бортовым оружием и вынесли ваш задохнувшийся обмороженный в вакууме труп наружу. На борту поместили в регенерационный комплекс и оживили. Вот и все».

— Вот и все, — еще раз повторила Катрина вслух, — вот и все.

Вскрыли броню, а перед этим пролетели на космобилях с теплосканерами и отыскивали ее ускользающее микроскопическое тело в огромном кольце? За две с половиной минуты?

Лайнер слегка качнулся. Кэти знала, что, несмотря на неспешное движение окружающего пространства, огромная машина приближается к воротам нуль-портала с каждой секундой на километр. Очень скоро она шагнет в неизвестность... У неизвестности, впрочем, имелось имя — игровой кластер Роза. А кластер Шакрам останется позади. Шакрам, Шакрам... Откуда же ей знакомо это чертово слово?

Красавица свела брови, ладонями сдавила виски. От нервного напряжения и зудящего беспокойства сердце забилося сильнее. И, как бывало всегда в такие минуты крайнего стресса, помощь пришла изнутри. Сокрушитель черепов Катилина хлопнул и потер друг о друга вспотевшие от страха ладони. А где-то в самой глубине черепа разверз свои древние очи чудовищный господь Гор.

Внезапно и четко, как бывает в шахматной партии у опытного игрока, многосложная и многослойная комбинация вдруг стала простой и прозрачной — агнатка вспомнила, что такое «Шакрам».

Не мешкая далее, Катрина Бета решительно поднялась с места и быстрым шагом направилась к кабине стюардов.

Квитирование 15 Падение с небес

Борт лайнера «Аякс-Демархия». Сервисный блок салона для свободных когнатов

Рядом с кабиной стюардов в конце пассажирского салона для свободных когнатов располагался так называемый «сервисный блок». Туалеты и сантехнические узлы проектировщики разбросали по всему протяжению салона, поэтому «сервисный блок» включал в себя прежде всего роскошную курительную, кухню, пирожковую, рюмочную, бытовое помещение для сервис-агнатов, раздевалку для сервис-агнатов, комнату отдыха для сервис-агнатов и отделялся бронированной стеночкой от кабины пилотирующего экипажа. Однако большую часть площади сервисного блока занимали вовсе не перечисленные служебные помещения, а небольшие комнаты совершенно иного функционального назначения. А именно — рыночные кабины. Путешествия на космическом лайнере занимали много часов, и для того, чтобы развлечения пассажиров могли приносить пользу туристической компании, на каждом лайнере располагались комнаты с синтетическими аппаратами. Ювелирные изделия и одежда, информационные таблетки и свитки, наркотики и изысканный алкоголь. И, разумеется, разнообразные сувениры — все это имелось здесь.

На первый взгляд, несмотря на то, что в закипающем от напряжения мозге ожило сразу двое мужчин, Катрина решила развеяться совершенно по-женски. А именно — совершением покупок. По крайней мере, именно так подумали соседи по креслам, когда с томным взглядом измученной скукой красотки она проследовала мимо них в «сервисный блок».

Пять минут спустя грозный бог мести Гор и истребитель гуннов катафрактарий Флавий Аэций Катилина смотрели в зеркало на ее (и одновременно — их собственное) обнаженное женское тело. Один за другим Кэти примеряла сногшибательные наряды — от утонченных одежд деловой леди, подчеркивающих сдержанную сексуальность карьерных львиц, до откровенных купальников, ни скрывающих практически ничего, кроме самых интимных мест. То, что сидящие в ее голове «бог» и «воин» видели прямо перед собой, должно было потрясти бывших «потрясателей вселенной». И наверняка потрясло, ибо ни один мужчина не смог бы глядеть на раздевающуюся, одевающуюся и снова раздевающуюся Катрину Бету 19-

725, не испытывая вполне конкретных мужских эмоций.

Однако саму беглянку череда отражений в новых нарядах не потрясла.

Ее первый, доставшийся от Службы безопасности, белый хитон в горошек в каком-то смысле нравился девушке больше. Выстиранный сегодня утром роботом-прачкой и тщательно отглаженный роботом-консьержем прямо в космопорте (в комнате гигиены за те несколько минут, пока Катрина сидела голой за небольшой ширмочкой и листала журнальчик), хитон не только великолепно подходил ей по фигуре, но и выгодно оттенял золотистый «искусственный» загар куколки-агнатки, а также роскошную копну волос, собранную в могучую косу, не то цельнокованую, не то сплетенную из темной, коричневой меди.

Изумительное лицо, изящные ноги и прекрасная грудь, едва удерживаемая тонкой тканью, в сочетании с этим простым нарядом создавали сногшибательное впечатление. Мужчины, мимо которых она проходила, не могли отвести глаз, а сидящий в ее голове кавалерист Катилина молча сходил с ума от вожделения. Еще бы, в его примитивном «каталаунском мире» с гуннами и многотысячными конными армиями на мохнатых жеребцах, таких женщин еще не существовало. В смысле — такие женщины не только не рождались и не жили там, таких женщин там просто еще не делали. И все же на свободный от воздействия тестостерона взгляд самой Катрины Беты, которая помимо чисто постельных дисциплин обучалась у Артели еще и начальному курсу этики и эстетики моды, для путешествия сквозь искусственный космос платье выглядело чересчур простоватым. Ей требовалось нечто иное.

Деловые костюмы и купальники беглянке также не подходили. По крайней мере — сейчас. Но что же тогда?

Несколько мужчин, проводивших ее сальным взглядом, наверняка хотели бы увидеть девушку полностью обнаженной. В каком-то смысле этот вариант был верным, но лишь отчасти. Не мешкая, Кэти пролистывала каталог.

Миниатюрный «торговый центр», в котором она примеряла платья, представлял собой короткий коридор с торговыми секциями справа и слева. Заканчивался он дверью в помещение стюардесс. Всего «торговый центр» вмещал двадцать «бутиков» с товарами на любой вкус, вернее, с нуль-синтезаторами, содержащими соответствующие каталоги для воспроизведения изделий. Хотя бутики различались по производителям и по категориям товаров, их размер и внутренняя отделка казались одинаковыми и подразумевали декорированный разноцветный пластик, зеркала от пола до потолка, дизайнерские стулья, стеклянный столик, несколько раздевалок и широкий голоэкранный центр зала. В каждой «кабинке» имелись также пара кресел или диван для «сопровождающих», а также угловой столик с кофейным аппаратом и прохладительными напитками.

Перед прибытием в космопорт, да и в самом космопорте города-куба Кинополя, беглая рабыня слишком торопилась: покупка билета на космолёт, заботы по ориентировке, оформление документов на взлет, отняли уйму времени. Только сейчас появилась возможность использовать доставшееся ей от Йенга небольшое состояние на свое усмотрение и по собственному вкусу. А надо сказать, что вкус у девушки с двумя мужчинами в сознании складывался весьма специфический.

Войдя в коридор, Катрина чуть замешкалась, выбирая, в который из «бутиков» зайти. В двух кабинках, за стеклом и воздушными шторками, уже копошились девицы-бездельницы. Одни, как видно, выбирали литературные свитки или информационные пластинки для домашних компьютеров, другие — рассматривали крутящийся на голоэкране акваланг. В третьем бутике, размещенном в самом конце коридора, пара мужчин просматривала каталог с обувью. Катрина пожалала плечами: «Вот он, итог эмансипации, — подумала клонированная красавица, — женщины смотрят книги и оборудование для ныряльщиков, а мужчины изучают обувь». Катилина в своем «мире гуннов» такого бы точно не понял. Осмотрев зону магазинов и не загружая себя лишними размышлениями, Катрина выбрала бутик посередине, одинаково отделенный как от поглощенных шопингом «дам», так и от озабоченных обувью

«кавалеров».

Внутри кабинка оказалась достаточно просторной, на беглый взгляд — не менее пяти метров в длину и ширину. Голоэкран, создаваемый маленьким излучателем, похожим на цветочную вазу, рисовал в воздухе цветное объемное видео. Изображение казалось беззвучным, по крайней мере снаружи Кэти не слышала ничего. Однако, как только агнатка оказалась внутри помещения, голос призывно зазвучал, накатывая на нее волнами убеждения:

— Добрый день, сикха, чем могу вам помочь? — пробасила программа-торговец. На голоэкрane возникла мудрая, но в то же время забавная рожа мультипликационного человечка — молодого широкоплечего качка с приятными чертами, с модным хохолком, но розовощекого, а потому немного смешного. Это рисованное существо имело вид необычайно уверенный, но в то же время безобидный и почему-то чопорный. Видимо, именно так виртуальщики представляли себе идеальных продавцов дамской одежды.

— Пожалуй, можешь, — выдавила из себя агнатка и потребовала каталоги.

Не спеша просмотрев их с перманентно демонстрируемым интересом, агнатка краем глаза одновременно наблюдала за тем, что делают в соседних нишах-магазинах ее коллеги по шопингу. Мужики спорили с недовольными лицами, девушки — весело щебетали. Ранее Катрина отметила расположение видеокамер в кабине и коридоре, аккуратно проследила, как входят и выходят из соседних бронированных дверей сервис-агнаты и стюардессы. Помимо служебных помещений для отдыха персонала за дверью скрывалась также «кухня», где стюарды лайнера готовили обеды для пассажиров или откуда выносили заказанные пассажирами напитки и закуски. Наблюдать за перемещением персонала из торговой зоны оказалось очень удобно.

Стюардессы ходили по залу вроде бы хаотично, но все же некоторая система в их нечеткой работе наблюдалась.

Четверо девушек в алых накидках постоянно дежурили возле прохода на «кухню» (двое слева и двое справа), внимательно следя за «клиентами» — не попросят ли те чего-нибудь. Просили в основном воду, пиво, орехи и жареный картофель. Как только кто-то из пассажиров нажимал на кнопку вызова, одна девица из «четверки» бежала к нему выполнять заказ.

Какая-то возня постоянно происходила в начале салона, там, где сидели матери с детьми. За краткое время своего «свободного» когнатского проживания Катрина успела просмотреть достаточное количество телепередач и знала — в Корпорации сейчас существовала мода на детей. И хотя львиная доля прироста населения все равно происходила за счёт «штамповки» на фабриках Нулевого Синтеза, богатые, вернее — обеспеченные, люди в значительной массе тяготели к живорождению. Учитывая успехи медицины и абсолютную безопасность беременности и родов, процесс был необременителен.

Время от времени стюардессы на посту сменялись, и это позволяло заключить, что в зале их работает не четверо, а больше. Запоминая стюардесс по лицам, Кэти насчитала восемь человек. Смена происходила каждые полчаса — вот, собственно, и весь режим.

Зафиксировав в памяти особенности работы стюардесс, Кэти отвлеклась от наблюдений и наугад ткнула в несколько нарядов из электронного каталога. Программа-робот приняла заказ, сняла опытным электронным взглядом мерки и активировала систему синтеза материальных объектов. Зазвучала мелодичная музыка. Спустя несколько секунд внутри камеры синтез-машины, в аккуратных свертках, сложенные и новенькие, взору Кэти предстали только что синтезированные вещи — как раз те, что она заказала, но, разумеется, с некоторыми корректировками под ее личный размер.

Кэти хмыкнула, примерила, сбросила, примерила снова и снова сбросила. Тряпки раскидывала, как попало — на диван и на кресло. Не в урну для аннигиляции (как полагалось), а именно — кучей. Некоторые вещи действительно сидели на ней настолько хорошо, что девушка даже немного увлеклась. Суть шоппинга, впрочем, крылась для нее не в собственной красоте.

— Это все? — поинтересовалась она, быстро листая на голоэкрane листы электронного каталога.

— Вы не дошли даже до половины ассортимента, — голос программы-робота прозвучал укоризненно. — Такое быстрое перелистывание невозможно назвать полноценным. Мы представляем продукцию от тысяч производителей. У нас, сикха, действительно имеется почти все!

Слушая робота, Кэти опасливо оглянулась на коридор — не смотрит ли кто? И совершенно напрасно. Стюардессам не было до нее никакого дела, а внутри торговой кабинки слова и действия девушки в любом случае фиксировались на камеру, а затем передавались на сервер космолета. Впрочем, подумала она, работники транспортной безопасности, не должны воспринимать длинноногих девочек в бутиках чрезмерно серьезно...

— Врешь, железная рожа, — произнесла Катрина, разворачиваясь обратно к виртуальному роботу — всего у тебя нет и быть не может... Перечисли мне товары, которые нельзя синтезировать на борту лайнера!

Опешивший робот-программа тут же изменил тональность своей болтовни и начал что-то оскорбленно зачитывать. Как и ожидала Катрина, кроме запрещенных к продаже наркотических средств, продуктов питания и домашних животных, в списке значились ручное оружие, взрывчатка, а также радиоактивные и легковоспламеняющиеся вещества.

«Логично, — мысленно согласилась девушка, — оружие на пассажирских лайнерах продавать не должны». Но ей ведь и не требовалось оружие! В свое время, благодаря подаренному поганцем Рук-сом пиратскому нейрошунту, Катрина скачала себе в мозг разнообразную информацию о вооружении и спецтехнике Корпорации. Сейчас эти знания должны были пригодиться. Бластер, конечно, ей в местном синтезаторе не получить, но вот кое-что другое — вполне возможно.

— Попадают ли в этот список скафандры с высокой степенью бронирования? — бросила Кэти электронному собеседнику.

Компьютер среагировал с удивлением.

— Отчасти, сикха, — изумленно возвестил он. — Военные модели запрещены к продаже. Но гражданские модели скафандров проходят в каталоге по разделу «спецодежда», включающему пять миллионов самостоятельных разновидностей спасательных и защитных доспехов для коммерческого использования с уровнем бронирования среднего и легкого класса. Для работы в открытом космосе, для воздушного пилотирования, для спасательных работ, для подводных работ, для подземных работ и так далее.

Катрина напрягла память, вспоминая скачанные ей когда-то знания по спецтехнике.

— Мне нужен костюм пилотов грузовых линий, предназначенный для аварийного катапультирования.

— Скафандров для пенетрации из стратосферы в нашем каталоге содержится триста модификаций! — торжественно объявил робот. — Рекомендую правительственную модель «Кираса» — это стандартный доспех космических карго. Беспарашютный, устойчивый к трению и высоким температурам, выдерживающий свободное скольжение сквозь планетарную атмосферу, с возможностью автономного дрейфа в космосе до двадцати пяти суток, а также с внутренними гравикомпенсаторами и внешней броней — для пенетрации прямо в грунт с орбиты. Будете смотреть?

Катрина кивнула с задумчивой миной.

— И дай мне, пожалуйста, что-нибудь расслабляющее, — потребовала она, — нервишки сегодня ни к черту.

Торговая программа выдержала паузу и округлила на экране виртуальные глаза от фальшивого шока — как видно, не ждала от клиентки пошлости.

— Разумеется, сикха, — возвестил наконец анимационный мужчина на голоэкрane. — Лекарства к продаже запрещены, но в нашем каталоге представлены два миллиона высококачественных табачных изделий и элитных алкогольных напитков. У вас, сикха,

имеются конкретные предпочтения?

* * *

Как только очередная стюардесса со столиком-каталкой протопала мимо по коридору в направлении служебной двери, Кэти вышла вслед за ней и, дождавшись, пока та наберет код и протолкнет столик в дверной проем, стремительно сблизилась и вырубилась несчастную одним жестоким ударом сзади.

Три товарки, стоявшие справа и слева от дверного проема, не успели даже раззявить рот, как повторили судьбу своей подруги — Катрина последовательно, четко, очень технично и совершенно не по-женски (привет КатиLINE) отработала простейшую комбинацию из последовательных ударов руками.левой-правой, левой-правой, правой! В переносицу и в висок. В солнечное сплетение и в кадык. Последний — в челюсть.

Три красивых, но категорически мертвых женских тела растянулись на полу поломанными куклами. Повалив их прямо в дверной проем (чтобы дверь не могла закрыться автоматически), Кэти разлила по полу ароматный, дурманящий душу напиток. Соединив длинной лужей открытую дверь с только что оставленным ей бутиком, она щелкнула зажигалкой и вопреки наклейке на дверце, запрещающей курить в коридоре, зажгла толстенную, с кошачью лапку, сигару — самую ароматную и дорогую, которую только смогла отыскать в компьютерном каталоге. Где-то внутри торговой кабинки рисованный робот-продавец захлебывался в собственных увещеваниях, но Кэти не слушала его — она по-честному расплатилась за приобретения, и купленный рюкзак со скафандром болтался у нее за плечами. Не теряя ни минуты, беглянка шагнула через порог — внутрь секций для стюардесс. Вошла, разливая виски по полу соединительным ручейком, а еще одну полную бутылку — сжимая в руках как дубину.

Какой-то мужчина (судя по одежде — не стюард, а вероятно, механик), взбудораженный ревом сигнализации, уже поднятой системой видеонаблюдения, зафиксировавшей насилие в пассажирском салоне, выбежал ей навстречу из-за угла. И тут же рухнул на пол — с широким размахом, Катрина засадила ему в лицо тяжелой бутылкой. Схему лайнера, скачанную в шунт прямо из глобальной Сети, агнатка изучила чуть ранее. От кабины с пилотами техническое помещение стюардесс отделяли лестница и еще один поворот. Пройдя их менее чем за десять ударов сердца, она легко повела рукой, вызывая красный муар и настраиваясь на коды встроенных электронных замков. Бронированная пластина в дверном проеме, повинаясь могуществу тшеди, послушно отплыла в сторону. Агнатка шагнула внутрь, оставив за спиной открытую настежь дверь.

Четверо высоких пилотов, в ладных костюмах цвета выцветшей бирюзы, развернулись в анатомических креслах и теперь смотрели на нее, не мигая. Хорошо, что не с открытыми ртами.

То, что произошло, случилось стремительно, неожиданно и настолько невозможно, что удивление просто светилось в глазах экипажа, ярче отраженного в стекле иллюминаторов звездного света. Невозможность произошедшего заключалась в том, что дверь в кабину летчиков-космонавтов не открывалась ни при каких обстоятельствах до самого конца полета. Стюардессы в салонах лайнера работали автономно от летного состава. Возможность проникновения в кабину управления незнакомцев и незнакомок была, таким образом, полностью исключена. Красивая длинноногая девушка с толстой сигарой в зубах и бутылку янтарного напитка в руке должна была показаться им скорее галлюцинацией, чем живым существом...

Галлюцинация с размаху расшибла бутылку с виски об пол, тем самым мгновенно перейдя в категорию живых и, главное, опасных существ.

— Что это значит? — сурово спросил капитан, поднимаясь из кресла, — как и положено по должности, он пришел в себя первым.

Катрина проигнорировала вопрос, сняла со спины рюкзак со сложенным внутри

пенетрационным скафандром, пыхнула дымом в воздух.

— Сначала сдадим оружие, — произнесла она совершенно будничным тоном. — Затем успокоимся, сядем и выслушаем мои разумные требования. Понял?

Капитан открыл рот. Потом закрыл. Потом сел. Рука его непроизвольно двигалась, пальцы терлись подушечками друг о друга. На поясах каждого из четверых пилотов висели компактные электрошокеры. Не дубинки для пыток и издевательств, как в памятной Катрине школе для проституток, а небольшие пластиковые пистолетики, предназначенные для мгновенного отключения сознания после первого же попадания в цель. Эстиметов на борту гражданских лайнеров, как видно, не полагалось — во избежание повреждения в случае перестрелки корпуса космолета.

— Не понял, — угрожающе произнес капитан, — Это розыгрыш? Черт... По всей видимости, вы пьяны!

Катрина шагнула ближе к луже и села в свободное кресло.

— Абсолютно трезва, — она мотнула головой. — Я угоняю твой лайнер. Люди на борту — мои заложники. Сейчас вы очень медленно достанете махейры из кобуры, положите на пол и подтолкнете ко мне ногами.

Капитан шумно засопел носом от странной смеси презрения и удивления необычностью ситуации.

— Вы сумасшедшая, — прокомментировал он громко. — В Корпорации невозможен захват заложников. Команда и пассажиры прошунтованы, и в случае насильственной смерти будут воскрешены в ближайшем центре хеб-седа. Повторяю вам: убирайтесь в салон, и тогда, возможно, я не сообщу о вашем проступке пограничным пелтастам.

— Ах, я сказала «захват заложников»? — девушка издевательски подняла брови. — Прости, сикх, не точно выразилась. Нужно сказать «захват залога». Туристическая пентера стоит сотни миллионов душ. Так что сдавайте мне пушки, или я устрою тут пожар.

Она выразительно посмотрела на пол, и демонстративно стряхнула пепел с сигары, очень близко с яркой ароматной лужей.

Капитан, уже открывший рот для новой гневной тирады, резко осекся. Было видно, как под его кустистыми бровями хороводом несутся мысли. Ситуация была явно не стандартной. Угонщица — шизофреничка, это было для пилота очевидно. Попробовать угнать лайнер подобным специфическим способом — глупость, ведь в Искусственном Мироздании невозможно совершить преступление и не понести за него возмездие впоследствии. Да, собственно, при чем здесь «последствия»? Вынуть шокер, свалить незнакомку первым же выстрелом, затем броситься к огнетушителю, что висит в стене, и пеной в упор расстрелять горящую лужицу из виски — да и то, если загорится. Даже если предположить невозможное, что огонь быстро перекинется на обивку салона или ковровое покрытие пола, огнетушитель справится с этой проблемой.

«Ведь так?» — с надеждой спросил себя капитан.

Он шумно выдохнул — ноздри его расширились.

«Не так!» — Что-то тормозило его решимость. Прежде всего отсутствие привычки к подобного рода стрессам. Никто и никогда в мире бессмертных не угонял космолайнеры и не брал заложников. Соответственно пилотов никогда не ориентировали на противодействие террористам. Открытый огонь в космолайнере — это эксцесс, даже теоретически. Капитан знал — виски практически не горит, но все же. Как вообще распространяется пламя в закрытых пространствах с принудительной вентиляцией?

Этого капитан не знал. Помещение заполняли невидимые потоки воздуха: работали вытяжки, кондиционеры, сквозь решетки темнели глотки труб и воздухопроводов. Работа «атмосферных» машин и разность температур создавали тягу, а пахучие газы из ионаторов и ароматизаторов были насыщены кислородом. Весь лайнер мог вспыхнуть как факел. Или же нет? Средств и систем пожаротушения, полагал капитан, вероятно, должно хватить, но в этом нельзя было быть уверенным наверняка. Опять же, в висках команды — располагались нейрошунты. Опасность смерти, как таковой никому не грозила. Тогда к чему риск? Чего-то

стоил только сам туристический лайнер...

Через несколько секунд все пять электрических пистолетов лежали у ног Катрины. Пилоты по-прежнему сидели в креслах, недоуменно переглядываясь, усмехаясь и даже покручивая пальцами у виска. Два шокера Катрина подняла. Один разрядник заткнула за пояс, второй зажала в руке. Во второй руке. В первой оставалась тлеющая сигара.

— Теперь двигаемся по порядку, — произнесла нелепая террористка, — мне нужны деньги.

— Много? — невольно уточнил капитан.

— Допустим... пару талантов. Сейчас вы закроете портал на Розу и выведете лайнер на орбиту ближайшей планеты. Если не ошибаюсь, это будет Торватин, двухсот семидесятой системы. Там, на орбите, мы ждем деньги от администрации вашей компании. Я хочу получить их наличными, в мелких, незарегистрированных купюрах. Потом вы открываете другой нуль-портал в известный мне кластер. Там я сойду.

Капитан презрительно скривился.

— Но это же глупость, сикха, — мертвым голосом произнес он, — вам не удастся сбежать, а тем более использовать...

— Не твое дело, бессмертный мой, — оборвала беглянка, — следуем к Торватину и везем деньги.

— Послушайте...

— Я сказала: орбита Торватина и деньги. — Она чуть повысила голос.

— Да в уме ли вы?.. — прошипел капитан, окончательно убеждаясь, что перед ним сумасшедшая.

Вместо ответа, с кривым от безумия ртом, Кэти спустила курок. Боек выдал сухой стук и один из пилотов рухнул к ногам капитана, содрагаясь в конвульсиях.

— Ну?

— Я не понимаю...

Курок вжался снова. Еще один выстрел грянул, и второй пилот, исходя пеной изо рта, упал на пол, дрыгая ногами.

— Ну?! — проорала Катрина в голос.

— Выполняем, — серея лицом, прошептал капитан и развернулся к пультам, где располагался аппарат межпространственной связи.

Стационарная орбита планеты Торватин.

Пентера компании «Аякс-Демархия».

Пятнадцать минут спустя

Когда портал на Розу закрылся, лайнеру понадобилось всего несколько минут, чтобы, пронзив три парсека, выйти на кольцевую орбиту вокруг ближайшей из планет 270-й системы. Сине-зеленый шар Торватина, радующий глаз свежестью и разбегающийся за стеклом иллюминаторов цветастым узором океанов и континентов, застыл ровно в тысяче километров внизу. Однако с каждой минутой этот шар приближался.

Теоретически сумма запрошенного Катриной выкупа должна была прибыть к лайнеру с ближайшей планеты. А поскольку выкуп все еще не везли, Кэти заставила лайнер медленно снижаться по кольцевой орбите, все ниже и ниже к поверхности планеты-сферы Торватин.

Показания счетчика высоты на дисплее управления сменились с тысячи километров на девятьсот, затем на восемьсот.

Все это время капитан разговаривал по гиперсвязи с начальством, повторяя условия Кэти относительно выкупа, а единственный остававшийся в сознании пилот, дуря от скуки, рассматривал бессознательные тела сраженных разрядником товарищей. Те нервно посапывали, время от времени конвульсивно дергая кончиками пальцев — это сказывались последствия шока.

Счетчик высоты пискнул — семьсот километров.

В коридоре, невидимые из кабины пилота, но вполне ощущаемые по шепоту и топтанию ног, прятались вооруженные разрядниками охранники лайнера из транспортной полиции. Чуть дальше шумели сервоприводами бытовые роботы, вылизывая полы коридоров и бутика, забрызганные виски и закиданные пропитанной алкоголем одеждой.

Счетчик высоты пискнул снова — шестьсот километров.

Роботы-пожарные с огромными пенобрендспойтами наизготовку стояли тут же, сразу за вооруженными полицейскими. Теперь, как понимала Катрина, за пределами кабины пилотов уже просто нечему было гореть. Да и здесь, внутри тесной комнаты с пультами управления пожар почти не реален, поскольку лужу с горящим спиртом легко затопят пеной, порошком и водой...

Пятьсот километров.

— Деньги привезут приблизительно через час, — соврал наконец капитан, оторвавшись от микрофона. Глаза его были укоризненно жалостливы и грустно печальны. Он уже не боялся, а жалел угонщицу космических кораблей.

Четыреста километров.

Кэти спокойно кивнула. От ее мнимого бешенства теперь не осталось и следа. Воспользовавшись своими способностями тшеди и подключившись к линии связи в самом начале капитанских переговоров через глобальную Сеть, она прекрасно знала, о чем тут шла речь. К лайнеру были высланы вовсе не гербовые бумажки. Сюда спешили гоплиты спецназа и дополнительная пожарная команда пелтастов с Торватина. Не «через час» — а именно «сейчас» — в данные мгновения.

Триста километров.

Нижняя стационарная орбита проходит по границе стратосферы. На ста километрах. Там корабль зависнет.

Двести километров.

Осталась последняя сотня...

Мир вокруг горел красным, и агнатка Катрина, вернее бог машин Гор, чувствовал через стенки межотсечных перегородок, как тяжелые гоплиты и пожарные стыкуют с пассажирским лайнером свои боевые лектики, как спешат, стуча резиновыми подошвами по покрытию коридоров, к захваченной ей рубке с пилотами.

Ситуация оценивалась штабом спецопераций уже настолько не опасной, что с лайнера даже не стали вывозить пассажиров. Всего через несколько минут глупую девицу схватят, скрутят, доставят в ближайшую психиатрическую лечебницу, а лайнер последует дальше, на кластер Роза. А может быть, ее и не будут «хватать», а просто убьют, а потом арестуют уже в палате хеб-седа, только что клонированную после смерти...

Сто километров.

Катрина встала, подошла к стене так, чтобы оптика пистолетов в руках спрятавшихся в коридоре полицейских не могла ее видеть. Затем, не спуская глаз с капитана и оставшегося пилота, она скинула с плеч тонкие ляпочки хитона. Облегающий ситец соскользнул по телу вниз и упал к ногам невесомым цветком.

— Отвернитесь, — запоздало сказала девушка.

Капитан хмыкнул. Обнаженная секс-агнатка была ослепительно хороша. Шоколадного цвета волосы струились по гладким плечам, бездонная синева глаз оттеняла белизну кожи. Рот мужчины непроизвольно отрылся в непередаваемом выражении, включавшем одновременно нечто пошлое и предупредительное. Глядя на ровные зубы клона внутри капитановой челюсти, беглянка развернула эвакуационный скафандр, а затем неторопливо в него облачилась. Последним на ее голове закрылся бронированный шлем.

Немного нервничая, капитан сдавленно кашлянул.

— Решили-таки поджечь мой лайнер? — поинтересовался он. — Напрасно, сикха. Потушат. Дождались бы лучше выкуп.

Катрина улыбнулась в ответ, посмотрев на служащего Нуль-Корпорации вполне разумными, внимательными глазами, — взглядом, совсем не свойственным шизофреникам.

— Оставьте выкуп себе, — сказала она.

Капитан открыл рот, чтобы ответить, но Кэти не слушала. Она опустила веки, и тонкие нити сетевых линий пронзили прозрачный воздух. Мир вокруг наполнился звучанием и голосами. Тихий шепот интеллектуальных машин, которыми напичкан всякий космический корабль от пола до потолка, стал ей доступен.

Она потянулась за нитку и... коснулась главного двигателя. Тот пылал. Горел будто пламя костра, раскаленного как солнце, но маленького, как кулак двухмесячного ребенка. Гравитационная тяга не требовала огромных размеров для своих генераторов. Силы лошадиных табунов в триллионы бешеных иноходцев, вмещались в коробочку из-под спичек, защищенные непроницаемой термической броней толщиной в несколько метров — стальной орех с толстенной скорлупой и крошечным ядрышком. То, что требовалось сейчас сделать Катрине, казалось намного сложнее, чем все, что она делала в прошлом.

В момент разрушения вселенной Сэта ее вела скрытая внутренняя программа, спрятанная в глубинах собственного подсознания. Однако теперь этой программы не существовало внутри ее черепа, и древний, мифический Гор управлял машинами сам. Сжавшись в комок в уголке собственного разума, как в темной удушливой комнатенке, Кэти наблюдала за действием, заучивая божественные приемы...

Вызывать алый муар, раскрывающий перед человеческим взглядом сущность магнитных потоков на дисках памяти, ручьев электронов внутри компьютерных мозгов и сияние энергетических генераторов — базовой составляющей любых машинных систем, она научилась давно. Пейзажи в алом и голубом, которым обучил ее еще Эс Си Рукс в проклятой школе наложниц, являлись к ней как бессознательно — во снах или от вспышки адреналина в минуты опасности, так и по легкому напряжению воли. «Видеть» — было легко, как будто переключить тумблер. Щелк! — и обычный спектр исчезал, и только мультипликация линий, как будто бы нарисованных простейшей игровой программой, но на деле вполне реальных, оплетала действительность запутанным волокном. Это был первый уровень сложности. Очень простой.

Второй был сложнее.

Кроме того, чтобы видеть нити, по ним нужно было двигаться. После нескольких упорных тренировок Кэти научилась лететь вдоль линий или тянуть их на себя, смещая в пространстве разум и виртуальное «зрение» сама, при этом оставаясь на месте, в собственном брэнном теле. Навык был крайне полезен, поскольку позволял изучать детали Сети на значительном расстоянии.

Третий уровень оказался еще более труден.

Кроме того, чтобы двигаться вдоль нитей, ими нужно было управлять.

Простейшей из методик управления всякой системой всегда был навык включения-отключения, которым пользовалась Катрина при блокировке дверей во вселенной Сэта три месяца назад, или, напротив, при открытии двери в кабину пилотов тридцатью минутами ранее.

Отключение и блокировка, подача и пресечение энергии являлись своего рода азами «машинной» экстрасенсорики господина Гора. Но то, что он делал сейчас, решительно выходило даже за эти узкие рамки. В данный момент бог Мести сработал на перегрев энергетической системы лайнера, на ее предельную активацию!

Коснувшись пультов и в течение мгновения пройдя по натянутым линиям до центрального коммуникационного блока, падший бог коснулся транзисторной цепи, что передавала команды с централизованного пульта к генератору гравитации. Свет в кабине не погас, все системы функционировали нормально, но связь и возможность управления лайнером из кабины оказались решительно пресечены.

Очень медленно, но удивительно страшно — до изморози в хребте и дрожи в коленных чашечках, лишенный управления лайнер замедлил ход и со свистом стал заваливаться на бок.

Что-то незримое качнулось в воздухе. Струи паники, еще не выплеснувшиеся наружу в

виде истерических криков и бешеного метания испуганных пассажиров, пронзили воздух, готовые вырваться из глоток и сердец буквально через секунды, как только понимание произошедшего достигнет сознания находящихся в салоне людей. Ей следовало торопиться! Кэти понятия не имела, как будет реагировать на отключение полетных систем основная масса клиентов «Аякс-Космобуса», однако, как должны среагировать в этом случае полиция и спецназ, догадывалась и боялась этого. Если лайнер начнет падать, то первое, что должны сделать гоплиты, — пресечь террористку и установить контроль над кабиной пилотов, вне зависимости от того, виновна ли захватчица в падении лайнера или нет.

Плевав на женские переживания, Гор неторопливо двинулся дальше. Забыв про изуродованную поломкой передающую цепь, он сосредоточился на генераторе гравитации — главном и единственном двигателе космолайнера.

Дальнейшее произошло слишком быстро. Кэти даже не поняла, что именно. Тронув краем сознания маленький генератор, Гор как будто бы вдохнул в него собственную божественную мощь! Энергия заполнила камеру деления гравитонов, за доли секунды достигнув критической отметки. Импульсы предохранителей, установленных на случай экстремального перегрева (то есть именно — на данный конкретный случай), метнулись по транзисторной цепи в обратном направлении, чтобы проинформировать о приближающейся катастрофе пилотов и капитана, однако, достигнув «разрыва» цепи, тихо растворились в эфире, не выполнив своей миссии.

Что-то застучало за стенкой — это сбитые с ног спецназовцы, пожарные пелтасты, а также все не укрепленные на полу предметы, имевшиеся в коридоре, повинувшись крену палубы, посыпались на левый борт, закрывая телами иллюминаторы. Лишенная управления, гигантская пятиярусная пентера постепенно переворачивалась в воздухе. Катрина знала — перегретый движок, повинувшись ее жестокой воле, накапливал энергию для взрыва. Через минуту он разорвет скрывающую его броню в клочья, и тогда...

Кажется, капитан говорил, что все, кто находится в кабине, будут хебседированы? Прекрасно! В последний раз улыбнувшись изумленному экипажу, Катрина Бета положила ладонь на ручку замка, одним движением вырвала с мясом дверь.

И рухнула спиной вниз в неистовый воздушный поток.

Где-то чуть ниже уровня стратосферы.

Секунда после падения

Ветер!

Катрина смотрела в падавший на неё Торватин. В темном провале рвущейся в лицо бездны, во тьме космической ночи, в полыханьи мелькающих вокруг облаков ослепительно сиял, нежась в лучах восходящего светила, один из древнейших миров кластера Шакрам. Немного левее и выше лайнер «Аякс-Космобус» разлетался во вспышке пламени на мерцающие осколки. Чуть ниже по прямой, Катрина видела гигантский, и согласно скачанной с Сети информации, единственный в ближайшем секторе планеты город, выглядевший ровным, вытянутым прямоугольником. Справа, за линией лесных массивов, блистала восходным маревом линия курортного побережья. А слева, как будто в противовес главному на планете очагу и центру коммуникаций, связывающему кластер Шакрам с остальным Искусственным Мирозданием, мерцало в прорехах облачной рвани бескрайнее поле то ли лугов, то ли болот. «Болот», — подумала Катрина, ибо туристическая карта, вложенная в ее мозг подсказкой из Сети, идентифицировала темные поля следующим образом:

«Общественные угодья.

Охотхозяйство «Низийские топи».

Аренда охотничьих домиков на сутки — от 500 душ.

Мнемофон...»

Сейчас, от поверхности Торватина ее отделяло всего пять километров и тридцать секунд времени на то, чтобы преодолеть это расстояние.

До цели оставался лишь шаг. Точнее — одно столкновение.

Кэти откинула головку на заднюю стенку шлема и активировала «ложе». Прочная, толстая, но очень мягкая материя обволокла ее череп со стороны висков и затылка, плотно зафиксировав шею.

«Гравикомпенсаторы активированы, — заявил компьютер скафандра. — Броня активирована. До поверхности девять секунд. Восемь секунд. Семь. Шесть. Пять. Четыре...»

Интересно, сыграет ли какую-то роль то, что внизу болота? — мелькнула запоздалая мысль.

Учитывая, что падает она почти со ста километров, наверняка — не сыграет. Какая разница, падать с небес на скальный грунт или в топь? Разницы — нет. И там и там — дела плохи.

Поверхность тем временем стремительно приближалась. Внизу уже виднелись очертания людей с длинными палками (вероятно, оружием) и в странной мешковатой одежде.

Кэти закрыла глаза. Йенг врал ей — сейчас, после репортажа загадочного Тутмоса Химона, это стало очевидно.

Три, две, одна... ноль!

Первая планета загадочного кластера Шакрам крепко обняла ее липкими черными руками.

Эпилог, или Запоздавшая увертюра

Кластер Шакрам перед Сотворением. Одна секунда до зачатия Вселенной

Создателя звали... «номер двадцать четыре».

Он прыгнул из ниоткуда в стальном цилиндре своего тела с глазами из видеокамер.

Вокруг плыла пустота, непроглядная, как ночь на дне океана. Потолок из Ничто и стены из Бездны. Бог-робот «Номер два» вздрогнул и загудел, хотя, конечно, его старший некому было услышать.

Могучий мозг бессмертной машины перетасовывал в этот момент мириады байт информации, определяя место каждому атому, каждому кванту энергии в этом новом, не рожденном пока еще мире. И вот — готово.

Подмигнув датчиками самому себе, бог-робот начал быстро вращаться, закручивая вокруг металлического каркаса какой-то неистовый хоровод, рождая первую в этом мире дыру, червоточину, и закачивая в нее пространство, заполняя его эфиром и... пламенем!

Пламя! Столь жаркое, что три великих коня, влекущих материю по ее неисповедимым путям — гравитация, электромагнитная и великая ядерная сила, выскочив на том конце червоточкины, внезапно слились в одну, обратив материю в точку, в сгусток столь плотный, что вся будущая вселенная оказалась собрана здесь, как в «зеро».

Но вот мелькнула микронная доля секунды — и из этой ничтожной точки, столь малой, что невозможно увидеть, беззвучно и ужасающе ярко, пространство ринулось во все стороны со все возрастающей быстротой.

Большой Взрыв грянул!

Десять в степени минус сорок три секунды...

В эти первые микронные доли своего существования молодая вселенная пережила период очень быстрого расширения. В этот огромный по меркам начала Времени срок

раздувание новой Вселенной происходило со все возрастающей скоростью, и ее радиус возрастал в миллион миллионов раз за каждый крошечный шагок времени.

В результате почти мгновенно огромный Взрыв раскидал по созданному им пространству бесконечные кванты энергии и мириады частиц в очень горячем, но пугающе хаотичном состоянии, начали свой бесконечный и безвременный путь.

Десять в степени минус тридцать пять секунд...

За это время, меньшее чем мгновение, новый мир покрыл расстояние в миллиарды световых лет, превратившись из точки в то, что можно с полным правом назвать полноценной Вселенной.

Физические законы пока не действовали здесь. По крайней мере — так как им следовало действовать в мире холодных и медленных тел. И потому скорость света — это краеугольное из всех начал, — была медленнее, чем шаги, описываемые пространством молодого мира. Да что там — само понятие «скорость» тут было пока не при чем. Новый мир не двигался относительно неких неподвижных в пространстве тел. Он расширялся, рождая самое себя!

Десять в степени минус десять секунд...

Обычная материя все еще не могла возникнуть и существовать, но она присутствовала повсюду в виде энергетического «пара» и радиации. Сначала родились кварки и антикварки. Затем, спустя всего лишь мгновение, — протоны и нейтроны.

Но вот минула целая секунда нового Бытия и свет увидел первый электрон.

Еще три минуты...

И ядро гелия, впервые рожденное в этом мире, проскакало свой путь со страшной скоростью, закручиваясь в подлинную материю. Частицы все еще двигались быстро, поскольку имели слишком большую энергию. Но далее, с каждой минутой роста, вселенная замедлялась и... остывала, как будто таяла, но только — наоборот.

Ленты галактик закручивались, собираясь в невидимые глазу струны, толщиной в сотни миллионов световых лет, а длиной — почти в бесконечность. Струны эти мелькали и пересекались, перекручиваясь одна с другой в замысловатые, сложнейшие узлы. Движение их замедлялось, и все пространство, заполняющее молодой мир от начала и до конца скрутилось в огромный четырехмерный шар, замкнутый сам в себя.

А вместе с пространством начало свой неумолимый бег и само Время. Оно появилось вместе с первыми кварками, заставив материю подчиняться обычным физическим законам и сделав свет вновь, как и всегда, самым быстрым из возможных своих гонцов. Вместе с пространством оно двинулось вслед за новорожденными галактиками, заставляя протоны и электроны сливаться в атомы, а атомы — в молекулы вещества.

Из малых туманностей, на которые разбиты галактики, под воздействием центробежных сил возникли некие уплотнения, сбившие вещество настолько, что внутри образованных туманностями газовых шаров заработали ядерные котлы, неисчерпаемой, пугающей силы, и мириады звезд осветили новое пространство своими негаснущими лучами. Повсюду вспыхнули, повинувшись неумолимой силе и логике Сотворения, бесчисленные точки новых и новых Солнц, пронзающих Вселенную своим светом.

А вокруг них, исполняя свой вечный танец, в немыслимом хороводе закружились остаточные туманности — отторгнутые светилом, но имеющие при этом собственный план и предназначение. Под воздействием гравитации и вращательного момента эти туманности вокруг звезды все сгущались, становились более плотными и плоскими, превратившись в огромные диски, разбивающиеся постепенно на части, становясь зародышами планет...

А дальше... поплыли тысячелетия. Наблюдая за новым миром, бог-робот контролировал здесь ход времени, то замедляя, то ускоряя его. Сквозь сотни отверстий в корпусе, закрутив новые червоточины, он выбросил сквозь пространство железные щупальца, на каждом кончике которых висело Стальное Семя, скрывающее в себе зародыши будущих ИЦев. Семя спрыгнуло со щупальца, повиснув над очередной «пригодной» планетой, медленно выдвигая во все стороны секции и распыляя по «подведомственной

территории» зиготы жизни в форме замороженных в лед аминокислот.

И вот, когда два миллиарда лет минуло, на берега молодых морей вышли ползучие рыбы с когтистыми лапами.

Еще пятьсот миллионов — и тяжелая поступь «ужасающих ящеров» сотрясла местные папоротниковые леса.

Еще миллион — и первый хомо, венец творения, взяв в руки грозную, сучковатую дубину и обмотавшись грязной козлиной шкурой, вышел на первую в этой Вселенной охоту на мамонта...

Кластер тот же. Новосотворенный мир. Две секунды от зачатия Вселенной

Пока миллиарды лет плыли вокруг стального корпуса божественной машины, по основному времени Корпорации минула вторая секунда.

Бог-робот номер двадцать четыре пискнул, зондируя созданное пространство и явно радуясь проделанной им титанической, но привычной работе.

«Кластер завершен», — отпартовал он Информационной Сети и, присвоив стандартный порядковый номер вновь сотворенному гигантскому и почти бесконечному пространству-времени, прыгнул дальше, снова разделяясь на два...

Процесс повторился еще раз, заняв новые две секунды.

На третью секунду после сотворения мира сквозь темную бездну космоса в пространство кластера вынырнул одинокий корабль. Его хищный силуэт искрился мириадами бликов, отражая излучение бесчисленных звезд, а бронированные борта украшали замысловатые символы.

Странные знаки являлись забытой формой иероглифического письма, называемого в кластерах деомотикой, и складывались в удивительное наименование, которое, будучи переведенным на корпоративный язык, звучало как «Гоготан».

Пурпурный вымпел, с необычайной тщательностью прорисованный на гранях «Гоготана» сразу за иероглифами, изображал стилизованный череп пса в короне из самоцветов.

Вокруг же плыла пустота, непроглядная как ночь на дне океана...

ГЛОССАРИЙ

АГНАТ: 1 — в древнем римском праве члены семьи, зависящие от родоначальника; 2 — группа бесчелюстных рыбообразных позвоночных; 3 — должники Корпорации по страховому контракту на реинкарнацию.

АНАЭРОБНЫЕ ВОДОРОСЛИ — группа организмов, не требующих для своего развития наличия в среде кислорода.

АНАЛОГОВЫЕ КОРАБЛИ — космические корабли без ишедового бронирования и генераторов Нуль-порталов. Аналоговыми именуются по способу производства — представляют собой точные копии сконструированных в древности моделей-аналогов. Древние аналоги производились без учета возможностей синтеза материи, так сказать «вручную». Современные аналоговые корабли синтезируются в готовом виде по информационной матрице.

АН-НУБИС ХЕПТИАМЕНТ — Учредитель Нуль-Корпорации, известный также как бог Нуля и Смерти, Учредитель Нуля; вся власть над машинерией Искусственного Мироздания принадлежит ему — легендарному основателю «Нулевого Синтеза». Учредитель действительно является фигурой мифического, если не сказать мистического масштаба. Информация о его происхождении и биографии отсутствует в глобальной Сети,

остальные сведения — отрывочны и неточны. Местонахождение и внешность его неизвестны. Личность и история — неописуемы. Цели и предпочтения — не ясны.

Бесспорными считаются два факта: в начале времен Учредитель изготовил первого бога-робота, создал первую искусственную вселенную-кластер и инициировал таким образом процесс «размножения» пространств и времен Искусственного Мироздания; впрочем, последнее утверждение ничем не подтверждается, кроме самого факта существования вселенных Нуль-Корпорации.

Второй факт более неоспорим: Учредитель незримо присутствует в глобальной Сети и обладает в пределах Искусственного Мироздания практически беспредельной властью. Все крупные решения правительства, еkkлeсии или ареопага Нуля имеют силу только после их подтверждения электронной подписью Учредителя.

Он их подтверждает. Миллиарды решений — каждый день.

АНХ-УДЖА-СЕНЕБ! — первое традиционное приветствие в официальных письмах между должностными лицами и акционерами Нуля. Буквально «Жизнь, Сила и Благоденствие!» (Божества). Вербальный рудимент одного из древних языков Естественного Мироздания.

АРЕОПАГ НУЛЯ — согласно Уставу Корпорации в перерывах между заседаниями Общего Собрания акционеров (еkkлeсия демиургов), ареопаг Нуля может выполнять его функции и обладает всей полнотой власти Собрания акционеров. Ареопаг — это нечто вроде «президиума» общего собрания акционеров, высший совет Корпорации, постоянно действующий коллегиальный орган. Теоретически считается вторым по значимости органом Нулевого Синтеза, хотя в смысле реальных полномочий значительно уступает стратегикону (правительству).

Члены ареопага (архонты Нуля) избираются еkkлeсией из числа демиургов в количестве 28 человек.

АСТРОНОМИЧЕСКАЯ ЕДИНИЦА (а. е.) — исторически сложившаяся единица измерения расстояний в астрономии, равная 149 597 870 610 километров. Астрономическая единица приблизительно равна среднему расстоянию между центрами Земли и Солнца, то есть среднему радиусу земной орбиты или расстоянию от Земли до Солнца.

АЭЦИЙ, ФЛАВИЙ АЭЦИЙ КАТИЛИНА — величайший полководец периода римского упадка и раннего средневековья, победитель в знаменитой Битве Народов на каталаунских полях, остановившей поток восточной миграции кочевых племен Азии в Европу и ставшей итогом Великого переселения народов. Своим существованием будущая европейская цивилизация в том культурном, этническом, религиозном и языковом виде, в котором она дошла до XX столетия, обязана этому человеку. Родился в Истрии в городе Доростол, точная дата рождения неизвестна. Трёхкратный консул (432, 437 и 446 гг.), удостоившийся от более поздних христианских историков эпитета «последний из римлян».

БОГ-РОБОТ — разумная машина, созданная Учредителем Корпорации Ан-Нубисом Хептиаментом для сотворения вселенных. Особая архитектура Искусственного Мироздания вообще и Корпорации Нулевого Синтеза в частности требуют особых средств расширения и экспансии. Важнейшим из таких «средств» на заре Сотворения стали боги-роботы. Эти автономные фабрики-творцы создают новые вселенные (независимые замкнутые пространственно-временные ячейки, заполненные звездами) в автоматическом режиме, руководствуясь заложенной в них «вечной» программой — без усталости и без передышки, каждую секунду каждой минуты каждого часа каждого дня. Существование богов-роботов позволяет Искусственному Мирозданию бесконечно расширяться, не требуя при этом контроля со стороны Человечества.

ВАЛЕНТИНИАН ТРЕТИЙ (Флавий Платидий) — римский император в 425–455 нашей эры. Сын Констанция III и Галлы Платидии. Убийца Флавия Аэция Катилины.

ВЕНУ ГОГОТАН (Venu Hohotun) — корабль-сокол, с помощью которого бог Смерти творит миры; личная яхта Творца Искусственного Мироздания Ан-Нубиса Хептиамента, первое из творений Искусственного Мироздания.

ВЕРХОВНЫЙ АРХОНТ НУЛЯ — председатель ареопага Нуль-Корпорации. Согласно Уставу «Нулевого Синтеза» в перерывах между заседаниями Общего Собрания акционеров (экклесия демиургов), ареопаг Нуля может выполнять его функции и обладает всей полнотой власти Собрания акционеров. Таким образом ареопаг — это нечто вроде «президиума» общего собрания акционеров, высший совет Корпорации, постоянно действующий коллегиальный орган. Теоретически считается вторым по значимости органом Нулевого Синтеза, хотя в смысле реальных полномочий значительно уступает стратегикону (правительству). Члены ареопага (архонты Нуля) избираются экклесией из числа демиургов в количестве 28 человек.

ВЕРХОВНЫЙ СТРАТИГ НУЛЯ — третий по значимости пост Корпорации «Нулевой Синтез» после экклесии и ареопага, фактический руководитель Корпорации, глава правительства, к ведению которого относится решение всех текущих и управления этой громадной космической структуры. Верховный стратиг назначает и снимает с постов важнейших должностных лиц — руководителей Департаментов (стратигов Нуля), Судов (геронтов Нуля) и Флотов (хилиархов Нуля). Он же утверждает важнейшие нормативные документы, от законов до должностных инструкций, действующих в бесчисленных кластерах Континуума Корпорации.

ГАВГАМЕЛ: 1 — населенный пункт Древней Персии, рядом с которым Александр Македонский одержал величайшую из своих побед; после Гавгамел Персидская империя пала; одна из битв, в которой участвовал Сэм Эливинер; **2** — название второго кольца кластера Буцефал, с Галереей и Музеем господ Сэта.

ГЕРОНТЫ НУЛЯ — председатели судебных учреждений.

ГИДАСП: 1 — населенный пункт в Древней Индии, где произошло последнее из великих сражений Александра Македонского; одна из битв, в которой участвовал Сэм Эливинер. **2** — название третьего кольца системы Буфефал.

ГИПАРХИЯ — укрупненный римский эскадрон, состоявший из 512 всадников, в отличие от «алы» — стандартного эскадрона, состоявшего из 64 всадников.

ГЛОБАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ СЕТЬ (ГИС Корпорации) — иное название **СИНК** — «Сеть Информационная Нуль-Корпорации» или же просто **СЕТЬ**; транскосмическая межкластерная информационная система, соединяющая между собой автоматизированные системы управления всеми системными объектами: планетоидами ИЦев, космическими кораблями, экуменополисами и т. д.; представляет собой некий невероятно развитый аналог Интернета, совмещенного с системой принудительной реинкарнации, телевидения, информационной библиотеки, связи, почты; системой материализации (домашнего производства товаров для бытовых нужд) общего образования, банковской системой, а также и системой тотального социального контроля, регистрации и слежки.

ГОР — Гордиан Оливиан Рэкс, сокращенно — Г. О. Р., он же Хор, он же Гармахис, он же Гор Бехдетский, бог мести в протоегипетской мифологии, убийца Сэта, зачатый матерью от трупа отца — Владыки Мертвых.

ГРАНИК: 1 — Река в Малой Азии, на которой произошло первое сражение Александра Македонского во время Персидского похода; одна из битв, в которой участвовал Сэм Эливинер; **2** — название первого кольца кластера Буцефал.

ДЕМАРХИЯ — коммерческая компания, дочерняя организация при Нулевом Синтезе, осуществляющая деятельность в одной из смежных с деятельностью Нуль-Корпорации отраслей — например, изобретательская и рационализаторская деятельность, выполнение работ, оказание услуг, строительство, транспорт, связь, сетевой поиск, досуг и так далее — то есть все то, чем Корпорация не в состоянии заниматься в силу своих масштабов и глобальности задач, однако недоступно более мелким компаниям и предпринимателям с «вассальных» планет.

ДЕМИУРГИ — акционеры Нуль-Корпорации, создатели вселенных-кластеров, разыгрывающие богов перед жителями созданных ими планет; на самом деле являются

обычными человеческими существами: бессмертными, почти бесконечно могучими, благодаря немыслимому для простых «смертных» богатству — владению акциями Нулевого Синтеза, но все же не более чем людьми. Псевдобожественность демиургов имеет под собой единственное основание — деньги и технологии Нулевого Синтеза.

ДЕНЕЖНАЯ СИСТЕМА Нуль-Корпорации основана на **КЛОНИЧЕСКОМ ЭКВИВАLENTE**, то есть мерой труда и пота в Нулевом Синтезе, являются единицы стоимости процедур клонической реинкарнации. В частности, для использования в товарном обороте Искусственного Мироздания установлены денежные единицы «ка» («душа», т. е. стоимость изготовления клона) и «анх» («жизнь», т. е. стоимость копирования пси-матрицы в Сеть).

ДИАДОХИ НУЛЯ — главы секторов, то есть зон внутри пространства кластера, объединяющих от нескольких десятков до сотен тысяч звездных систем (в зависимости от конфигурации кластера); диадох аналогично слову «губернатор» или «наместник».

ДИЕРА — двухпалубный системный корабль, в некотором роде — аналог слова «фрегат»; используется преимущественно как служебный корабль чиновниками департаментов и управлений Нуль-Корпорации.

ДУАТ (Кинополь): 1 — «город пса», в мифологии Древнего Египта загробный мир, в Старом царстве главным богом Дуата являлся псоглавый Ан-Нубис Хептиамент, бог Смерти и Справедливости, великая Собака, охраняющая границы царства живых; 2 — крупнейший экуменополис Искусственного Мироздания, город-столица Нуль-Корпорации; 3 — одно из известнейших и оригинальных архитектурных сооружений Искусственного Мироздания; «город пса» оформлен в виде гигантского куба со стороной грани четыре световых года; вся поверхность куба — гигантский мегаполис.

ДУША, «ка» — основная денежная единица Искусственного Мироздания, равная стоимости изготовления тела взрослого клона для процедуры медицинского хеб-седирования (переселения души умирающего человека из старого тела в новое); одна «душа» состоит из ста «жизней».

ЖИЗНЬ, «анх» — наиболее мелкая единица Искусственного Мироздания, равная стоимости копирования матрицы памяти человека для последующей реинкарнации. Копирование означает только платное сохранение человеческого «я» на магнитном носителе для «возможного» воспроизведения в будущем и не является переселением души как таковой; для полной процедуры реинкарнации необходимо новое тело. Сто «жизней» составляют одну «душу».

ЗЕМЛЯ, ДРЕВНЯЯ ЗЕМЛЯ — гипотетическая прародина человечества, часто используется как альтернативное название всего погибшего ныне Естественного Мироздания.

ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ЦЕНТР НУЛЯ (ИЦ Нуля) — металлическая планета или планетоид, являющаяся основой для производства «кластера», то есть отдельного изолированного пространства для размещения звезд и планет. ИЦ — это космическая фабрика, склад, бронированный военный корабль и огромный город под одним корпусом.

ИШЕД, он же «ишед-оливин», он же «шесаит»:

1. Изначальное, более приземленное значение слова «оливин» (*хим.*) — магнезиально-железистый силикат, представляющий основную магматическую породу планет земного типа, необычайно распространенный в верхних слоях мантии. На поверхности встречается в виде вкраплений в базальтах. Наиболее известная разновидность — хризолит, ярко-желтый иногда желто-зеленый драгоценный камень с кристаллической структурой в виде цепей из октаэдров.

2. Согласно легендам, ишед-оливин — это металл из крови демонов, крови «Падших богов», металл бога-Творца Атума. Убив демонов, Атум творит мир из внутренностей, склеивая их кровью «ишед». По другой версии, ишед создан богами из сока одноименного дерева, на листьях которого Творец заносит имена фараонов, даруя им бессмертие.

3. Абсолютный материал, идеальное вещество, так называемый «системный металл» —

фантастическая смесь атомарной материи и поля, уникальная субстанция, синтезируемая Нуль-Корпорацией. Ишед не поддается никакому механическому или химическому воздействию, абсолютное вещество можно лишь «сотворить» или аннигилировать внутри аппаратуры Нулевого Синтеза — и никак иначе.

Главное свойство ишеда заключено в другом — емкость, окруженная «системным металлом», обладает способностью «ограничивать» пространство, именно поэтому используется «абсолютный материал» в основном для космических станций и кораблей с увеличенным внутренним объемом, а также в качестве материала рамок топологических туннелей, иначе именуемых нулевыми порталами.

Технология создания «системного металла» доступна только Нуль-Корпорации.

КАВЕРНА, ПЛАНЕТА-КАВЕРНА — многочисленные шарообразные пустоты, заполненные годной для дыхания атмосферой, расположенные внутри «каменной тверди» Твердого Космоса (Эшвен) — одного из самых загадочных континуумов Искусственного Мироздания. На внутренней поверхности таких миров-пузырей проживают люди, в центре «пузыря» горит звезда или же группа звезд. Каверны Эшвена объединяются в «группы каверн», «скопления групп каверн» и даже «твердые галактики», в полном соответствии со структурой «обычных» звездных вселенных. Медленно, с течением миллиардов лет галактики перемещаются в «каменном» пространстве, ползут и вращаются друг вокруг друга. Связь между кавернами осуществляется через порталы внутри храмов Хепри. Гравитация, на поверхности поддерживается искусственно. От «схлопывания» под воздействием внешнего давления каменной Тверди, каверны удерживают силовые поля, которые также генерируются храмами Хепри. Твердый Космос, таким образом — абсолютно искусственное образование, существование которого невозможно без участия Церкви.

КАТАФРАКТЫ — тяжелая кавалерия южной Европы в IV–X веках, преимущественно в Риме (до падения империи) и Византии.

КВИТИРОВАНИЕ (нуль-квитирование):

1. Процесс, в результате которого два независимых друг от друга устройства аппаратного обеспечения координируют свои сигналы и получают возможность работать совместно.

2. Механизм перемещения материальных объектов через нуль-портал (так называемое нуль-квитирование), включающий процесс разрушения и сборки космического корабля при прохождении через односторонний топологический туннель (пару «черная дыра — белая дыра»).

КЛАСТЕР:

1. Логическая единица хранения данных, объединяющая группу секторов.

2. Типовая вселенная Нуль-Корпорации, изготовленная по одному из стандартных, сертифицированных образцов; в классическом варианте представляет собой замкнутую пространственно-временную ячейку, имеющую форму огромного шара, заполненного галактиками и звездами; время каждого кластера может быть ускорено или замедленно относительно других, однако в большинстве кластеров (за исключением специальных) поток времени синхронизирован и соответствует «общему» летосчислению Нуль-Корпорации.

КОГНАТ — в древнем римском праве, член семьи, независимый от родоначальника.

КОНДОТТА — «вольный отряд», состоящий из профессиональных наемников (кондотьеров), заключивших «контракт» с нанимающим их предводителем; в отличие от обычной разбойной банды К. являлась профессиональным военным подразделением и ремеслом считала не грабеж, но прежде всего войну в составе более крупной армии.

КОНКЛЮДЕНТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ — действия лица, выражающие его волю, но не в форме устного или письменного волеизъявления, а поведением, по которому можно сделать заключение о его намерении.

КОНТУС (от греческого «рогатина») — тяжелое копье катафракта, аналог пехотной сариссы, с металлическими полосами, укрепляющими древко, и удлиненным стальным наконечником. Контусы достигали четырех-четырех с половиной метров и были ужасающим

по мощи оружием. Древние авторы сообщают, что при наскоке на плотную массу пехоты таранный удар такого «копья» пронзал насквозь по несколько человек!

ЛЕКТИКА — распространенное название космобиля, индивидуального транспортного средства, предназначенного для перемещения частных лиц между космическими телами в пределах одной звездной системы.

ЛОТОС — схематическое изображение пространства-времени Естественного Мироздания в воображаемом пятимерном пространстве.

МАХЕЙР — электрошоковый жезл пелтастов-охранников в школах клонированных наложниц.

МЕРЕЛИН, МЕРЕЛИН МОНРО — искусственный клон с матрицей из виртуальной реальности. Урожденная Норма Джин Бейкер, знаменитая киноактриса в нескольких типовых программных мирах, подруга Катрины Беты в школе наложниц.

МОНЕРА — легкий, однопалубный системный корабль, аналог слова «яхта». Исключением является гигантский однопалубный линкор «Кошкодер», созданный Гордианом Рэксом в нарушение статута о «Систематизации архитектуры транспортных системных судов».

НУЛЕВОЙ ПОРТАЛ — топологический туннель (пара «черная дыра — белая дыра»), ограниченный с обеих сторон рамкой из ишеда (абсолютного материала).

НУЛЕВОЙ СИНТЕЗ — «Корпорация Нулевого Синтеза», «Корпорация Человека», «Нуль-Корпорация», «Корпорация Нуля», «Корпорация» или же просто «Нуль»; полное официальное название — «Производственно-коммерческое объединение предприятий Нулевого Синтеза». Н. С. — организация, создающая искусственные вселенные, искусственных людей, искусственные пространство и время. Грандиозная надгосударственная промышленная и торговая структура, сотворившая все существующие в Искусственном Мироздании вселенные, сдающая большую их часть за ренту или распродавая меньшую их часть в руки частных владельцев. Происхождение — неизвестно, точная дата возникновения — также.

ПАРСЕК — принятая в астрономии внесистемная единица измерения расстояния. Название происходит от «параллакс угловой секунды» и обозначает расстояние до объекта, годичный тригонометрический параллакс которого равен одной угловой секунде.

Согласно другому эквивалентному определению, парсек — это такое расстояние, с которого средний радиус земной орбиты (равный одной астрономической единице), перпендикулярный к лучу зрения, виден под углом одна угловая секунда (1').

Один парсек — это 206 265 астрономических единиц, 3,08568х10¹⁶ метров или 3,2616 световых лет.

Для определения космических расстояний используются также единицы, кратные парсеку: килопарсек (Кпк, тысяча), мегапарсек (Мпк, миллион), гигапарсек (Гпк, миллиард).

ПЕЛТАСТЫ — полицейские, пограничные, таможенные и внутренние войска Нуль-Корпорации.

ПЛАНЕТА-ЯЙЦО — космическая конструкция, также известная как «сфера Дайсона», астроинженерное сооружение, представляющее собой относительно тонкую сферическую оболочку большого радиуса (порядка радиуса планетных орбит) со звездой в центре. Наиболее распространенная модель обитаемых планет в Нуль-Корпорации.

ПОКЕР — карточная игра, цель которой — выиграть ставки, собрав как можно более высокую покерную комбинацию, используя 5 карт, или вынудить всех соперников прекратить участвовать в игре. Игра идёт с полностью или частично закрытыми картами. Конкретные правила могут варьироваться в зависимости от разновидности покера.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ: тип 1 — старейшая модель тактического лучевого пистолета, принятая на вооружение в войсках и силах Нуль-Корпорации более пятисот миллионов лет назад; тип 2 — новейшая модель тактического лучевого эстимета (наручного бластера-перчатки), принятая на вооружение в войсках и силах Нуль-Корпорации к началу 14-й эпохи Нулевого Синтеза.

ПРОГРАММНЫЕ КЛОНЫ — промышленные клоны, память и личности которых выращены программистами Нуля в так называемых «программных мирах» — особых виртуальных вселенных, генерируемых для получения из них готовых человеческих матриц. Такие миры создаются по заказу Кадрового Департамента («молитва Призывания») исключительно как математическая информационная модель и реально не существуют. Фабрики по клонированию выращивают затем миллионы взрослых и здоровых человеческих тел. Для сокращения затрат по их воспитанию и образованию, в мозг выращенных таким образом генетических клонов (то есть искусственно созданных человеческих организмов, а не клонов конкретного человека) помещается сознание и память «виртуальных» людей из программных миров. Обычно в качестве «прогов» в компьютерных мирах набирают выдающихся индивидов — ученых и воинов, администраторов и талантливых инженеров, художников и артистов, спортсменов и манекенщиц. «Прог», таким образом, является искусственным, «машинным» интеллектом, но после получения «тела» от человека совершенно не отличим. Псевдочеловек имеет ложную память, обычно созданную по типовым комплектам воспоминаний, но свято верит в прожитую им фальшивую жизнь. При пробуждении «проги» склонны полагать себя настоящими людьми, а свои выдуманные миры-игрушки — подлинно существующими вселенными.

СВЕТОВОЙ ГОД — расстояние, проходимое светом в вакууме без влияния гравитационных полей за один юлианский год; один световой год приблизительно равен 100 000 000 000 000 километров.

СИСТЕМНЫЕ КОРАБЛИ — космические суда, созданные из ишед-оливина и соединенные через бортовой нуль-портал с ГИС Корпорации. Обычно имеют независимый источник бесконечной энергии внутри себя, так же как и ИЦы и боги-роботы Корпорации, поскольку несущие броню из ишеда системные корабли совершенно неразрушимы — в отличие от «аналоговых» космических кораблей, которые создаются из обычных материалов и веществ по «аналогам» изобретательских образцов. Аппаратура Нуль-синтеза, машины для создания межкластерных порталов и источники бесконечной энергии устанавливаются в целях безопасности только на «системных» судах. На аналоговых применяют термоядерные реакторы, ионные двигатели и вместо брони — высокоуглеродистую сталь с покрытием, устойчивым к критическим температурам.

ССБ НУЛЯ — Служба собственной безопасности Корпорации Нулевого Синтеза. Разведка, контрразведка, особый надзорный и следственный орган Ан-Нубиса Хептиамента, не подчиняющаяся правительству Корпорации. Тайная канцелярия Творца.

СТАДИЙ — в Древнем Риме расстояние, проходимое человеком спокойным шагом за время восхода солнца, то есть в течение двух минут. Египетский стадий равнялся 209,4 метра, аттический — 177,6 метров.

СТРАТИГИ НУЛЯ — руководители отраслевых департаментов Нуль-Корпорации, министры правительства Искусственного Мироздания.

ТАЛАНТ — наиболее крупная денежная единица Искусственного Мироздания используемая для крупных сделок между демиургами Нуля (акционерами Нуль-Корпорации) и наиболее могущественными и богатыми демархиями. Рядовым населением не используется. Один талант равен пяти миллионам «душ» или полумиллиарду «жизней». Талант условно — это стоимость изготовления генетического клона тшеди с экстрасенсорным талантом.

ТЕЛЕОСИНТЕТИЧЕСКИЙ ПРЕПАРАТ — активное химическое вещество, для целенаправленного (расчетного) воздействия на память и нервную систему человека. Иногда именуется веществом «химических воспоминаний» или «обучающим веществом».

ТОТ — один из месяцев протоегипетского календаря, который, кстати, практически не отличается от современного. Тот соответствует январю. Всего календарь египтян включал двенадцать месяцев: *Mesori, Tot, Pafir* (зимние месяцы), *Atir, Honyak u Tabis* (весенние месяцы), *Mehir, Famenot, Farmutin* (летние месяцы), *Pahon, Painet, Apifis* (осенние месяцы).

ТРИЕРА — трехпалубный системный корабль, аналог слова «крейсер»; основной тип

военных судов космического флота Нуль-Корпорации.

ТШЕДИ — единый термин, применяемый в Искусственном Мироздании для обозначения экстрасенсорных и сверхъестественных способностей человека. Слово происходит от протоегипетского синонима, обозначающего буквально «маг», «колдун». «Джедаи» из «Звездных войн» Джорджа Лукаса, по всей видимости, имеют то же происхождение (*примечание автора*).

ХЕБ-СЕД — в ПротоЕгипте, праздник середины жизни, «тридцатилетие», перерождение фараона или божества. Ритуальный бег по пустыне, демонстрирующий его молодость и силу. Дословно — «Смерть бога», то есть Смерть и Возрождение.

В Нуль-Корпорации хеб-сед представляет собой 1 — тотальную систему принудительной клонической реинкарнации; 2 — древнюю традицию демиургов Нуля менять тело не реже, чем раз в каждые триста шестьдесят лет.

ХИМИЧЕСКАЯ ПЛАСТИНКА — емкость с активным химическим ингредиентом, медицинским либо иного специального назначения; внешне напоминает кусочек металлизированной пленки, квадратной формы, размером не более человеческого ногтя; размещается на шее возле артерии, активное вещество впитывается через кожу.

ХИЛИАРХИ НУЛЯ — адмиралы флотов и маршалы армий Нуля.

ШУНТ — нейроразъем или нейрошунт, стандартное устройство для соединения человеческого мозга с компьютерными устройствами. В данном случае — с Сетью и аппаратурой хеб-седа.

ЭВПАТРИД — аристократ рантье, владелец «привилегированных» акций Корпорации, дающих право на получение дивидендов с ее доходов.

ЭКУМЕНОПОЛИС — город-мир, город-планета.

ЭПАРХИ НУЛЯ — мэры экуменополисов, администраторы планетоидов, топ-менеджеры ИЦев и главы закрытых правительственных кластеров.

ЭФОРЫ НУЛЯ — руководители религиозных общин.

ПАМЯТКА АГНАТА **(для заключения страхового контракта на клоническую** **реинкарнацию)**

§ I **ЗАДАЧИ МАТЕРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ КОРПОРАЦИИ НУЛЕВОГО** **СИНТЕЗА**

(далее термины «Корпорация Нулевой Синтез», «Нулевой Синтез», «Корпорация», «Нуль-Корпорация», «Нуль» признаются равнозначными)

1. Функционирование материальной структуры корпорации «Нулевой Синтез» направлено на реализацию его основной задачи — производство потребительских товаров для обеспечения нужд человечества.

2. Нуль-Корпорация производит следующие виды потребительских товаров.

Основная группа изделий:

— пространство и время, овеществленные в форме стандартной искусственной вселенной, именуемой также «кластером»; каждая вселенная-кластер является замкнутой и физически изолированной ячейкой, протяженность пространства и длительность времени которой определяется статутом Нуль-Корпорации «О стандартизации миров»;

— космические тела и группы космических тел внутри искусственных кластеров;

— ишед-оливин (идеальное золото) — непотребляемое вещество, абсолютный, сверхчистый материал;

- иные (потребляемые) виды веществ и материалов;
- свет, иные виды волн и излучений;
- энергия для компенсации энтропии;
- информация ГИС / СИНК в форме неограниченной, саморазвивающейся базы данных.

Специальная группа изделий:

- нуль-роботы (автономные заводы по производству миров);
- индустриальные центры (автономные заводы по производству иных потребительских товаров);
- индустриальные системные корабли (с ишедовым бронированием);
- транспортные системные корабли (с ишедовым бронированием);
- аналоговые (не системные) корабли (без ишедового бронирования);
- копии матриц всех разумных существ, когда-либо существовавших в истории Естественного Мироздания;
- копии матриц всех разумных существ, произведенных клоническими фабриками Нуль-Корпорации в форме физически взрослых тел;
- копии матриц всех разумных существ, произведенных в «программных мирах» Нуль-Корпорации в форме виртуальных личностей с ложной памятью (систематизированных комплексов воспоминаний).

Оборотная группа изделий:

- биосферные сублиматы для эволюционного терраформирования;
- искусственно выращенные человеческие тела;
- искусственно выращенные тела животных;
- части человеческих тел и животных;
- обучающие программы и несистематизированные комплексы ложной (профессиональной) памяти;
- любые иные потребляемые изделия гражданского оборота, зарегистрированные в ГИС / СИНК и не запрещенные к использованию корпоративными статутами о торговле, в том числе промышленная продукция, продукты питания, техника и оборудование, ресурсы и материалы, товары массового потребления и т. п.

§ II

ОБЩАЯ СТРУКТУРА МАТЕРИАЛЬНОЙ ЧАСТИ НУЛЯ

Общие положения

Индустриальные (системные) центры Нуля, сектор Нуля, диадох Нуля

1. Материальная структура, обеспечивающая выполнение основной задачи «Корпорации Нулевого Синтеза» построена на принципе децентрализации.
2. Основной единицей материальной структуры является индустриальный (системный) центр — далее сокращенно «ИЦ».
3. Единого органа, контролирующего деятельность всех ИЦев, не предусмотрено, поскольку их количество, учитывая технологию производства миров, увеличивается в Искусственном Мироздании ежесекундно в геометрической прогрессии.
4. Искусственное Мироздание, сотворенное Нуль-Корпорацией, состоит из кластеров, то есть отдельных пространственно-временных ячеек.
5. Каждый кластер разделен на космические секторы.
6. Каждый ИЦ контролирует один космический сектор.
7. Каждый ИЦ возглавляется диадохом (Наместником) сектора.

8. Диадок сектора назначается в автоматическом режиме машиной Нуль-Корпорации.
9. Решения машины контролируются Учредителем Нуль-Корпорации.
10. Диадоху сектора подчиняются отраслевые и территориальные департаменты сектора, флот сектора, вооруженные силы сектора, специальные службы сектора и иные подразделения для наблюдения и контроля.
11. Руководители департаментов, флота, вооруженных сил и иных подразделений сектора назначаются диадохом сектора, но утверждаются машиной Нуль-Корпорации и контролируются Учредителем Нуль-Корпорации.
12. Все указанные назначения производятся сетевым письмом за электронной подписью Учредителя, с кодами доступа на управление ИЦем или отдельными машинами ИЦа.

§ III

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

1. Подконтрольный ИЦу космический сектор может включать в себя от нескольких десятков до сотен тысяч звездных систем — в зависимости от конфигурации кластера.
2. Звездные системы сектора могут включать планеты и территории союзных (вассальных) Нулю государств.
3. Существование государств, не входящих в Торговый Союз Нуля не предусмотрено.
4. Существование государств, не входящих в Торговый Союз Нуля является нарушением статута Нуль-Корпорации «О сертификации миров» и карается в соответствии со статьями 102, 103, 104, 107 и 108 статута «О геноциде».
5. В пределах своего сектора диадок (наместник) самостоятельно утверждает и назначает глав союзных (вассальных) Нулю государств, решает вопросы войны и мира между государствами, утверждает или расторгает заключенные между ними международные договоры. Решения диадоха сектора регистрируются в машине Нуля и утверждаются Учредителем.
6. Решения диадоха сектора, не противоречащие статутам Нуль-Корпорации, обязательны для выполнения правительствами союзных (вассальных) Нулю государств.
7. Диадок в пределах своего сектора отвечает за соблюдение установленного пунктом 6 правопорядка. В случае неповиновения жителей подконтрольных планет и территорий диадок Нулевого Синтеза обязан пресекать указанные правонарушения любыми мерами вплоть до применения военной силы.

§ IV

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ НУЛЬ-КОРПОРАЦИИ

В качестве дополнительных (второстепенных) задач Нулевого Синтеза утверждены следующие:

1. Обеспечение стабильного (бесконечного) существования человечества.
2. Производство максимального, если возможно абсолютного множества миров в качестве ареала расселения человечества.
3. Обеспечение стабильного (бессмертного) существования каждой человеческой особи, основанное на системе принудительной реинкарнации.
4. Возможность скрытого контроля над человечеством, посредством экономического либо иного воздействия через материальную структуру Нуль-Корпорации.
5. Личная безопасность и благополучие Учредителя Нуль-Корпорации Ан-Нубиса Хептиамента.

Примечание

В случае противоречия первым двум пунктам — см. пункт 5.